

СЕРГЕЙ ЖЕМАЙТИС
**БОЛЬШАЯ
ЛАГУНА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКОВСКАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Сканировал и создал книгу - vtmakhankov

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1977

СЕРГЕЙ ЖЕМАЙТИС

БОЛЬШАЯ ЛАГУНА

Фантастическая повесть

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Р2

Ж53

Рисунки В. Борисова

Жемайтис С. Г.

Ж53 Большая Лагуна. Фантастическая повесть.
Рис. В. Борисова. М., «Дет. лит.», 1977.

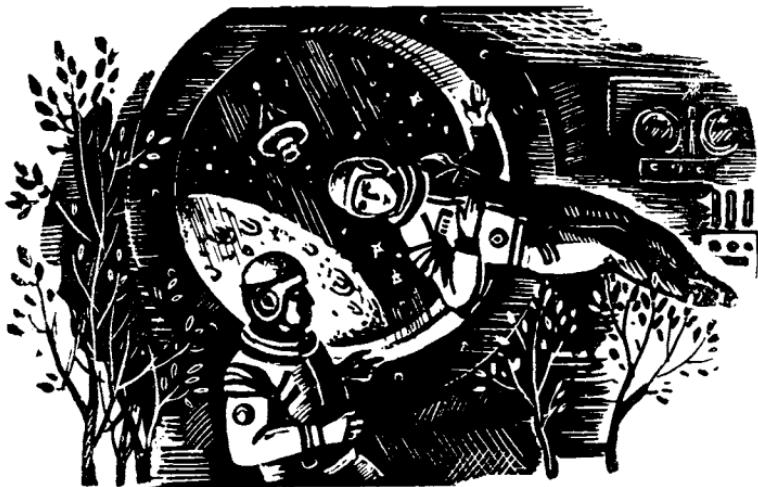
272 с. с ил. (Библиотека приключений и научной фантастики).

Фантастическая повесть о людях будущего, осваивающих моря и океаны и преобразующих Землю.

Ж 70803—213
М101(03)77 82Р—77

Р2

(С) ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

СИНЕЗЕЛЕНАЯ ЧУМА

«Колибри», ярко-желтая авиетка, медленно летела над пестрой поверхностью Большой Лагуны. Справа в золотой дымке испарений дрожал и переливался изумрудный берег Австралии, слева, за Большим Барьерным рифом, стелилась до горизонта синяя пустыня Кораллового моря. Внизу медленно плыли навстречу рыбные настбища, плантации водорослей, поля планктона, поблескивали окна одиноких ферм, крыши заводов, служившие посадочными площадками; локатор нашнукал поселок, на экране мелькнула только одна из его улиц, проложенных на бетонных столбах, два дома — белый и кремовый — с широкими верандами, стайка мальчишек и девчонок в разноцветных трусиках, стремительно пролетевшая над улицей верхом на аэробике.

Авиетка проплыла над группой коралловых островков, густо поросших кокосовыми пальмами; в лагунах застыли яхты и катамараны туристов. Все подковообразные атоллы обрашены закрытыми сторонами навстречу юго-восточному пассату. Ветер треплет космы пальм, гонит нескончаемые валы на рифы, кипящие в осенитель-

ной пene. Ниже промчалась полосатая авиетка метеорологов. Смуглый австралиец, возникший на экране видеофона, поднял руку и пожелал счастливого возвращения.

— И тебе, Генри, счастливо приводниться! — ответил на приветствие Чарли Сингх, инспектор.

— Ставим новую аппаратуру, — сказал Генри, — автоматы Ильина. Удивительные механизмы! Проводят весь комплекс наблюдений. Теперь у нас будет время для научной работы. А ты на очередной осмотр?

— Да, Генри. Все-таки пока наш глаз иногда надежней автоматики.

— Бывает, Пьер, и так. Все же рекомендую автоматы Ильина, они универсальны.

— Благодарю!

— Да ты не один?

— Со мной новая лаборантка, Наташа Стоун. А перед нами, Наташа, — Генри Свифт, метеоролог.

— Жду вас у себя! — радостно воскликнул Генри Свифт, улыбаясь Наташе.

— Лучше ты загляни к нам, — сказал инспектор. — Мне кажется, у нас наступают беспокойные дни.

— Когда?

— Ну, хоть завтра.

— Приглашение принято! — сказал Генри и добавил со вздохом: — Мне все приходится летать одному, не хватает людей...

Наташа улыбнулась и кивнула Генри Свифту. «Колибри» с легким жужжанием плыла над судоходным каналом, отгороженным от хозяйственной зоны бесконечным бетонным «забором», служившим также местом для причалов, складов и небольших отелей.

Наташа сидела в кресле пилота, положив пальцы на клавиши управления, и делала вид, что всю ее без остатка поглотил процесс вождения «Колибри», в то же время она краем глаза ловила в зеркале заднего обзора лохматую голову инспектора, его аскетическое лицо, взгляд черных глаз, то устремленный вниз, на гигантскую акваторию, то на экран портативного компьютера. Наташа старалась угадать по выражению лица инспектора, что происходит там, внизу. Ей, новичку, все было захватывающе интересно и многое непонятно, но она знала также, что расспрашивать инспектора бесполезно, в лучшем случае он ответит междометием и порекомендует обра-

титься к ежесуточному отчету деятельности предприятий и научных центров Большой Лагуны. Действительно, в отчете со скрупулезной точностью отражается жизнь всей водной страны за Большим Барьерным рифом. Только в отчете сотни графиков, схем, бесконечное число формул и очень специальный текст. Единственный раздел в отчете, не требовавший особых усилий при чтении,— это ролики магнитных записей: главным образом суточная хроника событий в глубине теплых вод Лагуны, и Наташа с интересом их просматривала вместе со всем штатом станции на вечерней летучке, только этого было очень мало, чтобы вникнуть в сложную жизнь Большой Лагуны, не говоря уж о взаимосвязи множества лабораторий и хозяйственных предприятий. Какая уйма знаний требовалась для этого! Наташе хотелось вот так же, как инспектор, с одного взгляда определять положение дел, по крайней мере видеть отклонения от нормы и тут же через ЭВМ получать исчерпывающий ответ и давать указания машинам и людям, занятым на этом необозримом пространстве.

Чаури Сингх сказал:

— Натали, сделайте круг диаметром с километр над этим полем планктона. Видите темные пятна и полосы?

Авиетка, слегка накренившись на правое крыло, стала описывать правильную окружность.

— Теперь ниже и двигайтесь к центру поля, остановитесь над темным пятном.

Летательный аппарат повис в воздухе, его медленно относило бризом в сторону берега.

— Отлично, Натали! — сказал инспектор.— Вы прекрасно водите машину.

Наташа покраснела: на ее памяти инспектор еще ни разу так прямо и ни по какому поводу никому не высказывал своего одобрения.

— Я знаю, меня считают...— он помолчал, подыскивая слово,— холодным, черствым руководителем, и вы сейчас подумали об этом.

— Что-то в этом роде,— призналась Наташа,— хотя все считают вас и справедливым...

— И только?

— А также очень добрым.

— Убийственная оценка для руководителя! — Инс-

пектор улыбнулся, но тут же лицо его приобрело обычную суровость.

Наташе хотелось спросить, что его так тревожит, но она сдерживалась: инспектор мог бросить в ответ один из своих «убийственных» взглядов.

«Ясно! Его беспокоят сине-зеленые пятна на поле хлореллы. Пятна как пятна. Какие-то водоросли. Надо вызвать пару уборочных катамаранов, и они живо разделяются с ними».

Чаури Сингх прочитал мысли девушки.

— Все гораздо сложнее, Натали. Если вы знакомились с сообщениями за последнюю неделю, то не могли не обратить внимание на сообщения о появлении синезеленой водоросли.

Наташа улыбнулась и пожала плечами.

— Признаюсь, я как-то пропустила, хотя об этой водоросли слышала на станции. О ней сейчас только и говорят. Насколько я помню из курса биологии, это крохотное одноклеточное безобидное существо...

— Безобидное с виду, пока занимает отведенную ей экологическую нишу.

— Что, она сильно размножилась?

— Невероятно! Появилась в массовом количестве везде в районах шельфа, где ведется «морское земледелие». Мы не знаем еще причин активизации этого далеко не безобидного существа. Синезеленые водоросли отравляют планктон, губят рыб. Трудно предсказать последствия. Сто первый участок уже полностью поражен этой синезеленой чумой... Опуститесь еще немного... Достаточно. Сейчас мы свяжемся с нашими лабораториями. Да, да, надо принимать меры. Главное — найти причины активизации этой синей чумы. — Он вызвал дежурного лаборанта с ближайшего поста и попросил познакомить с последними анализами.

На экране компьютера появилась заросшая физиономия «дикаря» — так называли лаборантов, дежуривших по неделе на биологических станциях. Лицо лаборанта обрамляла рыжая борода, во все стороны торчали выгоревшие на солнце белесые космы волос на голове.

«Прическа а ля папуас», — отметила Наташа и пыталась вспомнить, где она видела эту физиономию и такие широченные плечи.

— Привет, Натка! Привет, Пьер! — Лицо лаборанта

расплылось в улыбке, сверкнули белейшие зубы и голубые глаза.

— Костя! — наконец узнала Наташа.— Как ты дивно одичал!

— Принимаю без лишней скромности твой комплимент. Действительно, мое одичание перевалило за одиннадцать баллов.— И кивнул инспектору: — Через три минуты передам последний ролик анализов.— Кивнув Наташе, Костя исчез с поля крохотного экрана.

— Очень симпатичный юноша,— сказал инспектор,— и за его дикой внешностью и бравадой скрыт ум исследователя, талантливого исследователя.— Он посмотрел на часы.— Вот увидите, что ровно через три минуты мы с вами получим анализы. Уверен, что он не только отращивает свою пышную шевелюру.

Действительно, ровно через три минуты на экране компьютера появились клетки синезеленой водоросли в студенистой среде. Клетки стали увеличиваться. Чуть подрагивали гранулы, рибосомы, бусинки ДНК. Там шла сложнейшая жизнь, несмотря на снятие с нее покровов, все еще полная тайн.

Инспектор сказал:

— Жизнестойкость и консерватизм этого творения природы поразительны! За последние три миллиарда лет она, пожалуй, совсем не изменилась. За это время сколько произошло геологических катастроф, какие были климатические перепады, как менялся состав воздуха! Создается впечатление, что на нее не действуют законы эволюции. Как будто в данном варианте природа исчерпала все свои возможности.

— Может быть, природа бережет этот вид для более поздних экспериментов?

— Хорошая мысль! Материал для дальнейших экспериментов! Кстати, такого материала на Земле очень много. И это — признак ее молодости. Что для нашей Земли какие-то три-четыре миллиарда лет! Она еще полна возможностей.

Он опять погрузился в просмотр ленты, затем сказал:

— В свое время эти безобидные с виду растения принесли человечеству много бед. Они заполняли резервуары равнинных гидроэлектростанций, превратив большие водохранилища, содержащие миллиарды кубометров воды, в зловонные лужи. Когда нужда в энергии рек отпа-

ла, воду из резервуаров спустили в моря. Зеленая водоросль надолго присмирила, заняла свое скромное место в водах рек и морей. Люди долго не создавали ей условий для чрезмерного размножения. За последнее столетие мы почти полностью справились с задачей невероятной трудности: очистили от вредных примесей наши реки, озера, воздух, почву и как будто помогли природе восстановить нужное ей равновесие сил. Оказывается, то немногое, что осталось нам сделать, приводит к таким явлениям, как нашествие водоросли. Возможно также, что толчком послужили космические причины или изменение состава воды. Например, последнее время в воде наблюдался повышенный процент фосфора. В прошлом году в Средней Европе необыкновенно размножился дубовый шелкопряд. В океане появились новые виды животных — мутанты некоторых рыб, брюхоногих моллюсков, иглокожих. Что-то неприметное для нас происходило и с синезеленой водорослью. Оказывается, многие годы она ждала удобного момента, чтобы предъявить свои права.

— Права? — удивилась Наташа. — Вы говорите таким тоном, будто эти жалкие клеточки в студне действительно имеют какие-то права!

— Ну конечно, Натали. Как и все живое. Права у всех в принципе равные, неравны возможности. Человек пока захватил инициативу, покорил сушу и сейчас ведет битву за покорение океана. Первые шаги сделаны уже давно. Человек пользовался Мировым океаном вначале как средством связи и резервуаром с неисчерпаемым запасом пищи только вблизи берегов. Между прочим, и сейчас мы обрабатываем в основном прибрежную зону, мелководье — шельф; глубины во многом для нас менее изучены, чем космос в пределах нашей Солнечной системы. Нам — я имею в виду человечество, — несмотря на все невзгоды, в общем-то, очень везло, особенно после утверждения коммунистического строя, когда наконец мы могли по-настоящему заняться устройством своего дома — Земли. Теперь — только человек и природа. Две силы. Разум и миллионы случайностей. Пока мы побеждаем...

— Вас все беспокоит эта противная водоросль?

— Ну, уж не в такой степени. С ней мы справимся, хотя будет и нелегко. Могут возникнуть и другие опас-

ности, и там, где мы не ожидаем... Возьмите на пять градусов влево... Вот так, благодарю вас. А теперь давайте постоим над полем бедствия и попробуем выяснить всю серьезность положения...

На крохотном экране видеофона, вмонтированного в панель управления, вновь появилась лукавая физиономия Кости Ложкина.

— Инспектор, вас устраивает мой ролик? — спросил он, щуря глаза.

Было ясно, что его не особенно тревожили анализы и снимки, а очень хотелось поговорить с Наташой Стоун, которую он долго не видел.

— Благодарю, — сказал довольно сухо инспектор. — Утешительного мало: водоросли вытесняют хлореллу, а мы не знаем, что стимулирует агрессию... Извините, Костя... — Инспектор защелкал клавишами компьютера.

Костя тихо сказал:

— Просто отлично, что ты оставила космическую связь! У нас здесь необыкновенно хорошо, все ребята будут рады и особенно Тосио-сенсей, и Ив, и прочие «дикари». Я еще пять дней проторчу в своем гнезде. Звони. Я тебе покажу свои апартаменты... А может, заглянешь? Я живу на рифе, в нем полно всякой живности. Питаюсь, как папуас триста лет назад. Все достаю из воды и варю на ультразвуковой печке. Ты когда-нибудь ела сасими?

— Кажется, ела. Что-то японское?

— Не только.

— Ах, да, сырья рыба!

— Опять не только. У меня сасими из морского рака, с приправами по рецепту Тосио-сенссея.

— Тогда что-то необыкновенное?

— Вот именно. Ну, так до встречи!..

Костя, сверкнув белозубой улыбкой, покинул экран. Наташа сказала:

— Мы с ним вместе учились еще в школе. Потом разошлись. Он всегда увлекался биологией, а я всем и ничем...

В голосе ее слышалась грусть, что не укрылось от инспектора, и он сказал, не отрываясь от экрана компьютера:

— Мы разными путями находим свое призвание. Одни сразу, со школьной скамьи, другие долго ищут. У вас есть еще время для выбора.

— Мне кажется, я останусь здесь навсегда.

— Не следует утверждать так категорически, но я советую. У нас идет острые борьбы как нигде. Очень давно наши предки нарушили связи, установившиеся в природе миллиарды лет назад. Вы все это знаете...

— Вы только что говорили об этом, да и мы проходили в школе.

— Теперь будете проходить в жизни... Сейчас Тосио даст нам полный анализ воды, белка хлореллы, водорослей. Смотрите внимательней! — Чакри Сингх сказал в микрофон: — Пожалуйста, дай содержание клеток синевы зеленой в миллилитре воды.

На желтом экране появилась цифра: 350 000.

— Рост на пятьдесят тысяч за сутки! — сказал инспектор.

— Это средняя, — сказал дежурный по станции, — на мелководных участках — четыреста тысяч и больше.

— Скверно, Тосио.

— Да, Пьер. Но не будем расстраиваться. После темной ночи приходит утро, а потом — день.

— Мудрая сентенция, Тосио.

— Проста, как жизнь. Я только что читал изречения древних.

— Жаль, Тосио, что мы не можем услышать еще несколько утешительных строк из твоей книги.

— Хорошо, Пьер. Даю ролик анализов. Привет, Наташа!

— Привет и тебе, читающий книги мудрых! Я только что виделась с Костей. Он приглашал меня на сасими.

— Советую. Может, вырвусь и я.

— Вот было бы отлично!

Кивнув, Тосио исчез с экрана видеофона.

Между тем по желтоватому полю экрана компьютера побежали символы химических элементов по мере возрастания их атомных весов и процентное содержание элемента в воде.

— Даже золото! — сказала Наташа. — Но какое мизерное количество!

— Да, немного на первый взгляд. Хотя каждый день мы добываем до пяти килограммов только с одного сравнительно небольшого участка нашей зоны.

— Вся таблица Менделеева! — с удивлением сказала Наташа. — Я так не любила химию...

Инспектор ничего не ответил и остановил взгляд на последнем ряду формул; на его лице отразилась такая тревога, что Наташа в безотчетном страхе оглянулась по сторонам и тут же успокоилась: что могло им угрожать в такую погоду, на машине с гарантированной безопасностью полета! Даже если они не услышат предупредительных сигналов в случае приближения шквала, не редкого здесь в это время года, то сработает автоматика, и они выйдут из опасной зоны на рекордной скорости. «Колибри» к тому же амфибия... Нет, их жизни не угрожает опасность, да и не такая уж трусиха Наташа Стоун. Просто ее поразило лицо спутника.

— Инспектор, что произошло? — спросила она.

— Вы не обратили внимания на присутствие в воде радиоактивных элементов?

— Нет. Эти элементы ведь тоже входят в состав земной коры и встречаются в воде...

— Да, но в каких количествах?

Наташа с тревогой спросила:

— А с Тосио, Костей, Ивом, Антоном ничего не случится?

— На их участках радиация в пределах допустимых норм. И мы примем меры, чтобы она не повышалась.

Чаури Сингх стал отдавать приказания остановить консервный завод на сороковой ферме, вывесить карантинные знаки по границе ее акватории, а также на прилегающих фермах, где разводили креветок и лангустов, приказал лаборантам и дежурному инженеру с завода покинуть ферму и срочно обратиться в пункт врачебной помощи.

— А теперь — домой, — устало сказал инспектор. — Я не помню ничего подобного, такого у нас не случалось много лет.

— Вы считаете, что эти противные водоросли действительно нам угрожают?

— Все очень серьезно, Натали. Очень. Надвигается что-то похожее на катастрофу в Атлантике.

— Не может быть! — сказала Наташа, улыбаясь. — Просто вы устали, инспектор. Думаю, что у вас подскошило давление. Я ведь немного врача, чуть не окончила школу космической медицины.

«Ну какая может быть катастрофа в такую дивную погоду, в наше время!» — подумала она.

Наташа верила во всесилие человеческого разума и могущество техники, и после таких слов инспектор что-то потерял в ее глазах, он уже стал менее загадочной фигурой, ей даже стало немного жаль его.

«Что же произошло в Атлантике?» — подумала она.

Он улыбнулся:

— Тогда вам было четыре года. И дни стояли не менее прекрасные.

— О! Так вы действительно видите... читаете чужие мысли?

— Иногда, Натали. Простите. Это от привычки сосредоточиваться, находить волну, на которой мыслит собеседник. Иногда такой контакт с собеседником происходит помимо моей воли. Особенно когда я устаю и начинаю терять контроль над собой. Не огорчайтесь, вы были правы: теперь не так-то просто захватить нас врасплох... Ну хорошо, хорошо. Так об этой катастрофе. Тогда погибла почти вся жизнь в Карибском море. Произошло это после извержения подводного вулкана, когда в воде появились сильнодействующие яды.

— Неужели яды образовались в недрах планеты?

— Нет. Как удалось выяснить по архивным данным, в семидесятых годах прошлого века в районе вулкана сбрасывались контейнеры с ядами, которые предназначались для военных целей.

— Вулкан вскрыл контейнеры?

— К счастью, не все, а не то бы течения разнесли яд по всему Мировому океану, и трудно сказать, как вышло бы из такой катастрофы все человечество. После этой трагедии люди взялись за очистку вод и дна океана, а также подземных хранилищ, в которых наши недальновидные потомки пытались упрятать яды и радиоактивные отходы атомных электростанций, хотя и тогда уже знали, что в океане непрестанно движутся водные потоки. Появление радиоактивных элементов в какой-то мере может объяснить и мутации многих животных, замеченные в морях за последние тридцать лет. И может пролить свет на происхождение тигровых звезд. Ясно, что и они мутанты. Вначале тигровки появлялись мелкими группами, затем хлынули целой лавиной и неожиданно для нас уничтожили ценнейшие плантации коралловых полипов у Новой Гвинеи, а следовательно, и все живое там, связанное с жизнью кораллов. В настоящее время

звезды почти исчезли. Боюсь, что не навсегда. Теперь вам стала яснее причина моих тревог?

Наташа покачала головой:

— Нисколечко, инспектор. Ведь даже хорошо, что природа не смирилась, а продолжает следовать своему плану жизни. Представляете, что бы с нами стало, если бы океан превратился в спокойную лагуну, а космос раскрыл все свои секреты?

— Если смотреть с таких позиций, то действительно — все отлично. Мне же приходится думать о тех, кто ежедневно получает пищу с наших водных полей. Мы снабжаем пищей около миллиарда людей, Натали, даже больше — все континенты получают более пятисот видов изделий из вод Большой Лагуны.

Наташа Стоун прикрыла веки и покачала головой.

— Нет, я не могу себе представить, — сказала она, — стол, вокруг которого сидит миллиард человек за завтраком или обедом. Воображение отказывается. Стол обновляется вокруг Земли... Вы знаете, инспектор, вот когда я действительно решила остаться с вами, выращивать хлореллу, сражаться с тигровками.

— Я знаю, знаю, Натали...

— Да, вы все знаете, но все-таки это — главная причина.

— В вас, как и во всякой женщине, не иссяк еще инстинкт кормления.

— А я и не подумала об этом! И ведь вы правы. Не зря я пыталась представить себе гигантский стол и за ним — миллиард гостей.

Они засмеялись, довольные друг другом и собой.

— Вот теперь я слышу и ваши слова и ваши мысли, Наташа. Да, вы решили, и решили правильно: вы останетесь с нами... — Он несколько помедлил. — Мои ученики и друзья зовут меня Пьер...

— Благодарю вас, Пьер!

— Тебя! — поправил инспектор.

— Благодарю тебя, Пьер!

— Вот и отлично. Самое лучшее в жизни — приобретать друзей.

— О да, Пьер! У меня всегда было много друзей... Смотрите! — Наташа накренила авиетку. — Смотри, Пьер!

Внизу навстречу в пене и брызгах мчался отряд де-

льфинов. Они шли журавлиным клином, строго сохраняя равные интервалы.

Инспектор послал приветствие дельфинам и тут же получил восторженный, но неразборчивый для Наташи ответ.

— Протей — сын Протея ведет свой отряд в акваторию китовых акул. На этих безобидных созданий напали косатки. Местный отряд не может с ними справиться.

— Мне рассказывали о косатке — Черном Джеке.

— В высшей степени незаурядная личность этот Черный Джек. Своеобразный революционер. Он боролся за свои права. Его отряд вселял ужас не только одиноким операторам в лабораториях и на фермах, но даже населению плавучих островов. Надо было использовать всю нашу технику, чтобы оградить себя от налетов Черного Джека. Новый вожак — самка, ее назвали Роза, мало чем уступает своему предшественнику. Уверен, что она организовала дальнюю разведку и уйдет, не приняв боя против отряда Протея, вооруженного ампулами и электрическими гарпунами.

— Я видела прирученных косаток.

— Пока косатки молоды, их что-то удерживает возле человека. Думаю, что им льстит внимание и дружба с людьми. Они охотно выполняют несложные обязанности «пастухов», но при этом количество рыб катастрофически уменьшается. Все же в конце концов эти романтики уходят в дальние странствия в Арктику или в Антарктику, поближе к стадам китов. Они охотятся на китов, как некогда наши предки охотились на слонов. Обнадеживающие опыты по одомашниванию косаток ведутся на западном берегу Австралии. Там косатки охраняют пляжи от акул. Все же я не уверен, что они останутся на своем посту, покажись поблизости Роза со своими сородичами.

Их разговор прервал дежурный диспетчер.

— Докладывает Дэвид Тейлор, — послышался самовысказанный голос, и на экране появилось холодное красивое лицо.

— Слушаю, Дэв. Что-нибудь срочное?

— Протей — сын Протея атаковал отряд Розы. Косатки уходят на восток. Есть возможность их атаковать с фланга отрядом Хоха. Мы можем покончить с пиратами одним ударом.

— Ни в коем случае, Дэв. Мы не ведем с косатками войну. Война объявлена только синезеленой водоросли.

— Ну, какая там война!

— Весьма серьезная и более трудная, чем если бы мы сражались с косатками.

— Вы направляетесь к нам, инспектор?

— Будем через час.

— Да вы не один! У меня тоже гости.

— Наталья Стоун — не гостья. Она наша соратница.

— Прошу прощения и у вас, инспектор, и у Натальи Стоун. Я не хотел никого обидеть.

— Ну что вы, Дэв,— сказала Наташа,— в ваших словах не было и тени обидного.

— Вы правильно меня поняли, Ната, и я чрезмерно рад...

Чаури Сингх перебил:

— Извините, Дэв! Меня интересуют сведения о тигровках.

— Пока не поступало, инспектор. Я распорядился, чтобы посты сообщали немедленно...

— На этот счет есть приказ Центрального управления.

— О да. Но я просто напомнил патрулям и лаборантам.

— Желаю спокойной вахты, Дэв.

— Благодарю, инспектор.

Когда Дэв Тейлор отключился, Наташа сказала:

— Странный человек. У меня такое впечатление, что он изо всех сил старается не уронить свое достоинство и показать себя только с лучшей стороны.

— Все мы этого хотим, Натали. Хотя ты права относительно достоинства. Сейчас у него экскурсанты из Лусинды, и, конечно, он стремится выглядеть как можно лучше, и поверь, от него все там в восторге... Извини, Натали, познакомьтесь: Серж Берзин, лаборант восемьдесят седьмого участка...

Серж Берзин, с виду мужчина лет семидесяти, только покосился с экрана на Наташу, кивнул и сразу захватил внимание инспектора отрадными сообщениями о небывающим «урожае» устриц...

Наташа некоторое время прислушивалась к их разговору и недоумевала, как такой человек, как Чаури Сингх, может интересоваться какими-то моллюсками.

Потом она вспомнила застолье с миллиардом человек, улыбнулась. Ведь и она ест бифштекс, в котором, судя по рецепту на упаковке, двадцать процентов мидии. И она подумала, что ей надо серьезно заняться самоконтролем, возобновить занятие йогой, и, может быть, под руководством самого Чаури Сингха, который состоит членом высшей лиги йогов... Затем мысли Наташи перенеслись в резиденцию инспектора. Там сейчас весело, Дэв Тейлор холодно-любезен, подавляет всех своей значительностью: главный оператор в отсутствие инспектора распоряжается всей Лагуной, конечно, в известных пределах, но ведь этого не знают экскурсанты.

Недолго думая, Наташа включила большую рубку, где Дэв Тейлор принимал гостей. На маленьком экране видеофона она вначале не разбирала лиц, затем подстроила изображение и невольно улыбнулась: какие это были юные восторженные ребята, какими глазами они рассматривали панели, напичканные электроникой, большой телевизор, на котором транслировалась жизнь Лагуны! Конечно, многие экскурсанты сами были аквалангистами и им не были в диковинку красоты коралловых рифов, но сейчас, на экране, они, затаив дыхание, увидели настоящий бой дельфина с серой акулой, один на один. Причем дельфин не был вооружен ни ампулометом, ни дротиком.

— С голыми руками! — прошептал кто-то из ребят.

Дельфин наносил удары носом в самые чувствительные части акульего туловища, и наконец акула остановилась, словно парализованная, перевернулась кверху брюхом и стала медленно опускаться в глубину. Дельфин пулей вылетел на поверхность.

— Обычная сцена, — проронил Дэв Тейлор, хотя сам видел бой акулы с дельфином впервые. — А теперь прошу внимания, я вас, друзья, познакомлю с самим Френсисом Дрейком. Надеюсь, вы слышали о нем?

— О да, да, конечно! — послышались голоса.

В операторскую, тяжело ступая, вошел робот в опереточном костюме, с огромным подносом, уставленным запотевшими стаканами.

— Френсис! — обратился к нему Дэв Тейлор. — Как ты уже догадался, у нас гости с континента. Будь с ними любезен и, пожалуйста, не наступай дамам на ноги.

— Есть, сэр! — прогудел Френсис простуженным басом. — Прошу, дамы и господа! Пейте коктейль «Боль-

шая Лагуна». Пусть меня проглотит сам дьявол, если кто-нибудь из вас когда-либо пил что-то подобное.— Выпалив все это единым духом, Френсис замолк. Гости заплодировали и потянулись за стаканами...

Инспектор сказал:

— У Новой Гвинеи вчера поймали тигровую звезду.

— Это вас очень тревожит?

— Не больше, чем все остальное. Я отдал распоряжение вести наблюдение за дном в районе всего Большого рифа.

Наташа вспомнила выражение лица Дэва Тейлора и не могла сдержать улыбку.

— Дэв умеет принять гостей, — прочитал ее мысли и ответил Чаури Сингх.

— Как это вы... — начала было Наташа.

— Извини меня, я опять читаю твои мысли. Всё от усталости. Мне следует отдохнуть тридцать минут. Отрешиться от всего.

— Погрузиться в нирвану.

— О нет, Натали. Все не так сложно. Надо только сосредоточиться на чем-то отвлеченном, например, на полете чайки, воссоздать его или вообразить себя рыбой, волной, облаком...

— Совсем просто, Пьер. Иду на посадку.

— Опускайся в малую гавань. Еще раз извини. Я опять подслушал твою мысль: почему у индийца двойное имя — Чаури Сингх и Пьер?

— Да, я подумала так.

— Чаури Сингх традиционное имя, его дают первенцу в нашей семье. Так звали множество моих пра-прапрадедов. Мама у меня француженка, и она назвала меня Пьером. Мама моя иногда приезжает к нам. Она художница по тканям.

«Колибри» повисла над группой мелких островков в окружении рифов. На самом большом островке, площадью около квадратного километра, в густой зелени белели крыши строений. Волноломы соединяли рифы тонкой линией, образуя два вместительных ковша, где стояло десятка три яхт разных типов, от могучих океанских «Сирен» с тридцатиметровыми мачтами до крохотных спортивных «Чаек» с ограниченным районом плавания.

— Опускайтесь в малый ковш. Сейчас туда входит «Тайфун», наша патрульная яхта; они также вытащили

трапом небольшую тигровую звезду, увидите, что это за создание.

Наташа нажала на клавишу автоматического спуска, и «Колибри» заскользила по спирали вниз.

ПОЛЕТ НА „СИРИУС“

Доктор Мокимото не любил, когда его сотрудники на долго покидали институт. Он говорил, что тогда рвутся или, по крайней мере, до предела натягиваются связующие нити: «Образуется пустота, которую невозможно ничем заполнить. Человек неповторим, его нельзя заменить. Можно только примириться с потерей. Допустим, вы мне не нужны пока, но все равно ваше присутствие здесь, поблизости, помогает мне, так как я знаю, что вы рядом и можете всегда прийти на помощь». — «Но существуют идеальные формы связи!» — возражали ему. «Да, но все это копии. Ничто не может заменить оригинал...»

Сейчас, подъезжая к космодрому, Вера представила себе лицо своего учителя и улыбнулась. Профессор долго напутствовал ее, предостерегал от возможных и мнимых опасностей. Взяв ее за руку на прощание, он сказал:

— Вера, пожалуйста, прошу тебя, не выходи в открытый космос. Сейчас стало модным плавать в пустоте.

— Да разве я решусь на это? — спросила она его.

— О, не решайся! Никогда не решайся...

Профессора мучило сознание, что он направляет слабую девушку в такое опасное путешествие. Мокимото не любил космос, даже воздушным транспортом воспользовался всего один раз — когда получил известие о болезни внука. Он предпочитал древние способы передвижения по земле и воде. На «Сириус» уже летали три его ассистента, а оазис в космосе по-прежнему находился на грани гибели. И вот он с болью в сердце решил отправить туда свою любимую ученицу.

— У тебя, Вера, легкая рука, как говорили наши предки. Что это такое, я до сих пор не знаю, это понятие лежит за пределами логики. Все делают так же, и у них не получается, а берется человек и делает чуть-чуть не так, не по правилам, и у него получается...

Два робота-грузчика взяли из багажника аэробуса

довольно большой и тяжелый контейнер с рассадой, семенами, сложным набором удобрений и скрылись в одном из тоннелей, ведущих в недра космодрома. Вера посмотрела им вслед с некоторой тревогой: что, если они доставят ее груз не на ту ракету?

— Ваш билет? — спросил мягкий, вкрадчивый голос.

Перед Верой стояла главная достопримечательность Бомбейского космодрома — малиновый контролер. Робот в малиновом камзоле с золотыми пуговицами на две головы возвышался над Верой. Конструкторы придали ему формы «идеального мужчины».

Вера вытащила из кармана брюк овальный жетон. Малиновый контролер только повел «глазами» и сказал:

— Все правильно. Отлет «Сириуса-2» через двадцать семь с половиной минут. Транспорт — синий автокар.

— Благодарю, я пойду пешком.

— Тогда следуйте по синей дорожке. За всеми справками обращайтесь к любому из моих коллег. Счастливо-го пути.

Вера еще раз поблагодарила обязательного робота.

Центральный зал, где она находилась, поражал размерами: она не увидела его противоположной стены. Перед глазами колыхалась пестрая толпа пассажиров, люди двигались в разных направлениях, и все же чувствовались размеренность и порядок. Как вехи, там и сям виднелись малиновые контролеры.

Вера быстро шла по синей дорожке среди плотной толпы людей. Она удивилась, что ей никто не мешает, будто дорожка проложена только для нее одной. В зале стоял густой шум от шарканья и стука тысяч ног, говора, каких-то мелодичных звонков. Иногда этот деловой шум покрывал отдаленный грохот, пол вздрагивал — в небо уходила ракета.

Робот-диктор оповещал о времени отлета следующего корабля или о прибытии лайнера из дальнего рейса — с Луны, спутников, с другого континента.

В синем зале, кроме робота в красном фраке, находился всего один человек, одетый по-дорожному — в синюю куртку и такие же брюки. Он сидел в глубоком кресле и, видимо, слушал «говорящую книгу». С его цветущего молодого лица не сходила улыбка. Все-таки он заметил проходившую мимо Вера, поднял руку в приветствии и сказал:

— Потрясающе смешно! Ты слушала «Веселую семейку»?

— Привет! — улыбнулась Вера. — Слышала в отрывках.

— Ты всю пьесу прослушай, я одолжу тебе ее в ракете. А если хочешь, бери сейчас. У меня еще есть кое-что.— Он подмигнул.— Детектив двадцатого века. До жути мрачная история. Я начал читать, да пульс у меня достиг ста двадцати в минуту. Это во время погони за этим... как они у них назывались... да-да, вспомнил: преступниками. От слова «переступить». То есть нарушить закон. Там есть одно место... Тоже можешь воспользоваться в дороге. Или я расскажу тебе сюжет?

— Нет, благодарю, как-нибудь в другой раз...

— Прости, ты чем-то озабочена, а я врываюсь со своими дурацкими предложениями.

— Ну, почему же... Меня тревожат мои растения. Их куда-то унесли два робота.

— О, да ты биологиня! — Розовощкий молодой человек вскочил.— Тебя там ждут. Представляешь, что-то проникло в оранжерею, и вся зелень... — Он выразительно подмигнул и прищелкнул языком.— Так ты реставратор? Та, та самая Вера! Прелестно, Вера.— Он постарался без особого успеха согнать улыбку с лица и представился: — Вика Крубер. Викентий Крубер, конечно, да меня все зовут Викой. Я ассистент астрофизика Аллана Хааса. Это имя тебе ничего не говорит? — спросил он, протягивая руку для пожатия.

— Извини, Вика, нет. У меня подруга Биата — тоже астрофизик. Она долго работала здесь в период вспышки сверхновой. Сейчас она в длительном отпуске.

— Биата, Биата... Может, Beata?

— Нет, Биата.

— Нет, не знаю Биату.

— А Beatus?

— У меня была соученица Beata, только она занимается плазмой. А твоя — сверхновыми звездами?

— Да, Вика. Она одержима космосом.

— Как я ее понимаю! Как понимаю! Я тоже весь в космосе. Ты также станешь в наши ряды. Ты не могла ничего лучше придумать, отправившись на наш «Сириус». Вот увидишь, какой это отличный островок во Всеенной, особенно после введения искусственной гравитации.

ции. Но здесь и невесомость можно ощутить, прямо в нашей обсерватории. Тебе еще не приходилось парить в космосе?

Вера с трудом высвободила свою руку, удивляясь странной манере молодого человека так вести себя и его многословию.

Она ответила:

— Я первый раз. Только однажды, еще в школе, мы летали с папой в кругосветку.

— О, блаженные годы детства! — нараспев сказал Вика.

— Меня никогда не тянуло от Земли. Я так не люблю холод, пустоту и риск неизвестно ради чего.

На этот раз с лица Вики сползла улыбка, он стал необыкновенно серьезен, даже суров.

— Неизвестно, ради чего? — прошептал пораженный Вика, прижимая руки к пухлой груди. — А познание Все-ленной! Раскрытие тайн бытия! Только там, в стерильной чистоте космоса, сбросив земную атмосферу, мы стоим перед лицом Вечности, Вера, и перед нами раскрываются тайны рождения клетки и звезды. — Вика огорчено вздохнул: — Нет, Вера, у тебя неверные представления о наших задачах. Между прочим, сейчас многие недооценивают наши завоевания за пределами Земли. Стало модным тянуться к земной природе — ручейкам, кустикам.

— Вика!

— Что, Вера? — испуганно спросил студент.

— Оставь в покое кустики. Без кустиков — так, видимо, для удобства ты обобщаешь весь растительный мир — не прожить в космосе. Я везу эти кустики на «Сириус», чтобы вы могли открывать свои тайны бытия.

— Прости, Вера... иногда я делаю несколько поспешные заключения.

Вера обвела взглядом Синий зал. Вика понял ее.

— Возможно, больше никого и не будет, кроме нас, — сказал он весело. — Даже если мое общество тебе не нравится, то все равно придется смириться. Если любишь шумную компанию, то надо было лететь неделю назад, когда менялся состав станции. Я должен был тоже тогда лететь, да опоздал. Клянусь, проспал, забыл поставить будильник. Такого со мной еще не случалось до работы

в обсерватории. Я становлюсь рассеянным, как мой патрон: ведь он в состоянии выйти без скафандра в открытый космос!..

Вика без умолку щебетал и в ракете. Он необыкновенно легко менял тему разговора и с таким же увлечением рассказывал Вере и о своих наблюдениях за астероидами, и об устройстве спутника, и о спорте — Вика увлекался игрой в мяч,— и о своих воззрениях на современный балет.

Вера уснула под его ровный голос: Вика предался воспоминаниям о детских годах, когда он подавал огромные надежды как художник-пейзажист.

Ракета облетела Землю и на втором витке стала приближаться к спутнику.

Вера слышала сквозь сон:

— ...Ну как можно спать... Подлетаем... Ну проснись же!

Вера открыла глаза, не понимая еще, где она находится и что за человек тормошит ее за плечо.

— Подлетаем! Спутник справа по борту! Да не смотри на экран, там лишь бледное отражение...

Вера действительно не могла оторвать глаз от экрана на передней стенке, где в черной пустоте плыл навстречу, увеличиваясь в размерах, «Сириус-2».

— Да ты плюнь на экран! — с отчаянием в голосе выкрикнул Вика.— Ты что, никогда не видела его таким крохотным? Ты поверни голову влево!

Вера послушно подчинилась, и Вика сказал с облегчением:

— Ох, уж эти мне женщины!.. — и, прижавшись щекой к ее плечу, стал с таким же интересом, как и его спутница, рассматривать надвигавшееся на них ажурное колесо. Казалось, что ракета неминуемо врежется и разрушит это чудо инженерного искусства, выпесенное за сорок тысяч километров от поверхности Земли.

Колесо диаметром в сто десять метров медленно вращалось на фоне холодных немерцающих звезд космоса. В ободе колеса располагались лаборатории, различные службы, склады, энергетические блоки. Сходство с колесом гигантской арбы древних дополняли спицы, сходящиеся в центре, где находилась Главная обсерватория с телескопом гигантской мощности.

Вика сыпал сведениями, как заправский гид. Пора-

женная, Вера молчала и только попросила показать, где находится оранжерея.

— Вот, пожалуйста, сорок девятый отсек. Видишь ли, для полного жизнеобеспечения колесо разбито на герметически изолированные отсеки. Я понимаю, что ты хочешь спросить. Герметизация в жилой части происходит только в случае, если обнаруживается службой безопасности приближение метеорита. Дело это простое — наши приборы фиксируют даже микрометеориты за три тысячи километров. Дистанция дает возможность сработать автоматике и подготовиться к встрече. Создается поле, отклоняющее в сторону от «Сириуса» небесные камешки. Так что все предусмотрено, Вера... Ну вот, поздравляю с прибытием! Пилот уравнял скорость с колесом. Сейчас подадут шлюзово-трап, и мы дома!

— Только не делай резких движений, — говорил Вика, — плавность и еще раз плавность, и ты будешь порхать как мотылек. Вот так! — Вика сидел в кресле и вдруг поднялся в воздух, перелетел через всю комнату и плавно опустился на диван.

— Ты, Вика, акробат, я никогда не добьюсь такого мастерства. Мне бы только сносно передвигаться в оранжерее и ходить по коридорам, не налетая на встречных.

— Адаптируешься! Я тоже пережил нечто подобное, хотя перед полетом работал на тренажере, и к тому же на втором курсе мне пришлось побывать на Луне. В лунной обсерватории. Что-то вроде экскурсии. Уже в то время на меня имели виды...

Вера уже спала в глубоком, необыкновенно мягким кресле, почти не чувствуя собственной тяжести.

Вика встал и плавно перелетел к двери...

Проснулась Вера в том же кресле, только спинка у него теперь была откинута и оно превратилось в удобную кровать. Вера, по привычке, вскочила, и ее подбросило к потолку; она ударила о мягкую обшивку спиной и плавно опустилась посреди комнаты. Посышалось легкое потрескивание, как дома в стареньком приемнике, и диктор — земной диктор, Вера узнала его по голосу, — поздравил с добрым утром и предложил заняться утрени-

ней гимнастикой. Только с первых же упражнений Вера поняла, что они разнятся от обычных. Очевидно, их составили специально для космонавтов, жителей Луны и спутников. На большом телеэкране девушка-тренер проделывала упражнения и поощрительно, так казалось Vere, улыбалась. Вера и сама не так давно считалась на студенческих олимпиадах одной из лучших гимнасток, и сейчас ей хотелось блеснуть перед объемной тенью на телеэкране; упражнения не отличались особой трудностью, а лишь требовали точности движений.

Музыка оборвалась, диктор пожелал «творческого дня», и партнерша по гимнастическим упражнениям шагнула с экрана в комнату Vere.

— Доброе утро! — сказала она.— Извини, что я вторгаясь к тебе, но ты ведь новичок и сама почувствовала, что упражнения не так уж просты, особенно режим дыхания. У нас избыток кислорода, поэтому вдохи надо делать менее глубокими, особенно без привычки. Я твоя соседка по комнате, у нас общий душ. Звать меня Пегги. Я австралийка. Вот, пожалуй, и все обо мне, не считая, что я здесь уже три дня и занимаюсь тем, что корректирую карту глубин Индийского океана... Ты чем-то удивлена?

— Ну конечно, Пегги, как не удивиться, когда человек сходит с экрана!

Пегги звонко рассмеялась.

— Значит, получилось! — Она стала объяснять: — Телеэкран у нас с тобой находится на двери, а дверь задвигается в стенку. Я создала фон вот из этого занавеса. Прости за мистификацию. Мне вчера Вика рассказывал о тебе. Не правда ли, он очень мил? — И, не дожидаясь ответа, так как была уверена, что нет существа во Вселенной, которому бы не нравился Вика, она задала второй вопрос: — Ты наш новый огородник?.. Какое смешное слово, где его только выкопал Вика!

— Огородниками прежде называли ботаников-практиков, они выращивали овощи для всеобщего потребления. Да, пожалуй, Вика прав, я действительно буду у вас огородником и садоводом в придачу. Сейчас овощи и фрукты вы получаете только с Земли.

— Я над этим не задумывалась. По мне, хоть с Марса.— Пегги так заразительно засмеялась, что улыбнулась и Vere. Ее соседка сильно напоминала Вику.

«Может, все дело в невесомости,— подумала Вера,— и я изменилась под влиянием среды?»

— Ты подумала что-то обо мне? Да? — спросила Пегги.

— Да, Пегги. Я подумала, что ты чем-то напоминаешь Вику.

— Ну, а как же! Ведь он мой брат.

Теперь Вера засмеялась первой, и Пегги присоединилась к ней.

— Ты подумала... Между прочим, не ты одна пришла к такому выводу. У нас разные отцы. Мы похожи только характерами. Оба в маму... Ну, а теперь довольно. Давно я так не смеялась. Как хорошо, что ты прилетела! А сейчас марш в душевую. Без разговоров. Ты моя гостья. После душа — завтрак у меня. Затем ты пойдешь к своим огурцам, а я примусь разглядывать рифы и глубины Индийского океана.

— В прошлом году здесь проходила практику моя подруга Биата,— сказала Вера.

— Биата? Нет, не встречала. Здесь часто меняются составы лабораторий, да и самих лабораторий уйма. Ведь здесь работает триста двадцать человек! Вот когда достроят новый спортзал, ресторан, театр, тогда общение будет более тесным. Но я, пожалуй, сюда больше не вернусь, с меня хватит и одного пребывания в космосе. Ну, а ты как себя чувствуешь здесь? Тебе нравится вертеться в этом колесе?

— Еще не знаю. Пока только удивляюсь. Все необычно. Какой-то фантастический мир. Мне кажется, что здесь и мысли должны быть другие. Я ловлю себя на этом.

— Не беспокойся, мысли останутся прежними. Все от непривычной обстановки. Я встречала ребят, которые торчали здесь по два месяца, и не скажу, чтобы они поражали оригинальностью мышления. Отсюда привозят данные наблюдений и любовь к нашей старушке Земле. Хотя я, пожалуй, ее обидела, она еще так молода. Ее недра клокочут от избытка энергии, продолжают мигрировать материки. А океан! Он еще так юн! И все же здесь фантастически хорошо,— услышала Вера, уже стоя под тонкими, колючими струями воды.

...В оранжерее Вера нашла прекрасное оборудование. Автоматика, направляемая компьютером, регулировала свет, подачу минеральных солей в пористый пластик, служивший здесь почвой; специальное устройство подрезало ветви и складывало их в контейнеры; чувствительные фотоглаза зорко следили за созреванием плодов и овощей: как только регистрировалась запрограммированная окраска, эластичные присоски срывали урожай и передавали упаковочному агрегату, а механический аналитик брал пробы и отпечатывал на ленте процентное содержание витаминов и других компонентов. Люди редко посещали оранжерею, так как там поддерживалось повышенное содержание углекислоты и распылялись воздушные подкормки растений.

Веру сопровождал инженер-генетик Сюсаку Эндо, высокий, худой, в старинных очках в роговой оправе — такие очки стали входить в моду за последние полгода. Сюсаку Эндо находился на спутнике уже вторую неделю и был над разгадкой причин гибели растений в оранжерее. Представившись, он сказал, что много слышал о ней от доктора Мокимото, с интересом читал ее последнюю работу в «Зеленых тетрадях» и что он не желал бы лучшего партнера в работе, чем она, Вера. Инженер улыбался, но в его глазах она уловила тревогу и усталость. Еще она почувствовала, что Сюсаку Эндо сильно разочарован, что он не видит особого прока в ее появлении на «Сириусе» и досадует на Мокимото, который, вместо того чтобы прилететь самому или прислать кого-либо из солидных ученых — своих помощников, навязал ей студентку-пятикурсницу, видимо, на том основании, что она печатается в «Зеленых тетрадях».

Меж тем он сказал, плавно разводя руки:

— Можете убедиться, что какие-то таинственные силы обрушились на этот крохотный оазис. Я все удалил, за исключением вот этих кустарниковых манг. Не надейтесь увидеть на них цветы или плоды, сейчас это просто декоративное растение, к тому же, боюсь, пораженное неизвестным нам вирусом. Над поисками неуловимого вируса бьюсь я, и сейчас занимаются этим же на Земле, придется заняться и вам, Вера-сан.

— Не знаю, чем я смогу помочь, — несколько растерянно ответила Вера и спросила: — Может быть, космическая усталость?

— О нет, Вера-сан, все растения были посажены два месяца назад. Слишком мало времени прошло, чтобы растения могли испытать усталость.— Он улыбнулся.— Вот вам, Вера-сан, придется испытать усталость, если вы действительно займитесь решением проблемы.

— Вы думаете, безнадежно?

— Конечно, все разрешится, только не так скоро.— Он повторил: — Не так скоро,— и улыбнулся, показав прекрасные зубы из фтористого перламутра.— К сожалению, я не смогу участвовать в дальнейших поисках, по крайней мере здесь. У меня кончается срок пребывания в космосе. Но я буду работать там,— он показал в пол,— и, по возможности, поддерживать с вами общение, Вера-сан.

«Далась ему эта Вера-сан! Небось рад-радехонек, что избавляется от проблемы»,— подумала она и спросила, сорвав листок манго:

— Так вы действительно считаете, что растения погибают, подвергаясь каким-то космическим излучениям?

— Да, Вера-сан. Все самые тонкие анализы не подтвердили наличия бактерий или вирусов. На них дышит космос. «Сириус» пронизывают частицы типа нейтрино, но не такие безобидные. Хотя исследования еще не закончены, другой гипотезы пока нет.— Он спросил, склонив голову набок: — У вас, Вера-сан, нет каких-либо предположений?

— Нет, доктор. Я не настолько гениальна, чтобы при одном взгляде делать заключения.

Сюсаку Эндо закивал головой и лучезарно улыбнулся. Он был обижен, даже оскорблён, усмотрев в словах Веры обвинение в скоропалительности суждений, одном из самых тяжких грехов, в которых только можно обвинить ученого.

— Если вы не утомились, Вера-сан, то я попрошу вас пройти в лабораторию, там вы сможете убедиться, что мои предположения сделаны не только путем беглого осмотра растений.

— Я не думала так, доктор, извините, если допустила хоть намек. Я знаю вас как очень осторожного в своих выводах человека...

«Боже, ведь он же подумает, что я намекаю на его исследования коралловых полипов, которыми он занимается безрезультатно лет десять...»

Ее так и понял Сюсаку Эндо, озарив самой ослепительной улыбкой...

В биологической лаборатории Сюсаку Эндо поразил Веру огромным количеством материалов, оставленных предшественниками, выяснявшими причины гибели оранжереи.

Здесь находились тысячи диапозитов, фотографий, несколько довольно объемистых работ, магнитофонных записей и даже получасовой кинофильм.

Сюсаку Эндо, видя ее замешательство, сказал:

— Как вам известно, Вера-сан, здесь до меня работало десять выдающихся ученых самых различных взглядов на природу клетки, а следовательно, сделавших много противоречивых заключений...

— Чтобы во всем этом разобраться, надо по крайней мере полгода,— сказала Вера,— а у нас так мало времени.

— Согласен с вами, Вера-сан, доставка продуктов обходится слишком дорого. Я кое-что сделал для облегчения вашего труда, Вера-сан. Советую просмотреть мои обобщения.

Вера рассеянно просматривала записи на клочке бумаги, иллюстрированные забавными рисунками сцен на «Сириусе».

Сюсаку Эндо сказал:

— Шаловливые записи нашего коллеги Понти...

— Карло Понти? Открывшего загадку свечения глубоководных рыб?

— Представьте, он самый. Не могу понять, как ему удалось сделать такое открытие.

— Почему же? Он выдающийся ученый!

— Возможно. Я не занимаюсь глубоководными обитателями океана, и не мне судить. Но здесь... советую отнестись к его гипотезе с большой осторожностью.

— Он выдвинул гипотезу?

— Усмотрел странную связь между активизацией синезеленых водорослей и печальным событием в нашей оранжерее.

В глазах Веры блеснули искорки. Инженер заметил это и сказал предостерегающе:

— Только не идите этим опасным путем. Я вижу, и вас смущают многочисленные колонии синезеленых водорослей в питательной среде и даже в тканях растений,

но это же нормальный симбиоз! Нет, Вера-сан, здесь другая причина.

— Посмотрим,— ответила Вера.

На следующий день Сюсаку Эндо отбыл на Землю с рейсовый ракетой, пожелав на прощанье Верс великих успехов, и если она позволит, то он даст ей один совет: ничего не предпринимать до выяснения причины гибели растений. «Я бы не рекомендовал вам производить новые посадки...»

Вера поблагодарила и тут же принялась за дело. Она заставила работать с предельной нагрузкой все механизмы оранжереи, убрала пластик-почву вместе с последними кустами манго, сменила воздух, провела дезинфекцию жесткими излучениями и уже к вечеру второго дня высадила взятую с Земли рассаду и высевала семена. Теперь оставалось только ждать.

Мокимото одобрил Веру.

— Всегда опыт разрешает споры,— сказал он.— Скорее мы узнаем, кто прав — Сюсаку Эндо или Карло Понти. Хотя вот тогда-то и начнется настоящая работа: надо будет найти средства или от излучений, или от синезеленой водоросли.— На прощанье он умоляющим тоном попросил: — Вера, только не выходи в открытый космос и, как только почувствуешь усталость, возвращайся...

Вика и Пегги, сменяя друг друга, помогли Вере с пользой заполнить дни ожиданий. Они провели ее по всему ободу колеса. Там в сотнях ячеек трудились учебные самых различных специальностей — от биологов до металлургов. Вера поражалась удобством, перенесенным с Земли.

— Ты представляла, что мы здесь заточены в крохотных капсулах,— говорил Вика.— Разве ты не видишь, сколько пространства в нашем распоряжении? Сейчас доставка строительного материала очень упростилась. Вот ты посмотришь, что здесь будет через год, когда закончится строительство нового гимнастического зала, ресторана и Большого астрономического центра!

— Но я не собираюсь ждать этого события целый год.

— Не смейся, ради звезд первой величины! Во-первых, тебе не позволят остаться на такой срок, а во-вто-

рых, тебя снова и снова потянет к нам. Как знакомо мне это чувство! Наверное, его испытывают перелетные птицы. Когда там, на Земле, ночью среди звезд я нахожу свой «Сириус», то мне так и хочется взвиться в высоту. Нет, не смейся, Вера, и ты, Пегги. Именно взвиться!

Пегги сказала, стараясь сохранить серьезность:

— Да, Вера, тяга в космос у него настолько сильна, что ученый совет института решил держать его в контейнере, а не то он улетит в космос без скафандра.

Вика обиделся:

— Пегги! Это не остроумно.

— А тебе изменило чувство юмора.— Она кивнула Вере: — Теперь он поведет тебя показывать звезды и жуткое небо. Один раз это можно вынести. Затем приходи ко мне в лабораторию океанографии.

— Пегги! — возмущенно выдохнул Вика.— Как ты можешь...

— Могу, как видишь.— Пегги со смехом выскоцила за дверь.

Вика сказал, глядя на дверь:

— Вообще Пегги необыкновенный человек, только ей нравится втыкать в меня шпильки.— Он тряхнул головой.— Идем, Вера. Ты не пожалеешь! Пользуйся поручнями. Делай, как я. Главное — плавность движений.

Они шли по узкому коридору, устланному дорожкой с выткаными на ней полевыми цветами, мимо разноцветных дверей с большими цифрами на них.

— Чтобы не ворваться в чужую комнату,— пояснил Вика.— Здесь все продумано. Например, здесь существует два способа передвижения. Для новичков — тихое хождение с помощью поручней, для «стариков», которые дорожат своим временем,— реактивные бутсы-скороходы. Ты разве не заметила, какие на мне туфли?

— Представь, нет... О, какая оригинальная обувь! — искренне удивилась Вера, рассматривая Викины ботинки на толстенной подошве.

— В них микродвигатель. Очень удобно. Вот смотри!

Викины ноги резко вынесло вперед. Затем он описал в воздухе полный круг и неожиданно покатился кубарем по зеленой дорожке, то подлетая к потолку, то ударяясь об пол. Он сбил с ног женщину, вышедшую из комнаты в коридор, и покатился дальше, издавая короткие вопли. Женщина поднялась с дорожки и укоризненно посмотрела

ла вслед удаляющемуся Вике. Глаза ее смеялись. Она сказала встревоженной Вере:

— Ничего не произойдет. Молодой человек снял ограничитель. Вот уже и сработала автоматика. Ваш друг попал в спасительную сеть. Я сторонница нормального способа передвижения. Хотя бутсы изобретены еще в пору первых орбитальных станций, они что-то плохо прививаются. Да и нужны они только в полной невесомости, а здесь, слава богу, хоть какая-то тяжесть. Ты ботаник? — удивила она Веру.

— Да... Но как вы определили?

— Милочка моя! Твой приезд транслировался по местному телевидению. С тобой прибыл неповторимый Вика. Вот уже барахтается в сетях.— Кивнув на прощанье, она ушла в противоположную сторону.

Передвигалась она очень уверенно, не держась за поручни. Вера попробовала последовать ее примеру и тотчас же подлетела к потолку, при второй попытке ей удалось пройти несколько шагов, затем она пошла, удивляясь, как это легко и просто: только надо не напрягаться, плавно ставить ступни и плавно отрывать их от пола.

Вера видела, как Вика разулся, связал шнурки, перекинул бутсы-скороходы через плечо и ждал ее, крепко держась за поручни. Когда она подошла, Вика спросил с легким смущением:

— Надеюсь, тебе понятно, что произошло?

— Приблизительно, Вика.

— Так знай, что я проделал трюк, чтобы показать тебе, как осторожно следует пользоваться космической техникой, даже такой невинной, как бутсы-скороходы. Запомни, что реактивные двигатели толкают в пятку; следовательно, чтобы в лучшем случае не шлепнуться на пол, надо посыпать корпус вперед. Ясно?

— О, вполне.

— Да ты превосходно научилась ходить! Пожалуй, не хуже Пегги. Наверно, дома работала на тренажере?

— Нет, Вика. Пригодились советы Пегги и милой дамы, что встретилась мне после того, как ты превратился в сегнерово колесо.

— Ах, это Лиза Иванова, микробиолог.— Вика помрачнел.

— Она успокоила меня, сказав, что ты не будешь вечно носиться по коридору, тебя изловят сетью.

— Да, это Лиза. Представляю, как она информирует Пегги! Ну, да ладно. Вот мы и пришли. Заметь, что двери наших лабораторий цвета неба Марса. Мы занимаем самую большую площадь на «Сириусе», и неспроста. Собственно, для нас и сооружен спутник. Все остальные ются под нашим крылом. Нам не жалко, места здесь всем хватит. Вот, пожалуйста,— главная обсерватория. Сейчас я тебя представлю доктору Аллану Хаасу. Вот это личность! Железный человек!

«Железный человек» оказался небольшого роста, щуплым с виду и, как отметила Вера, с маленькой головой и заурядным лбом. Трудно было представить, что перед ней один из выдающихся астрофизиков, опровергший теорию «разбегающейся Вселенной».

— Вы прилетели к нам в очень удачное время,— сказал доктор Хаас.— Всего несколько дней назад закончен монтаж системы ретрансляции. Теперь нам не надо надевать скафандры и...

— ...болтаться в невесомости,— вставил Вика.

Доктор Хаас улыбнулся:

— Как образно выразился Вика, теперь мы действительно редко болтаемся в невесомости. Изображения, получаемые телескопами, сейчас переносятся на экран.

Веру усадили в кресло. Обсерватория занимала большой эллипсовидный зал, напоминавший ходовую рубку на подводном гидрографическом судне, только несравненно больше; зато множество приборов на стенах, компьютеры, экраны невольно вызывали сравнение с подводным кораблем. И действительно, и там и здесь работали в герметически закрытых помещениях и только с помощью различных технических ухищрений могли наблюдать за тем, что происходит за стальной оболочкой.

Кроме доктора Хааса и Вики, в обсерватории находился еще один ученый. Он настолько углубился в какие-то расчеты, что только кивнул Вере и снова повернулся к каретке компьютера, выдававшего ровные ряды цифр.

— Доктор Джозеф Рейда,— представил его доктор Хаас.

Доктор Джозеф Рейда еще раз торопливо кивнул, щеки его дернулись, что, видимо, заменило ему улыбку.

— Он на грани величайших открытий,— шепнул Вика Крубер, усаживая Веру в кресло против мерцающего экрана.

— Вам Вика покажет обозримую Вселенную,— сказал доктор Хаас и, извинившись, отошел в противоположную часть обсерватории, где, как пояснил Вика, он просматривает первые снимки пульсара, открытого близи центра нашей Галактики.

— Пульсар, пульсар...— Вера вопросительно посмотрела на Вику.

— Ну, пульсирующая звезда, и только.

В словах Вики Вера почувствовала неприязнь к доктору Хаасу, который, видимо, по мнению Вики, занимается пустяками, вместо того чтобы дальше развивать свою гениальную теорию.

Вика отошел к панели со множеством приборов. Экран засветился ярче. Затем Вере показалось, что экран ушел в стену, образовалось окно, и она в нем увидела Млечный Путь, до того яркий, что прикрыла глаза рукой.

— Не та фокусировка,— сказал Вика.— Вот теперь смотри. Ну как? — В голосе Вики звучали торжествующие ноты.

Действительно, у Веры захватило дух, когда в черной бездне засияли звезды созвездия Орион. Звезды именно сияли, не лучились, а сияли, казались меньше, чем на Земле, и неизмеримо дальше. Вера искала, с чем можно сравнить цвет космоса, и не находила сравнения. Вначале ей казалось, что перед ее глазами абсолютно черный цвет. Всматриваясь, она почувствовала, как пробежал холодок по спине: никакого цвета не было, перед ней разверзлось пространство, неизмеримое, бесконечное пространство, не имеющее цвета, как не имеет его пустота. Она поняла, что черный цвет — кажущийся, им заполняет сознание пустоту, и если бы не эта особенность, то перед ней открылось бы нечто страшное, немыслимо страшное. Захотелось домой, на Землю, под защиту теплого неба, под защиту облаков, захотелось услышать шелест листьев, шум волн, ворошащих гальку.

Вика перешел к метагалактике, взволнованным шепотом называл звездные острова во Вселенной:

— Крабовидная туманность... Туманность Андромеды... Шаровидная туманность...— Называл расстояния — миллионы и миллиарды световых лет.

— Благодарю. Достаточно, Вика,— наконец сказала Вера, подавленная необыкновенным зрелищем.

— Да ты что? — удивился Вика. — Сейчас мы пройдемся по нашей Солнечной системе.

— В другой раз, Вика.

Она поднялась. Поблагодарила доктора Хааса. Теперь этот маленький человек неожиданно вырос в ее глазах. Она поняла: какую надо иметь силу, какой полет воображения, чтобы оторваться от Земли, проникнуть в тайны Вселенной, объяснить законы ее движения, понять жуткую жизнь звезд!

Вера пошла к своим растениям и сразу обрела покой и уверенность в себе. Крохотные зеленые существа храбро карабкались к свету; особенно ее радовали ананасы и скороспелые огурцы. В ней крепла уверенность, что с ее легкой руки возродится космическая плантация. Только Вера никак не могла понять, что произошло. Она придерживалась старого состава питательной смеси, разве что применила новый стимулятор и чуточку изменила световой режим. Все это не имело существенного значения. Нововведения не могли принести коренных изменений.

Она вызвала по видеофону профессора Мокимото и поделилась с ним и своими успехами и недоумениями.

Профессор улыбался, его добродушное лицо из-за помех стало еще шире.

— Нельзя ничего отвергать, не проверив. Может быть, Сюсаку Эндо в чем-то прав,— сказал он,— может быть, действительно с помощью растений будет открыт еще один вид всепроникающей радиации. Кто прав, покажет будущее. Ты не задерживайся. Оставь строгие инструкции. Я же говорил, Вера-сан, что у тебя легкая рука.

На прощанье он протянул руку за рамку экрана и жестом фокусника извлек горшок из темно-зеленой эмали с орхидеей: алые лепестки цветов необыкновенной формы были окаймлены светлым золотом, тычинки, пестик, жемчужно-серая пыльца — все поражало в этом необыкновенном создании.

Вера всплеснула руками:

— Не может быть!

— Да, Вера-сан, твоя «Заря Цейлона». Сегодня ночью зацвела. Как жаль, что я не могу передать тебе ее аромат! Все наши друзья приходят взглянуть на нее, все восхищаются, все поздравляют тебя. Жду тебя, Вера-сан.

Почтительное «сан» почему-то растрогало Веру. У них с профессором навсегда утвердились простые, приятельские отношения. Сейчас Мокимото, видимо, чрезвычайно высоко оценил ее подвиги. Перегнувшись в поклоне, его изображение растаяло на экране.

Пегги застала Веру посреди комнаты. Та стоя покачивалась, глаза закрыты, на губах застыла улыбка. Пегги осторожно обошла ее кругом.

Вера приоткрыла веки:

— Не тревожься, Пегги, со мной все в порядке. Я «вспоминаю» запах своей орхидеи, она сегодня ночью расцвела, и ее только что показывал мне мой учитель. Какая прелесть!

— Учитель? — спросила Пегги с веселыми огоньками в глазах.

— И учитель и орхидея.

— Кто из них прекрасней?

— О, Пегги! Профессору Мокимото восемьдесят лет, да и он прекрасен, как может быть прекрасен человек.

— Прости. Я, кажется, сказала лишнее. Орхидея действительно хороша!

Они сели на тахту, и Вера стала рассказывать ей о своей работе в Институте растениеводства.

— Профессор считает, что у меня легкая рука.

Пегги посмотрела на ее руки:

— Не знаю, каков их вес, но руки у тебя изящны, только ты их не бережешь, все пальцы пожелтели от реактивов.

— Все забываю надевать перчатки. Мокимото имел в виду не вес моих рук.

— Какое-то иносказание?

— Ну конечно. Это идет от глубокой древности. Считалось, что некоторые люди обладают магической силой. У них все получалось лучше, чем у других, они даже лечили болезни наложением рук.

— Психотерапия?

— Нет, сложнее. И Мокимото — не знаю, в шутку или всерьез — считает, что и я наделена некой таинственной силой. Поэтому он меня и послал сюда, хотя все до обидного просто решается. И здесь с оранжерей, и с моей орхидеей, и даже с движущимися растениями.

Все основное сделал мой учитель. Я только переставила их в тень, и они «пошли», вернее, медленно поползли к свету. Практически эта их особенность не нужна в сельском хозяйстве, важно научное значение опыта.

— Я что-то читала или видела в хронике твои ходячие кустики.

— Именно кустики, гибриды из семейства манговых. Они медленно передвигаются в более освещенную сторону, сами ищут более влажную почву.

— И только?

Вера с удивлением посмотрела на Пегги:

— Как только?

— Я имела в виду практическую пользу.

— Никакой. Только научное значение. Разве мало — заставить растение ходить?

— О да... Шаги к познанию жизни?

Вера обняла ее за плечи. Они смеялись долго, до слез. Затем смотрели «Обзор событий». В конце передачи в разделе «Важные новости» целых две минуты уделили нашествию синезеленых водорослей. Вера просияла, увидев Костю в его лаборатории, дающего интервью молоденькому репортеру,uvwешенному самыми совершенными приборами для записи изображения и звука. Затем показали злосчастные «поля» хлореллы, пораженные синезеленою водорослью, и парящую над ней авиетку с инспектором и Наташей Стоун. Оператор ухитрился запечатлеть крупным планом сумрачного Чандри Сингха и очаровательную водительницу машины.

— Натка уже перелетела в Лагуну! — с восхищением воскликнула Вера.— Она необыкновенная! Всегда в центре событий! Мы с ней учились в школе второго цикла. И тогда Натка отличалась от всех нас стремлением везде быть первой. И, представь, преуспевала в этом. Отлично училась. Получила лавровый венок на олимпиаде за победу в соревнованиях по художественной гимнастике. Ей прочили большое будущее. Но она пока все ищет, ищет и ни на чем не может остановиться.

— Ей не хватает внутренней дисциплины, — сухо заметила Пегги.— У всех у нас было влечеио ко многому. Но мы же остановились на чем-то определенном, остальное имеет второстепенное значение или же стоит на очереди. Вот я, например, сразу увлеклась геологией моря и «утонула» в нем. Может быть, лет через пять — десять

переменю профессию. Займусь серьезно кристаллографией. Сейчас эта наука для меня только хобби, не больше.

— Нет, я ее не осуждаю,— сказала Вера.— Иногда даже завидую ее жажде новизны. Она всегда в центре событий, среди новых людей, ее волнуют новые идеи. Везде она вносит романтическую приподнятость. Сколько мужчин влюбились в нее!

— Да, она красива,— согласилась Пегги,— даже, пожалуй, слишком красива. Все же этого мало для заполнения всей жизни. Тебе не кажется?

— Нет, Пегги! У нее талант быть красивой, красивой во всем. Я только недавно узнала, что все компьютеры Космоцентра говорят ее голосом. Она доставляет радость нашим межзвездным скитальцам. Вот только не знаю, счастлива ли она сама. Пожалуй, нет. Она все время ищет. Ей да и нам кажется, что она не устроена, зря растратывает таланты. Как мы неправы! Такие люди скрывают монотонность бытия. Они редки, как гении...

— Вера!

— Да, Пегги. Эта мысль пришла мне только сейчас, и как она верна! Пусть Наташа не создаст нового вида растения, не получит еще одного вида пластмассы, даже не откроет нового физического закона,— существование ее оправдано.

— Не знаю, не знаю. Я бы лично задумалась...

— Пегги!

Пегги выжидательно повернула голову.

— А не посмотреть ли нам передачу о Сером Ушке?

С лица Пегги сошла озабоченность, вызванная судьбой Наташи Стоун, она улыбнулась.

— Ну конечно, Вера! Я сейчас переключу на двадцать первый канал Северного полушария.

Девушки, забыв о размолвке, стали следить за приключениями Серого Ушка, попавшего на планету, заселенную наивными чудовищами, невероятно страшными и очень добрыми; перетрусивший заяц не знает этого и попадает из одного комичного положения в другое...

Затем, выключив экран, они несколько минут сидели молча, отдавшись своим думам. Вера посмотрела на поблескавшее лицо Пегги и спросила:

— Тебе очень хочется домой?

— Конечно, Вера, очень!

— Мне нестерпимо хочется. Мне каждую ночь снится, будто яхожу по своим аллеям с орхидеей в руках и кого-то ищу, чтобы похвастаться, какая у меня необыкновенная орхидея.

— Я не вижу снов,— грустно сказала Пегги.— Я даже обращалась к врачу. Врач еще там, на Земле, сказал, что сны я вижу, но забываю их, что все видят сны...

Послышался осторожный стук.

— Вика,— сказала Пегги.— У него одна из особенностей — появляться некстати.

— Нет, почему же. Пожалуй, он сейчас развесит нашу хандру. Заходи, Вика!

И Вика вплыл как-то боком, опустился на ковер у ног девушки, спросил:

— Как у меня походка?

— Верх изящества,— ответила Пегги.

— Я все стремлюсь делать изящно. Добрый вечер: Поздравьте меня!

— Охотно,— сказала Вера.— Только с чем?

— Видите ли... Мне удалось взять параллакс у звезды Арсеньева, самой дальней... ну, не совсем, пожалуй, все же одной из отстающих, на умопомрачительном расстоянии от Земли. И вот только что, десять минут назад, компьютер выдал результаты,— он прищурился, лицо залила блаженная улыбка,— миллиард световых лет!

Вера и Пегги от души поздравили Вику.

— Охотно принимаю ваши поздравления,— сказал Вика,— не скрою — приятно. Жаль, что закрыт бар, а не то я бы угостил вас, девочки, коктейлем «Галактика». Ты, конечно, Вера, еще не пила ничего подобного! Сразу впадаешь в нирвану...

Избавившись от Вики, девушки еще с полчаса слушали концерт из Дели, затем Пегги ушла к себе, а Вера взяла трубку радиотелефона, назвала зону, номер. Компьютер мгновенно попросил подождать минуту... Они давно не встречались с Биатой. Сразу после замужества Биата уехала в Москву, работать в Институте имени Штернберга. У нее родился сын. Вначале они часто встречались у видеофона, затем паузы между встречами удлинились. На «Сириусе» Вера все время вспоминала подругу, ей все казалось, что она увидит ее, «плывущую» по коридору, прильнет к ее плечу...

Минута прошла, на экране видеотелефона появился пейзаж Подмосковья: клеверное поле, обрамленное с одной стороны бересовой рощей, с другой — еловым бором. Впереди виднелась синяя гладь озера. По клеверному полю шла Биата. Она остановилась, вытащила из пляжной сумки портативный видеотелефон. Взглянула на крохотный экран и крикнула: «Верка! Ты!..»

Из-под ног Биаты вылетел жаворонок и, набирая высоту, торопливо рассыпал хрустальные рулады...

ПОЛЕ ХЛОРЕЛЛЫ

Скоро из-под темной черты горизонта покажется краешек солнца. Осталось не больше минуты до этого торжественного мгновения. Природа настороженно ждет. Большие серые чайки сидят на крыше лаборатории, повернувшись головой на восток, чайки похожи на солнце-поклонников с древней гравюры, ожидающих появления своего владыки. Вереница прожорливых бакланов, торопливо машая крыльями, пролетела на кормежку к дальним рифам, откуда доносится густой шум волн.

В десяти милях от крохотного островка, на котором стоит мое жилище, лаборатория и гараж для лодки и комбайнов, рефрижератор, темнеет высокий берег, вершины пологих гор, скорее, холмов, уже золотятся в солнечных лучах. Оттуда тянет пряным настоем из запахов тропического леса.

Мои друзья дельфины, подчиняясь моему торжественному настроению, также ждут восхода солнца. Они находятся возле причала. Одни медленно плавают по кругу, другие замерли, высунув голову из воды. Только маленький Пуффи шумно снует между взрослыми, теребит их за плавники, перепрыгивает через них, поднимая каскады брызг. Его не останавливают. Ребенок должен оставаться ребенком. Всему свое время.

Дельфинов шестеро: Хох, Протей — сын Протея, Гера — родоначальница, дочери Геры — Бела и Нинон, Пуффи — сын Нинон.

Заря пылает, охватив полнеба. На поверхности воды отражается небесный фейерверк.

Глаза серых чаек вспыхивают, как угли.

Я, видимо, очень резко взмахнул руками, приветствуя солнце, потому что чайки, все как одна, снялись с крыши и полетели, пересекая Лагуну, как и бакланы, в открытое море. Их перья окрашены краской зари, и они теперь похожи на розовых фламинго.

Вода, еще в меру прохладная, бархатная, как говорит Костя, вливает бодрость в каждую клеточку тела. Я погружаюсь в глубину медленно, гребя одними перепончатыми ластами. Дно у причала всего на глубине пятнадцати метров, я могу не дышать более минуты и потому не спешу. Мое утреннее погружение в воды Лагуны, кроме гигиенических и гимнастических целей, открывает также начало моих дневных занятий.

Я — дежурный биолог. У меня множество электронных приборов, следящих за малейшими изменениями в водной и воздушной среде, автоматические анализаторы и прочая техника, необходимая для присмотра за полем хлореллы. Все же нельзя полностью доверяться хитроумной технике.

Прозрачность воды идеальная. Передо мною, внизу, раскинулось дно, похожее на изысканный цветник, по сторонам мягкая голубизна. Мимо, тараща на меня глаза, проплыла стайка макрели; рыбы остановились, провожая меня взглядом, затем мгновенно метнулись в сторону, заметив пеструю морскую лилию, которой вздумалось переменить место на коралловом дне. Лилия медленно машет своими листьями-щупальцами. Среди рыб у меня есть давние друзья: большой групер, манта и китовая акула. Уже полгода, как мы ведем безмолвное общение, довольные друг другом. Акулы сегодня нет — видимо, она завтракает на ближней отмели, — не видно и манты, а групер как будто ждет меня: он стоит между желтых коралловых кустов, усеянных алыми актиниями. У Чарли — так я назвал групера, — как всегда, праздничный вид, чешуя его отливает перламутром, глаза похожи на золотистые бриллианты. Все же Чарли сразу мне не понравился: бросалось в глаза его частое дыхание. Когда он плыл ко мне, то движения его были вялы.

Семейство дельфинов также занято исследованием утренней Лагуны. Хох, Гера, Протей — сын Протея, Бела вне пределов моего зрения, возле меня только Нинон и ее сын Пуффи. Вот Пуффи, увидев Чарли, метнулся к нему и потянул его за хвост. Этим Пуффи каждый день

начинал свои проказы. Чарли и сам был не прочь поиграть с дельфиненком. Обыкновенно групер, завидев Пуффи, молниеносно скрывался среди кораллов и морских лилий, затем внезапно появлялся в тылу у Пуффи и уносился в сторону. Групер считался у дельфинов табу. Они в угоду мне не только не трогали его, но и охраняли от огромной барракуды, которая жила здесь в недосягаемых подводных джунглях. И Чарли жирел и хорошел под нашей опекой.

Сегодня Чарли мне явно не нравился. Я окинул его взглядом, провел рукой по скользкому боку. Дышал он, судорожно раскрывая жаберные щели. Я сунул пальцы под жаберную крышку и вытащил тусклый комочек слизящихся синезеленых водорослей.

Хронометр на запястье левой руки зазвонил — прошла минута, как я под водой, пора подниматься на поверхность. Оставив Чарли, я всплыл, поднялся по лестнице на причал и, сделав несколько глубоких вдохов, пошел в кабину, где хранилось подводное снаряжение. Там я взял маску Рааба, коробку с инструментами.

Дельфинов я попросил внимательно осмотреть окрестности — нет ли где колоний синезеленых водорослей, а Нинон и Пуффи остаться со мной.

Чарли ждал меня. Он позволял делать с собой все, что мне заблагорассудится. Так, вначале я положил его на левый бок и тщательно очистил жабры — сперва пинцетом, потом специальной щеточкой. Затем перевернул его на правый бок и проделал ту же процедуру. Теперь Чарли дышал нормально. Казалось, он остался очень довolen успешным лечением. Я подтолкнул его в спинной плавник, и он, видимо вспомнив, что сегодня еще не завтракал, стал подкрадываться к стайке рифовых рыбок, что, как бабочки, порхали между коралловых кустов и носились вокруг меня. Нет. Чарли знал, что ловить этих шустрой рыбок на открытом месте безнадежно, а вот в тени кораллов — другое дело. Вскоре я потерял его из виду. Чарли замаскировался под цвет кораллов или водорослей. Теперь он станет терпеливо ждать, пока рыбки подплывут поближе, тогда он молнией врежется в их стаю.

Я стал обследовать ближайшие кораллы, актиний, кольчатых червей, чьи венчики из щупальцев похожи на нежнейшие лепестки цветка, морских ежей, даже загля-

нул в распахнутые створки гигантской тридакны, где на медленно пульсирующем мускуле поблескивала мутноватая жемчужина килограмма в два весом. Пуффи сунул было туда нос, но как ужаленный метнулся в сторону, видимо подстегнутый неслышным для меня окриком матери. Пуффи давно знает, как опасен этот моллюск, и, конечно, тридакне никогда не удастся сжать створки над тельцем Пуффи, по все же, наверное, мать не удержалась, чтобы не одернуть сорванца.

Мне не попадалось больших колоний ни одного из видов синезеленої водоросли. Видимо, Чарли забил себе дыхательные пути где-то в верхних горизонтах, ближе к берегу, где последнее время бурно размножается один из самых опасных видов этой водоросли. По каким-то не понятным пока причинам токсичность этой водоросли возросла, и она захватывает огромные площади на акваториях, засеянных белковыми водорослями в Большой Лагуне, а также на акватории шельфа всего Мирового океана. Некоторое время размножение синезеленої водоросли сдерживал вирус АЕ-03, созданный Токийским институтом защиты моря. Водоросль нашла средство защиты, переродившись в новый вид, который стал жить с вирусом в симбиозе, выполняя какие-то полезные для вируса функции, и она стала катастрофически разрастаться, покрывая ядовитым ковром прибрежные воды. Тысячи научных коллективов отдают все силы, чтобы избавить Землю от нависшей угрозы. Вчера прилетали ко мне Чаури Сингх с Наташой Стоун (удивительная девушка, неустанно ищет свое место в жизни!..).

Чаури Сингха сильно встревожил анализ воды, который выдали мои автоматы: соли тяжелых металлов, стронций, правда в мизерных количествах. Академик Коровин считает, что радиоактивные элементы в морской воде — следствие последнего подводного извержения в Индийском океане...

Эти мысли вертелись у меня в голове, пока я оказывал помощь Чарли.

Хронометр предупредил, что осталось полчаса до отправки первой сводки, к тому же я пропустил время завтрака, и мне сильно захотелось есть. Прежде чем оттолкнуться от дна, я, по привычке, огляделся. Солнце поднялось, и вода приобрела нежный изумрудный цвет, подводный сад радовал взгляд своими нежными красками

и причудливыми формами. Почти вертикально опускались ко мне Нинон и Пуффи, покрытые пузырьками воздуха, словно изморосью. Пуффи подплыл ко мне, и я, как всегда, погладил его нежное брюшко. Нинон завтракала, поймав большую макрель. К ней подплыла стайка рыбок-бабочек, и они принялись жадно хватать сгустки крови.

Ко мне направлялись два групера и морской окунь. Все трое тоже числились у меня в приятелях, я иногда оказывал им мелкие услуги, удаляя с чешуи паразитов. Обыкновенно эти функции у тропических рыб выполняют очаровательные рыбки-санитары; видимо, и меня морские обитатели принимали за такую рыбку и сейчас доверчиво терлись об меня. У груперов в жабрах также оказалось довольно много водорослей, а окуню не давала жизни большая пиявка, присосавшаяся к животу. Откуда-то появился и Чарли. Он стоял в сторонке, пожевывая толстыми губами; вид у этого хищника был самый добродушный, этакого рубахи-парня. Приплыли еще четыре групера и остановились в отдалении, видимо, новички и в добром здравии, прибыли просто из любопытства, посмотреть на гигантского санитара, о котором они на слышались за последнее время.

Пуффи несколько раз поднимался на поверхность, чтобы набрать в легкие воздуха, и снова опускался ловить креветок; он не упускал случая подразнить огромного лангуста, что сидел в норе под глыбой коралла; здесь где-то неподалеку притаилась и страшная барракуда. Сейчас барракуда спала; она охотится главным образом ночью на небольших кальмаров. Все же Пуффи высмотрел хвост хищницы. Та несколько не рассчитала, выбрав для отдыха небольшую пещеру, и, как ей казалось, заняла самое удобное положение. Голова ее была обращена к широкому входу, а хвост торчал из противоположного, узкого выхода, замаскированный бурыми водорослями; все-таки Пуффиглядел его и, не колеблясь, ухватил зубами. Барракуда, обезумев от ярости и страха, пыталась вырваться. Шалость Пуффи могла окончиться бедой: я не захватил оружия, мать озорника находилась где-то в стороне. Пуффи понимал, что зашел слишком далеко и, выпусти он сейчас хвост чудовища, ему несдобровать. Я изловчился и нанес барракуде рану возле головы — пустяк для такой живучей твари — и,

пожалуй, только усложнил обстановку: кровь и облако песка скрыли барракуду. Неожиданно для меня груперы ринулись в кровавое облако, избавив нас с Пуффи от весьма серьезных последствий.

Отправив утреннюю сводку Чаури Сингху, я позавтракал, затем принял донесения от Геры. За час дельфины обследовали большой участок вокруг островка.

Гера докладывала:

— С запада, где рифы в новолунье показываются из моря, на ветвях кораллов и на дне лежит много мертвых рыб-попугаев, две черепахи, шесть песчаных акул. Одну рыбу я принесла тебе, как ты просил.

Неподвижный, поблекший попугай лежал на второй ступеньке бетонного трапа. Я взял его, чтобы отнести, заморозить и отправить на Центральный пост для анализа.

— Что ты можешь сказать по этому поводу? — спросил я.

— Вся рыба, моллюски, морские черви непригодны для еды к западу от острова.

— Чем они отравились?

— Водорослями, похожими на икринки. И ты, Ив, не ешь такую рыбу. С тобой может случиться то же, что и с попугаем.

Я согласился с предостережением Геры и посоветовал особенно присматривать за Пуффи.

— Ему запрещено есть все, что он добудет сам, — ответила Гера и спросила: — Ты не находишь, что здесь оставаться опасно? Протей — сын Протея считает, что тебе и нам надо уплыть дальше от берега, там нет ядовитых водорослей.

Я ответил, что разделяю их опасения, им действитель но следует плыть за Барьерный риф и ждать там, пока мы справимся с водорослями. Я же не в такой опасности, потому что нахожусь на берегу и могу без особой нужды не погружаться в воду.

Гера закончила наш разговор глубокомысленной фразой:

— Вода объемлет все, везде проникает.

С этим нельзя было не согласиться.

Дельфины издали прощальный свист и поплыли к дальнему Барьерному рифу. Впереди плыли Гера и Хох, затем мчался Пуффи в окружении матери, тетки и деда Протея — сына Протея.

Я помахал им вслед, пожелав счастливого плавания. Предостережения Геры на мой счет тогда показались мне не особенно обоснованными: синезеленые водоросли появились не сегодня и пока еще не оказывали вредного воздействия на людей.

Я долго стоял на причале, провожая взглядом семейство Геры. Я сильно привязался к этим удивительным сооружениям — умным, лишенным чувства зависти, незлобивым, преданным, готовым пожертвовать за вас своей жизнью и ничего не требующим взамен. Теперь целую неделю до конца моего дежурства мне придется пребывать в одиночестве. Все же я остался доволен, что уберег своих друзей от опасности. За Барьерным рифом синезеленые водоросли еще не появлялись, океанский прибой не дает им и носа показать из лабиринта рифов.

День только начинался, и у меня накопилось немало дел. В семь тридцать дежурный лаборант выпускает из гаража биокомбайны, они работают самостоятельно: забирают насосами воду и процеживают ее через сита, оставляя хлореллу и, конечно, какую-то долю синезеленой водоросли, которую пока мы не умеем отделять, но пищевики уже научились нейтрализовать вредные примеси, и наша хлорелла идет на изготовление бесчисленного множества продуктов питания. Я только что позавтракал бифштексом из хлореллы с гарниром из морской спаржи.

В управляющее устройство одного из комбайнов я заложил программу на извлечение только синезеленых водорослей. Фотоэлементы реагируют на цвет водоросли и включают насосы на сильно зараженном участке. К следующей вахте прибудут сюда еще три специальных комбайна. Все же так нам не решить проблемы: синезеленая водоросль размножается быстрей хлореллы, истощает верхние горизонты воды.

Десять белых комбайнов вышли из распахнутых дверей гаража, выстроились уступом и приступили к работе. В гараже находится еще катер-рефрижератор, его назначение — принимать от комбайнов брикеты хлореллы, замораживать их, затем, когда трюмы заполнятся, сдавать продукцию в склад-рефрижератор на берегу за лабораторией. У плавучего холодильника довольно старой модели что-то неладно с программным устройством; вчера в середине дня раздался сигнал тревоги — зазвонил

колокол громкого боя на причале. Вначале я подумал, что опять озорник Пуффи вызывает меня поиграть в салочки. На этот раз звонил Хох: всю поверхность воды возле острова покрывали ящики с брикетами хлореллы. Дельфины быстро собирали брикеты, не дав им утонуть. Остальную часть дня мне пришлось работать на катере, заменяя испорченный автомат. Сегодня мне также придется стоять у штурвала, нажимать на кнопки и поворачивать рычажки на панели ручного управления; видимо, ребята из Института холодильной техники, проектируя эту модель, заранее предвидели недолговечность автоматики. Надо будет вечером сообщить им подтверждение их далёко идущего предвидения.

Пока бункера комбайнов потребуют разгрузки, должно пройти не менее часа, за это время мне нужно отправить мертвого попугая Чаури Сингху. Я оглядел жаркос небо. Где-то в недосягаемой для взгляда вышине прорычал межконтинентальный лайнер, низко и очень медленно пролетел туристский аэробус, пестрый, как театральная афиша. В сторону Лусинды пролетели две авиетки метеорологов. Наконец я увидел, как прямо на станцию спикировал спортивный биплан и благополучно плюхнулся возле причала. В нем сидели два обгоревших на солнце парня. Они улыбались, глядя на меня. Их взгляды спрашивали: «Как, ловко мы приводнились?».

— Откуда, ребята? — спросил я по-русски.

— Саратовские мы, — ответили они разом и раскастисто захохотали.

И я не мог не рассмеяться, глядя на эти счастливые физиономии.

— Мы туристы, — сказал один.

— Нам бы до Лусинды добраться, — в тои ему добавил второй, — а там сдадим эту этажерку — и на ракете домой. Завтра занятия начинаются.

Ребята оказались студентами технологического института (строительные пластмассы). Они оставили свой дурашливый тон, как только я объяснил им обстановку, и немедленно согласились доставить попугая Чаури Сингху, тем более что они только что были у него — осматривали аквариум.

Володя и Серж попросили только напоить их. Прихватив несколько банок сока, они снялись и взяли курс на пристанище нашего инспектора.

Комбайны, сохраняя строй и дистанцию, двигались на мой остров, издавая низкий, протяжный рев и тем оповещая, что пора приступать к разгрузке.

Последние дни я устал, трудясь над своей работой о кольчатах червях, и сидение под тентом в бамбуковом кресле напоминало мне плавание на «Золотой корифеи». Размечтавшись, я чуть было не вывалил целый бункер брикетов в воду. Надо внимательней наблюдать за сигналами с комбайнов, а не то придется останавливать всю флотилию и одному вылавливать сотню-другую пластиковых ящиков. Скоро я сосредоточился настолько, что несложные манипуляции с кнопками стал выполнять, как заправский автомат.

На катере находился старенький видеотелефон, и я вызвал Костю. На экране появилось туманное изображение, отдаленно напоминающее моего друга.

Костя обрадовался:

— Как хорошо, что ты позвонил!..

Я стал было ему рассказывать о своих бедствиях, да он перебил:

— Мне бы твои заботы! Океан разберется. Попугаев, наверное, уже съели крабы, и всё опять на дне по-старому. У нас...

Костиная станция находится в двухстах милях к юго-востоку, где нет еще синезеленої водоросли, и, может быть, она там и не появится, так как не любит большую глубину и неспокойное море. На попечении Кости и Антона Федорова находится большая плантация бурых водорослей, из них получают альгинат натрия, который используется в пищевой промышленности. Его применяют при замораживании и обезвоживании продуктов, для быстрого приготовления пудингов, мороженого, пива, смесей для кексов, приправ к холодным блюдам и еще в сотне-другой случаев кулинарной практики. Костя и Антон хотят еще более увеличить значение своих водорослей, создать новый вид, приносящий плоды.

— У нас опять провал,— сказал Костя,— тридцать первый посев дал сто тысяч уродов! Даже нет и намека на плоды. Сейчас Антон еще раз меняет генетический код. Что-то будет! По нашим расчетам, в плодах должно содержаться до восьмидесяти процентов белка. Если нам удастся этого добиться, то вашу хлореллу придется извлекать из морей, как синезеленку.

Тогда мне не приходило в голову, что их работа может иметь неоценимое значение, я видел только, как изменился Костя. Я не стал с ним спорить. Явно мой друг нуждался в особенно бережном отношении. Надо было отвлечь его от изнуряющих мыслей, и я, придая своему голосу как можно больше теплоты и участия, сказал:

— Все обойдется, дружище. У тебя были задачи и потрудней. Может, есть смысл отложить все и немного поразвлечься? Или лети ко мне и переключись с коричневых водорослей на синезеленые.

Костя болезненно поморщился, но тут же улыбнулся:

— Ты не обижайся, Ив, я все понимаю, да это и не мудрено, стоит только взглянуть на твою физиономию. Не бойся, я не болен, все дело в проклятой «травке». Они, эти водоросли, дорого нам обходятся. Зато представляешь... — И он стал подробнейшим образом посвящать меня во все детали их опыта с изменением генетического кода бурой водоросли Тасманова моря.

Только когда я смог вставить, что виделся с Верой и Наташей Стоун, Костя словно сбросил с себя тяжёлый груз, засмеялся и сказал:

— Ведь жили же мы в свое время! Вспомни плавучий остров!

О Биате мы оба избегали упоминать: ее замужество казалось нам тогда изменой. Зато наперебой вспоминали множество событий, произошедших в те памятные каникулы: как мы были китодоями, воевали с Черным Джеком, вспомнили Великого Кальмара. За всем этим незримо присутствовала наша любовь к Биате, придавая воспоминаниям горьковатый оттенок.

— Ну, спасибо тебе, Ив, — сказал наконец Костя, — давно мы так с тобой не отводили душу... Да, я чуть было не забыл тебе сообщить потрясающую новость — водорослями вся голова забита. Ты ничего не слышал о тигровой звезде?

Я сказал, что видел недели две назад в хронике событий, ее выловили где-то у Суматры.

— Ну нет, старое сообщение. Два экземпляра сегодня поймала экспедиция австралийских гидрогеологов, изучающих Большой Барьерный риф. Очень большие экземпляры. О них сообщалось только в Океанографическом журнале. Мы все подсмеивались над опасениями инспектора, который считает, что в океане возникли

труднообратимые процессы. Дело, Ив, очень серьезно.
Взять хотя бы твою синезеленку...

— Почему мою?

— Все же ты причастен к ее распространению.

Почему-то Костя считает, что, будь он в «зоне бедствия», синезеленою водоросли давно не было бы и в помине. Он-то нашел бы способ избавиться от нее, не будь так занят более важным делом. Спорить я не стал. Слишком у меня было хорошее настроение: комбайны работали прекрасно, я случайно обнаружил дефект в работе автоматики, заменил блок и сейчас сидел сложа руки, наблюдая, как разумно действует мой плавучий морозильник.

— Что-то мешает размножаться тигровым звездам,— продолжал Костя,— а не то эти чудовища быстро уничтожили бы все живое на рифе. Мы с Антоном сегодня крепко поспорили, и я был неправ. Антон считает, что тигровка — сейчас главная опасность. Надо все силы бросить на ее уничтожение; следует немедленно найти и размножить ее врагов,— конечно, если они у нее есть, а нет, то создать: старый и единственно верный способ, не нарушающий экологического равновесия в природе.

Костя говорил, имитируя профессора Бочарова Евгения Петровича, и у него здорово получалось. В довершение полного эффекта Костя сделал вид, что протирает очки, сморщился, чихнул и повел взглядом, словно оглядывал аудиторию.

— Вот так, мои друзья,— закончил он и первым за赢得了.

Нет, с Костей все было в порядке. Я завел разговор о «Корифене», нашей океанской яхте, и Костя горячо стал отстаивать необходимость замены всего бегущего такелажа.

Я простился с Костей, довольный, что мастерски поставил его на ноги. Скорей бы пролетала последняя неделя нашей вахты, а там, поставив все паруса на «Корифене», мы будем перепахивать воды Большой Лагуны и Кораллового моря.

Комбайны подошли к центру моего поля; здесь всегда бурно размножалась хлорелла, потому что здесь, на дне, оканчивалась система трубопроводов, по которой сюда перекачивалась вода из глубин Кораллового моря — своеобразные удобрения, широко применяющиеся в мор-

ском земледелии. Сегодня синезеленые водоросли совсем заглушили хлореллу. Пришлось повернуть комбайны в сторону и направить на ядовитое пятно прополочную машину.

Меня не оставляло хорошее настроение, разговор с Костей взбодрил меня, и, что греха таить, он был нужен и мне не меньше, чем моему другу. Все эти дни я чувствовал полную беспомощность перед микроскопическими водорослями. Костя прав, я ничего не сделал для защиты хотя бы своего участка. Мог ведь я хотя бы изменить режим питания. Почему, например, я не остановил насосную станцию и не лишил водоросли обильной пищи? Пусть поголодает и моя хлорелла...

Надтреснутый голос моего видеофона хрюплю прозвенел и, вместо того чтобы сказать, кто вызывает меня, выдавил из себя только одно бранное слово: «Дубина». Не результат ли это Костиного ремонта? В последнее посещение он возился с ним. Видимость улучшил, но аппарат стал ругаться. Расплываясь в улыбке, появились саратовские ребята. Серж сказал:

— Не беспокойся, твою дохлую рыбу довезли в целости. Только не застали главного инспектора, уехал к австралийцам. Говорят, что там выловили каких-то чудовищ, не то кальмаров, не то морского змея.

— Звезду! — подсказал Володя. — Морскую звезду.

— Ага, звезду, — согласился Серж.

— Девушка, которой мы хотели отдать дохлую рыбу, как будто не очень ей обрадовалась, а два парня прямо вырвали ее у меня из рук, даже не сказали спасибо. А девушка — неописуемой красоты.

— Наташа Стоун, — вставил Володя. — Тебе передавала привет. Просто удивительная девушка!

— Спасибо, ребята.

Серж спросил:

— У тебя что, рыбья холера?

— Нет, водорослями объелись.

— Будешь — заходи, — пригласил Володя.

Саратовцев будто смыло волной: наверное, вышел из строя аппарат или их «этажерка» попала в тень Лусинды.

Плавучий холодильник выгрузил контейнеры с брикетами на причал, два погрузчика стали подтаскивать их к люку, над которым курилось серебристое облачко

кристалликов воды и угольной кислоты. Катер уже уверенно подходил к первому комбайну, ловко подхватил хоботом крана ярко-желтый ящик и, поставив на ленту транспортера, направился к следующему комбайну.

Смотря на умные машины, я временами чувствую себя совсем мальчишкой, когда электронные игрушки вызывают восторженный трепет и кажутся действительно живыми, разумными существами. Схожее чувство я переживал и сейчас, стоя на причале и наблюдая за слаженной работой своих машин. Я имел полное основание гордиться, что нашел поломку и вправил холодильнику «мозги»; вчера над этим целый час бился наш инженер Генри Эберт и при этом все время ворчал, что нельзя доверять такую высокую технику «случайным» людям.

Я хотел было наконец пойти в лабораторию и засесть за электронный микроскоп, как вдруг послышалось знакомое тарахтение. Авиетка Генри всегда издавала эти аварийные звуки. Он довольно удачно плюхнулся метрах в десяти от причала и откинул колпак. У Генри костлявое лицо с мощным подбородком. Его лысина окаймлена венчиком из жиденьких волос неопределенного цвета.

— Ты что, вызывал аварийку из Лусинды?

— Ну как я мог, Генри!

— Не крути мне голову!

— И не думаю, Генри. Просто у меня выдалась минута...

— Не ври!

— Клянусь океаном!

Клятва была сильной, и он недоверчиво улыбнулся:

— Честное слово?

— Нашелся под рукой блок...

— Где нашелся?

— В шкафу запчастей.

— Молодец! Не ожидал. Все-таки общение со мной принесло тебе хоть какую-то пользу.

— Огромную, Генри.

— До свидания, Ив.

— До свидания, Генри.

— У тебя не найдется чего-нибудь промочить горло?

— Сколько угодно, Генри.

Я бросил ему конец, подтянул авиетку, и мы минут десять мирно побеседовали, распивая охлажденный сок манго.

— Мне пора.— Он поморщился.— Каждый день летаю на семьдесят восьмой участок. Вчера вышел из строя анализатор воды, сегодня утопился робот... Не смейся, Ив, действительно упал с причала. Робот специального назначения, для переноски тяжестей, там они переоборудовали всю систему транспортировки, чтобы облегчить участь Абдуллы — так они его назвали и сделали из него мальчика на побегушках; ну, ясно, бедняга поскользнулся и сыграл в пучину.

Мы дружески простились.

Совсем неплохой парень этот Эберт.

В лаборатории, здесь, на острове, я пользуюсь портативным микроскопом. «Великий всевидец», увеличивающий в миллион раз, есть только на Центральном посту, меня пока устраивает и моя «малютка», увеличение в триста тысяч вполне достаточно для моих целей. Еще на Плавающем острове я думал над загадкой консервативности некоторых видов животных и растений. Почему не изменились за сотни миллионов лет памакантус, кораллы, морские губки и еще множество других животных, населяющих океан? Или они закончили процесс развития на данной стадии, великолепно приспособившись к окружающей среде, или прожили лишь еще незначительную часть времени, отведенного им природой; тогда в ближайшие десять миллионов лет они наверстают упущенное, и будем надеяться, что человек сможет пройти через такую даль времен и увидит, как из этих сравнительно простых форм разовьются удивительные создания, недоступные представлениям даже современных фантастов.

Я размечтался, глядя на пульсирующую клетку первьевидного морского червя. Ведь стоит только изменить ее генетический код, и может начаться необратимый процесс развития — что-то похожее получилось с морскими звездами, давшими тигровку. Я не могу себе этого позволить: подобные опыты запрещены законом, только в нескольких лабораториях они проводятся в строгой изоляции от окружающей среды. Я подумал: что, если тигровую звезду создал студент-шестикурсник, просто пебрежным жестом выплеснув в море кусочек морской звезды, подвергшейся жестким облучениям?..

Работа сегодня совсем не шла на ум, как я ни пытался углубиться в тему. Я сделал несколько срезов тканей

морского червя, подошел к аквариуму. Вид частички Лагуны, заключенной в стекло, всегда успокаивал, служил для меня катализатором мыслей. В прошлом году, вернувшись в Москву, я долго не мог прийти в рабочую форму и не понимал, в чем причина, хотя чувствовал себя прекрасно. Костя надоумил меня:

«Постарайся превратить свою конуру в имитацию островной лаборатории и главное — сооруди аквариум...»

Как он оказался прав!..

В аквариуме суетилась стайка изумрудных рифовых рыбок, цвели анемоны и морские лилии, по песчаному дну ковылял пестро окрашенный редчайший экземпляр рака, на камне дремал розовый бычок с отделкой из оранжевых кружев. И все это — на фоне пунцовых и фиолетовых кораллов и редких по форме и окраске водорослей. Среди них были и синезеленые, только в этом замкнутом мирке они занимали очень скромное место и не проявляли тенденций к агрессии.

«Видимо, все зависит от условий,— размышлял я.— На севере появилось вдруг множество леммингов, почти исчезнувших за последние сто лет, в средней полосе — нашествие бабочек непарного шелкопряда, плодожорки...»

Часы пробили двенадцать — пора второго завтрака. Еду я готовлю с вечера. В термосах — котлета из хлореллы, желе, кофе. За едой, как всегда, смотрю «Хронику мировых событий». Впервые показали космический корабль «Земля», предназначенный для рейсовых полетов на Марс. Скоро он начнет лётные испытания. Наш Антон включен в состав его экипажа и через несколько дней отправится на Лунный космодром. Поражали размеры «Земли» и оригинальность ее конструкции, что объясняется запуском «Земли» с Лунного космодрома. «Земле» не надо пробивать атмосферу, и потому дискообразная форма наиболее выгодна для полета к Марсу и спуску в разреженной атмосфере. Затем демонстрировалось интервью космоботаников с «Сириуса-2». Среди маститых ученых вначале как-то несерьезно выглядело милое лицо Веры, зато, когда ей предоставили слово, впечатление мгновенно изменилось. Вера привела очень убедительные доводы причин гибели растений космической оранжереи на «Сириусе». Она горячая сторонни-

ца идеи Карло Понти; ей удалось из синезеленой водоросли выделить вещества, тормозящие рост и развитие клеток. Все же сколько у нее и у Карла Понти противников! С каким сарказмом отзывался о ее антивитамине академик Жукризон:

— Слишком поспешные выводы, мадемуазель. Неужели вы думаете, что прежде никому не приходила в голову такая простая мысль?

— Возможно,—ответила Вера,— только по каким-то причинам она там надолго задержалась.

Надо было видеть, как коллеги Жукризона строили гримасы, борясь с ехидными улыбками!

Затем в течение десяти минут показывали способы борьбы с синезеленой водорослью и в заключение продемонстрировали колонию этих растений на камнях лунного кратера, возле трещины, через которую из недр просачиваются водяные пары и углекислый газ.

Диктор говорил:

— Вездесущее растение! Как оно попало на Луну? Нам известно, какой строгий карантин проходят все при посещении нашего спутника. Пока шла дискуссия среди ученых о заселении Луны земными растениями, синезеленная водоросль приступила к делу. Теперь вопрос времени, когда на смену водорослям придут мхи, лишайники, возникнет атмосфера, и по мере уплотнения лунной атмосферы можно будет засевать лунные кратеры травами альпийских лугов, кустарниками, переселить и высокогорных животных. И тогда человек, наш далекий потомок, сможет наконец снять с себя скафандр на планете, пригодной для жизни. Вероятно, создание атмосферы на Луне займет не менее десяти тысяч лет, хотя прогресс науки и, как следствие, технические революции смогут внести резкие коррективы...

Затрезвонил на причале колокол громкого боя. Я подумал, что заглянул кто-либо из дельфинов, обитающих на соседних участках.

Каково же было мое удивление, когда я увидел около причала Хоха, а рядом Геру и Нинон, поддерживающих плавниками Пуффи. Вода вокруг порозовела от крови.

Я поместил раненого в небольшой бассейн под крышей, служивший лечебницей для моих дельфинов. У Пуффи рана на боку и содрана кожа на голове. Он

доверчиво глядел на меня, стонал и плакал от боли. Пришлось сделать ему обезболивающие уколы. Рана оказалась неглубокой. Обработав, я зашил ее и наложил резиновый пластырь, ссадину на голове смазал пастой Иванова; она смывается только спиртом и надежно изолирует поврежденный участок кожи. Пуффи можно было отдать на попечение взрослых, но я решил его подержать сутки под наблюдением. Пуффи после уколов затих на мягкой подстилке. Я поспешил к причалу, чтобы успокоить дельфинов, но там застал только одну Нинон. И она осталась, как выяснилось, не потому, что особенно тревожилась за сына, а только чтобы предупредить меня, что вблизи появились три большие белые акулы и сейчас все ее родичи, а также дельфины с двух соседних участков готовятся к охоте на белых акул.

Нинон сказала:

— Пуффи останется с тобой. Мы все вернемся. Нам не следовало уплывать отсюда. Гера-мать сказала: «Водоросли нам не опасны». Мы послушались, не желая огорчить тебя.

Я уже и сам понял, что поступил необдуманно. Дельфины никогда не едят большую рыбу, особенно лакомка Пуффи.

— Передай Гере, что я понял свою ошибку и чуть было не погубил Пуффи.

— Нет,— сказала Нинон,— Пуффи было суждено получить урок за непослушание. Благодарение Золотой Медузе, что он так легко отделался. Могло случиться хуже. Пуффи вздумал прокатиться на гребне волны и перескочить через риф.

— Как ты могла позволить? — возмутился я.

— Он не послушал ни меня, ни Геры, ни Хоха, ни Протея — сына Протея, ни Белы. Теперь он наказан. Бедный мальчик! Ему не очень больно?

— Совсем не больно. Помнишь, как я лечил тебя, когда ты поранила плавник?

— Помню, Ив. Ты всемогущ, как Золотая Медуза.

— Не говори глупостей, Нинон! Ты хорошо знаешь, что у меня просто есть лекарства, изгоняющие боль.

— У тебя они есть, поэтому ты и всемогущ, как Золотая Медуза. Я должна плыть.

— Плыви, Нинон.

Пуффи так и не дал мне засесть за работу. Непоседа потребовал, чтобы я немедленно выпустил его в Лагуну. Пришлось принести гидрофон и объяснить, что с такой раной плавать он не сможет, к тому же все взрослые сейчас охотятся на акулу.

Пуффи боднул головой, показывая мне, что станет с акулой, если он, Пуффи, только увидит ее.

— В ней будет дырок не меньше, чем у асцидий, что растут на дне у причала!

— Все это так, Пуффи, только твоя мать Нинон прошила меня не пускать тебя в Лагуну, пока она не вернется. Ты будешь умным мальчиком и будешь себя хорошо вести. Не правда ли, Пуффи?

— Правда. Погладь мне спину... Вот так. Еще!

Минут пять я гладил его нежное тельце, затем сказал, что устал.

— Устал? Что такое «устал»?

Я пытался объяснить, что такое усталость. Пуффи не мог понять, как это такое всемогущее существо, как я, может потерять способность к движению, если он, Пуффи, никогда не испытывает подобного чувства. И Гера, и Хох, и мать Нинон, и все, кого он знает, никогда не говорят о странном слове «усталость». Если кто теряет силы, тот уходит навсегда в Вечную Глубину, и это страшно. Он, Пуффи, никогда не опустится в Вечную Глубину.

Пуффи болтал без умолку, а я сидел на краю бассейна, слушал и думал, как там сейчас, в глубине, идет бой с отрядом белых акул.

СТАРЫЕ ЗАПИСИ

Вера в своей космической лаборатории просматривала утреннюю почту. Информационные центры слали ей объемистые пакеты, кассеты с пленками микрофильмов, копии газетных вырезок столетней давности. Вера требовала все, что могло хоть как-то помочь установить закономерность вспышки «зеленой чумы», как теперь все называли синезеленую водоросль. Особенно ее интересовали материалы второй половины XX столетия, когда наступила экологическая катастрофа.

Вера включила пленку с материалами, относящимися к семидесятым годам XX столетия.

На экране возник печальный пейзаж: мертвые остатки леса, залитого мутно-зеленой водой.

Хорошо поставленным голосом диктор читал:

— Более сорока тысяч лет *Homo sapiens* терпеливым и неустанным трудом постепенно завоевывал планету, расширял свое господство над всем ее живым миром, подчиняя себе силы природы. Из этого поначалу, казалось бы, безнадежного, неравного поединка человек вышел победителем. Ни один уголок Земли не укрылся от его внимательных глаз, ни одно живое существо не смогло противостоять ему. Он покорил реки и моря, изменил лицо Земли и сейчас прокладывает дорогу в космос. Победа его кажется полной. Слишком полной, чтобы стать длительной. Всего несколько десятилетий назад, когда триумфальные успехи технической цивилизации, основанной на научных знаниях, казалось, представляли полную победу человека, появились первые признаки опасности. За короткий период своей истории человек настолько подчинил себе природу, что начал уничтожать ее...

Печальный ландшафт сменили кадры бурной городской жизни. Запруженная машинами улица. По тротуару плотно друг к другу движется толпа людей. И так на многие километры.

— Вы видите скопление людей, вызванное не карнавальным шествием или стихийным бедствием, когда толпы устремлялись на узкие улицы. Перед вами обычная картина: конец рабочего дня в одном из американских городов. В марте 1970 года в Токио проходил международный симпозиум по борьбе с разрушением окружающей среды. Это разрушение можно было видеть прямо из окна машины. Полисмен-регулировщик вынужден был время от времени оставлять свой пост, чтобы глотнуть кислорода из специально установленной колонки. Летом по воскресным дням, когда в Японии идет самая оживленная торговля, сто двадцать две улицы Токио были закрыты из-за загрязнения воздуха для всех видов транспорта...

Веру потряс вид широкой реки: берега ее были застроены безобразными сооружениями, завалены горами мусора, но главное — река горела, горела самым настоящим образом!

— Штат Огайо, река Кайхога. В нее сливались воспламеняющиеся отходы с заводов: химического, сталелитейного, мясоконсервного и многих других...

Теперь читала женщина, в голосе ее слышались скорбные ноты:

— Мы все космонавты, все до единого. Мы летим на космическом корабле под названием «Земля», совершающем свое бесконечное путешествие вокруг Солнца. Наш благословенный корабль снабжен системами жизнеобеспечения столь остроумными, что они самообновляются, и столь щедрыми, что они могут удовлетворять потребности миллиардов людей.

Испокон веков мы принимали их как нечто само собой разумеющееся, считали их возможности безграничными. Наконец мы решили произвести ревизию, и первые же ее результаты внушают глубокую тревогу. Ученые предупреждают, что нам грозит беда. Если мы не перестанем злоупотреблять нашими системами жизнеобеспечения, они попросту откажут. Мы должны следить за их сохранностью, иначе нас ждет наказание, и это наказание — смерть. Воздух, вода и земля — вот эти системы...

В лабораторию осторожно, на цыпочках, вошел Вика Крубер и сел рядом с Верой.

— Ты извини. Шел мимо... Как у тебя интересно! Старые хроники... Я на минутку. Не помешаю?

Вера улыбнулась, кивнула:

— Пожалуйста. С тобой веселей, а то такой грустный материал! Смотри, это Великие озера. Их заполнила синезеленая.

— Противная каша! А вот и океан...

Его перебил диктор:

— Мы в Саргассовом море. Течения занесли сюда желеобразные образования из нефти, сотни тысяч пакетов, ящиков, прочего мусора. Как видите, даже нашим огромным океанам грозит беда, хотя они покрывают почти три четверти поверхности планеты. Каждый год человек выбрасывает в океан от трех до десяти миллионов тонн нефти, не считая загрязнений при авариях танкеров, вроде той, которую потерпел «Торри-Каньон». К несчастью, подобные утечки происходят в самых неподходящих местах, чаще всего в прибрежных водах, которые являются наиболее продуктивной частью моря. В представлении большинства людей утечка нефти свя-

зываются только с загрязнением берегов и умирающими морскими птицами...

На экране — жалкая стая бакланов на прибрежных камнях. Перья птиц слиплись от нефти, на берег набегают волны, покрытые нефтью. Пляж — черный от нефти.

— ...Теперь мы знаем больше о токсичности нефти и последствиях загрязнения моря нефтепродуктами. Помогла авария, из которой сделали нечто вроде лабораторного эксперимента. 16 сентября 1969 года у берегов Массачусетса в море вытекло до 175 тысяч галлонов мазута (в галлоне 3,78 литра). Спустя три дня океанографы провели траление в загрязненной зоне. Почти весь улов был мертв. Сейчас, когда прошло три года, придонный слой все еще отравлен. Токсические вещества нефти разносятся течениями...

Вика спросил:

— Ты ищешь причину бурного размножения своих водорослей?

— Да, Вика.

— Думаешь, нефть?

— Нет, Вика. Океан давно нейтрализовал продукты ее распада.

— Так думаешь — другое?

— Да, Вика, другое.

— Может, космические факторы? Ты, Вера, недооцениваешь космос. Поверь...

— Верю, Вика. Может быть, и космос, но надо разобраться и на Земле.

— Конечно. Что касается космоса, то можешь расположать мною!

— Спасибо, Вика...

На экране проплывала пустыня (вид с воздуха), тесно уставленная нефтяными вышками.

— Какое варварство! Какое варварство! — повторил Вика.

— Не суди так, Вика. Перед нами съемки в период энергетического голода. Они только начали использовать атомную энергию, подходили к синтезу гелия, не умели использовать тепло земного ядра и только вели эксперименты по использованию солнечной энергии в больших масштабах. Тогда проекты космических электростанций считались фантастическими. Столько у них было забот и по переустройству общества...

— Так ты их оправдываешь?
— У меня нет права судить их.

Опять вступил диктор:

— В 1874 году немецкий химик Зайдлер получил новое химическое соединение с труднопроизносимым названием «дихлордифенилтрихлорметилметан». Нам оно известно как ДДТ. Зайдлер и не подозревал, что нашел мощный инсектицид. Об этом узнали только через шестьдесят пять лет, как раз накануне второй мировой войны. Во время войны ДДТ широко и весьма успешно использовали в качестве средства от комаров и вшей. С тех пор тысячи и тысячи тонн этого вещества были разбросаны в лесах, на полях и в жилых помещениях.

Но одно из наиболее ценных свойств этого препарата — стойкость — имеет и свои отрицательные стороны. В минувшем десятилетии выяснилось, что живые существа, обитающие в воде, в воздухе и на земле, включая и самого человека, содержат ДДТ в своем организме. Резкое сокращение количества некоторых птиц связывают с применением ДДТ и его производных. Пестицид пересек океаны. Даже у пингвинов в Антарктике, где ДДТ никогда не применяли, были обнаружены следы этого препарата.

ДДТ и другие инсектициды не обладают свойством избирательности. Они токсичны для многих форм жизни. Например, рыба питается организмами, которые заражены инсектицидами, и эти вещества накапливаются в ее жировых тканях. Когда она становится добычей более крупной рыбы, с хищником происходит то же самое.

Существует другая группа токсичных химических соединений, которые применяют уже около двадцати пяти лет в производстве пластмасс, красителей и множества других изделий. Поэтому они содержатся во многих производственных отходах, которые спускают в наши реки и океаны. Недавно обнаружено, что они воздействуют на морскую жизнь так же, как ДДТ. Исследования их токсических эффектов пока еще только начинаются.

Лента окончилась, Вера стала вставлять вторую в проектор. Вика горячо говорил:

— Теперь-то ты видишь, что наши предки были не так уж несведущи. Только я одного не понимаю: почему они так спешили — старались скорей выкачать из земли

всю нефть, свести леса, реки превратить в болота. И что они пытались сделать с океаном? И еще этот ДДТ...

— Не могу тебе ответить на все сразу. Вот получу данные из Академии социологии, тогда, может быть, станет яснее... Здесь что-то связанное с использованием урана.

Вика поплотней уселся в кресле.

— Применение атомной энергии сразу же поставило перед человечеством ряд экологических проблем, особенно связанных с изоляцией от окружающей среды радиоактивной золы. Использовались для этой цели глубокие шахты, вода, охлаждающая реакторы, сливалась в море. Вы видите систему трубопроводов на английском берегу Ла-Манша; по этим трубам вода сливалась в канал после использования на атомной электростанции.

Некоторые ученые рекомендовали захоронение радиоактивных отходов в океанических глубоководных впадинах, хотя уже в то время стали известны придонные течения и океан рассматривался как целостный организм, части которого взаимосвязаны. Вы видите ночную погрузку свинцовых контейнеров с радиоактивными отходами. Их груят на корабль, предназначенный на слом. Название корабля и порт приписки тщательно закрашены. Операция ведется в обстановке строгой секретности. Ни докеры, ни команда корабля из военных моряков не знают содержания контейнеров.

Корабль в океане. Он попал в жестокий штурм. Видите, как он еле превозмогает силу ветра и волн. Неисправные машины могли в любую минуту остановиться. С большим трудом трагический корабль в сопровождении охранного эскорта достиг Марианской впадины. Эхолот показывает 10 800 метров — одна из самых больших глубин в Мировом океане. Командир, имя его нам неизвестно, как и название корабля, приказывает открыть кингстоны. Экипаж покидает корабль, и он медленно скрывается в синих водах Тихого океана. Марианская впадина — не единственное место в океане, где захоронены ядовитые радиоактивные отходы...

Вера выключила проектор.

— Хватит на сегодня,— сказала она.— Не я первая, кто ищет причину бедствия в прошлом.

— Неужели так серьезно? — спросил Вика.

— Очень. Синезеленою водорослью поражены почти

все прибрежные воды, где ведется интенсивное «морское земледелие». Термин не совсем точный.

— Я давно заметил — морское да еще земледелие.

— Шельф — прибрежные мелководные участки моря — кормит миллиарды людей.

— О, это нам известно. Одно время, кажется еще в нормальной школе, я даже хотел пойти на биологический и выводить новые породы рыб. Мне хотелось славы. В дневнике тех лет есть у меня запись, я помню ее словно: «Пройдет несколько лет, и в энциклопедиях и справочниках, а также в магазинах появятся рыбы, созданные моим гением, например бычок Крубера или камбала-карась Вики Крубера». Но однажды я на уроке по астрономии впервые по-настоящему увидел наш звездный остров, и вопрос о моем призвании решился.

— Поздравляю тебя.

— Благодарю, Вера. Я ни разу еще не раскаивался в выборе дела всей своей жизни... Я тебе, кажется, мешаю.

— Нет, Вика, я могу читать и слушать интересную информацию.

— На самом деле я говорю интересные для тебя вещи?

— Да, Вика. Я начинаю лучше понимать тебя.

— Тебе хочется понять меня до конца?

— До конца?..

— Ну, чтобы я раскрылся перед тобой.

— Ну, зачем же раскрываться? Интересней, когда в человеке остается хоть что-то загадочное.

— Да, но бывают отношения, когда два существа...

— Не хочешь ли ты объясниться мне в любви?

Вика нисколько не смутился, только вздохнул и проговорил уныло:

— Да, Вера. Чувство мое безмерно...

Вера кусала губы, боясь засмеяться и обидеть Вику. Вика, глядя на нее, морщился и шмыгал носом, вздыхал, кашлял, ожидая ответа. Он был так забавно смешон, что Вера не выдержала и засмеялась:

— Вика, милый, ну разве можно так? Ты же сам не веришь тому, что говоришь. Ну посмотри на себя в зеркало.

— Что-то не то, не то,— забормотал он, ломая руки,— типичное не то. Извини, Вера. Я тебя не обидел?

Понимаешь, никак толком не могу выразить обуревавшие... обуревающие меня чувства.

— Конечно, нет, Вика. Ты пошутил?

— Хотел серьезно. Мне казалось, что я в тебя влюбился с первого взгляда. И вот решил выяснить. Ты знаешь, я очень решительный человек. Астрофизик должен обладать дьявольской решительностью и самообладанием...

В дверь постучали. Вошла Пегги. Взглянула на Веру, брата. Улыбаясь, потерла руки:

— Отличный денек, друзья.

— В космосе все дни великолепны,— мрачно изрек Вика.

Извинившись, что его ждут дела, он покинул лабораторию.

— Объяснялся? — спросила Пегги.

— Что-то в этом духе.

— Не принимай всерьез. Не ты первая. Удивляюсь, что он так долго крепился. И не сердись на него.

— На него нельзя сердиться, он милый.

— И у него такая каша в голове. Видишь ли, ему пришло в голову, что пора влюбиться, найти подругу жизни, конечно, по-возможности астронома, да в эту смену здесь девушек только две — ты да я. Я отпадаю по причине генетической несовместимости, остаешься только ты...— Пегги поняла, что Вере неприятен этот пустой разговор, и она спросила: — Как твои успехи?

Вера махнула рукой:

— Никуда не годятся. Все надо начинать сначала. Растения не будут плодоносить. Мало того, листья и стебли ядовиты. Дезинфекция, что я провела, сведена на нет вирусом. Видимо, правы мой учитель Мокимото и Карл Понти.

— И нет средств борьбы?

— Пока нет. Вирус еще не выделен в чистом виде, не изучен. Пройдет не один месяц.

— Раз найдена причина, то остальное не так уж сложно.

— Ох, Пегги! Ты и представить себе не можешь, как все сложно! А я-то расхвасталась! Действительно, моя зелень радовала глаз, даже началось цветение, и вдруг — крах. Мокимото утешает, как и ты, да мне обидно, что пропало столько времени, что я не оправдала на-

дежд. Ты знаешь, что здесь уже целая комиссия из святых наук?

— Да, их представляли по местному телевидению. Вот и прекрасно, пусть займутся. Ты ведь кое-что сделала, нашла вирус, вот пусть они с ним и возятся. Выше нос!

— Да я ничего.— Вера взяла новую кассету.

— Что это за фильмы? — спросила Пегги.

— Видишь ли, мне кажется, что все напасти и с водорослью там, дома, и здесь связаны с прошлым. Предки совершили немало трагических ошибок. А в природе все взаимосвязано, нарушение экологического равновесия не могло пройти бесследно...

— Стоит ли ворошить пыль прошлого, Вера? Да ты серьезно взялась за расследование.— Она с некоторым страхом оглядела кипу пакетов на длинном столе, проектор, стопку кассет и сказала: — А я закончила свою программу. Завтра прощальный выход в космос — и домой. Как хочется поскорее избавиться от противной легкости, хочется хоть что-нибудь весить! Ты пойдешь на тренировку? Если пойдешь, то через пять минут надо быть в спортзале.

— Пойду. И мне хочется выйти в космос, почувствовать его «всей кожей», как говорит Вика. Идем, Пегги, спасибо, что напомнила. Я тоже через два дня отправлюсь домой!

— Вот замечательно! Летим вместе. У тебя еще остается время досмотреть фильмы о грехах предков. Пожалуй, и я к тебе подключусь. Прежде я почему-то не любила историю... — Пегги посмотрела на Веру и неожиданно расхохоталась: — Прости, я представила своего брата, изливающегося в чувствах.

— Особых излияний не было, он, кажется, спешил.

— Спешил! Он всю жизнь спешит...

Они бежали по коридору «прыжками кенгуру», иногда задевая головами мягкий потолок. Спортивный зал пристроили недавно. Круглое здание спортзала находилось ниже обсерватории, и в нем также отсутствовала искусственная гравитация. В спортзале ежедневно по несколько часов тренировались «старожилы» — те, кто обосновался на «Сириусе» на несколько месяцев, и обязательно те, кто изъявил желание выйти в открытый космос.

Вера и Пегги, как и все,— а здесь собралось около тридцати человек,— начали с дыхательных упражнений. Вика подавал бесчисленные советы, пока в порыве усердия не оттолкнулся с такой силой, что улетел к противоположной стене, откуда теперь доносился его бодрый голос, поучающий новичка.

В пятиминутку отдыха, когда, расслабившись, можно было остаться неподвижным в любом положении или медленно плавать на определенной высоте, тренер, как диспетчер аэропорта, назначал один из пяти ярусов для каждой группы. Вера и Пегги оказались в первой группе и первом — «желтом» горизонте. Для ориентации здесь обозначались верх и низ разной окраской: верх — голубой, низ — желтой, второй, третий и четвертый — большими цифрами на стене и жирными полосами: белой, черной, сиреневой.

В помощь гимнастам спортзал в горизонтальном и вертикальном направлениях пересекали натянутые троны; с их помощью гимнаст легко занимал нужное положение, добирался до гимнастических снарядов и не чувствовал так сильно свою беспомощность в невесомости.

Громко, на весь зал, раздался голос Вики:

— Я чувствую себя здесь, как трюфель в пироге!..

— Какой у него завидный характер! — сказала Вера, плавая под самым желтым куполом.

Пегги отозвалась, повиснув вниз головой:

— Завидный характер? Ты уже почувствовала его очарование?

— С ним легко.

— Не всегда. Его следует принимать малыми дозами.

Вера засмеялась и почувствовала, что движется, ее потянуло к стенке; оттолкнувшись от нее ногами, она стремительно налетела на Пегги, и они закружились, обняв друг друга, задыхаясь от смеха. Наконец они натолкнулись на спасительную оттяжку и повисли неподвижно.

Пегги спросила:

— Ты не находишь, что мы как воздушные шарики?

— Сходство есть.

— Еще какое!

— У меня закружилась голова.

— Пройдет. Дыши ровней и глубже. К тяготению наши бесчисленные предки привыкали миллиарды лет, и

вдруг мы, их земные потомки, вышли в космос и закуялись в пустоте.

Они помолчали, затем Вера сказала мечтательно:

— Как хорошо сейчас дома! Я вчера вечером разговаривала с Костей и его другом Ивом, очень славный...

— Костя великолепен!

— Костя исключительная личность, я об Иве. У него необыкновенный взгляд, теплый, располагающий, и голос... Ты не улыбайся так многозначительно. Да, он мне нравится, но не больше. Ребята приглашали пройтись на яхте. На днях они кончают недельную вахту на своих островах, у них целая команда — Костя, Ив, Тосио-сенсей, возможно, и Антон... Хотя Антон не сможет, у него скоро начинаются тренировочные полеты.

— Он пилот?

— Астронавигатор.

— Космонавт?

— Да, Пегги, ужасная специальность!

— Ну, почему же. Не хуже любой другой. Самая романтическая из всех. Это не его ли корабль готовят на Лунном космодроме?

Вера кивнула:

— Да, Пегги. Мы думали провести вместе мой отпуск.

— Ну, и что же мешает?

— Водоросли. И еще мне показалось, что он хочет побывать один. Собраться. Сосредоточиться. Он сейчас на одной из биостанций Барьерного рифа.

— Только показалось?

— Почти уверена.

— Ты же ученый человек, Вера, как же, в таком случае ты не попытаешься установить истину?

— Пытаюсь. Знаю, что, когда я буду ему нужна, он придет, Пегги...

Пегги спросила, лукаво щурясь:

— Не он ли является причиной твоего выхода в открытый космос?

— Да, мне хочется узнать, что он будет чувствовать там...

Мелодичный удар гонга прервал трудный для Веры разговор.

Раздался голос тренера:

— Сейчас все на дорожку. Проведем разминку перед

велосипедными гонками. Не делайте резких движений!.. Кто там запутался в сетке для волейбола? Ах, это вы, Крубер. Профессор Мендельсон, помогите Круберу обрести свободу.

Несколько человек поплыли на выручку. Вика говорил умоляюще:

— Не беспокойтесь! Я сам. Пустяки. Проклятая сетка! Для чего она здесь?

Езда на неподвижных велосипедах оказалась увлекательной спортивной игрой. Последние усовершенствования в голограмии позволяли воссоздавать эффект присутствия до такой степени близкий к действительности, что при некоторой доле воображения технические шероховатости исчезали.

Велосипедисты, ахнув от изумления, неожиданно очутились на горной дороге, как оповестил тренер — в Южных Саянах. Навстречу промчался автобус на магнитной подушке, полный туристов. Вера обратила внимание, что на «горизонте» горы перерезаны белой полосой, а на склоне седой сопки можно различить жирную цифру «три». Вера скоро забыла об этой детали, так все остальное было бесподобно, и она сама стала верить, что очутилась на Земле и участвует в настоящих гонках. Впечатление еще больше усилилось, когда тренер «вышел» на шоссе и объявил об условиях соревнований, указал, где расположены питательные пункты.

— В случае выхода из строя машин, что почти исключено, вам немедленно предоставляют новую. В наших рядах следует машина технической помощи.

...Вере казалось, что она действительно мчится под уклон: в ушах свистел ветер, мелькали сосны, каменистые склоны, пестрые указатели. И как тяжело было взбираться на подъемах!

А во время спусков спидометр поднимался до ста двадцати километров!

Вера промчалась по висячему мосту, внизу ревел голубой поток, ворвалась в сырое, темное ущелье, перегнала Вику, он что-то крикнул и помахал рукой. Впереди ярким пятном светился выход из ущелья. Вера увидела, как там мелькнула красная майка Пегги. Вот и она пересекает финиш. Она пришла третьей, Вика — восемнадцатым...

Приняв душ, Вера вернулась в лабораторию. Там она

застала всю комиссию — академика и двух докторов наук. Все встали ей навстречу и, как показалось Вере, снисходительно улыбались.

— Мы знакомились с вашими выводами, коллега,— сказал академик Крейцер...— Он сделал паузу и, вытянув тощую шею, посмотрел на докторов, словно ища подтверждения своим словам.

Вера вся напряглась.

— ...и, признаться,— продолжал академик,— не можем не согласиться с ними, хотя каждый из нас, как вам известно, привез свою гипотезу.

Опять Крейцер посмотрел на докторов, а те расплывались в улыбке: рыжий круголицый ирландец О'Брайнен и мексиканец Хуан Перейра. Мексиканец смотрел на нее с любопытством и немалой долей восхищения. Он сказал по-русски:

— Мы постараемся за время, отведенное нам для работы здесь, на «Сириусе», проверить ваши выводы. Надеемся, что они подтвердятся.

О'Брайнен извинился, что знает русский не так хорошо, как его коллега Хуан Перейра, на что мексиканец с гордостью заметил, что окончил Московский государственный университет имени Ломоносова.

— Мне последнее известно,— сказал О'Брайнен,— в свое время я упустил такую же возможность, о чем не мудрено — так, кажется, я выражаясь? — или не трудно догадаться: запас русских слов у меня чудовищно беден, обеднен, малодостаточен, что заставляет меня предложить для беседы английский, немецкий или французский.

— Какой для вас удобнее.

— В вашей гипотезе,— начал он по-английски,— есть та простота и смелость, которые почти всегда гарантируют правильность намеченного пути. Если подтвердятся ваши выводы, то откроется возможность ликвидации агрессии синезеленой водоросли там.— Он показал пальцем в пол, забыв, что «Сириус-2» вращается и в эту минуту ботаническая лаборатория своим полом обращена в сторону созвездия Козерога.

— Идея мутации вируса принадлежит моему учителю, доктору Кокиси Мокимото, и доктору Карлу Понти. Вирус...— Смущаясь, Вера стала объяснять этим светилинам науки, как могло получиться, что здесь, на косми-

ческой станции, вирус, живший в симбиозе с водорослью, вдруг стал ее врагом и начал убивать и саму водоросль и растения, за счет которых существовал.

Ее терпеливо слушали. Когда она умолкла, академик Крейцер сказал:

— Пока трудно проследить связь с событиями на Земле. Но гипотеза очень стройная. Конечно, требуется еще много уточнений, и все же приходится удивляться вашему учителю, его таланту провидца. До сих пор дерево Мокимото является одним из чудес нашего времени, не так-то уж бедного на всевозможные открытия и изобретения. Мы с женой держим ваше ходячее дерево, и поистине оно доставляет нам минуты высшей радости и гордости за гений человека, когда начинает разгуливать по терралиуму...

Из лаборатории Вера сразу отправилась в бюро обслуживания — продиктовала компьютеру свое желание по возможности скорее отправиться на Землю.

— Последний рейс в двадцать три часа пятьдесят девять минут по местному времени.

— Оставьте мне место на рейс двадцать три пятьдесят девять.

— Исполняю,— ответила машина, справилась, есть ли багаж, и в заключение сказала, что ее предупредят за пятнадцать минут до отлета рейсовой ракеты.

Вера, по привычке, поблагодарила, хотя знала, что этим загружает каналы памяти компьютера ненужной информацией.

Она тут же вызвала по видеофону Пегги и сказала, что обстоятельства заставляют ее лететь на Землю сегодня.

— О-о! — обиженно протянула Пегги.— Как жаль! А я не могу, мне еще осталось скорректировать небольшой кусочек дна океана в районе Мальдивских островов.

До отлета оставалось около десяти часов, Вера быстро распределила это время: ей надо досмотреть полученную почту, сделать стенографические записи, поговорить с мамой, с Мокимото, провести часок с Пегги, Викой, потом подойдет время экскурсии в космос. Вера старалась не думать об этой экскурсии. Как расстроится учитель, если узнает, а ведь он узнает — Вера никогда не лгала, разве только удастся выбрать время, чтобы сказать, что не сдержалась, что ей так хотелось; Мокимото улыб-

нется и закивает головой, скажет что-нибудь вроде: «Вот и хорошо. Главное, что ты со мной. Не каждому суждено победить дракона желаний».

Вера принесла к себе в комнату проектор и поработала не больше часа, как вдруг на экране внутренней информации появилось незнакомое мрачноватое лицо.

— Ответственный за выход в открытый космос Ян Дево,— представился мрачный человек загробным голосом.

У Веры сразу пропало желание пойти на рискованную прогулку, вспомнились опасения Мокимото. Главное, сам Дево всем своим видом подтверждал самое худшее, что могло случиться.

— Прежде чем окончательно решиться на прогулку в открытом космосе, советую собраться с мыслями и подумать, готовы ли вы, достаточно ли у вас сил ступить в бесконечность. Всех, кто не переменит своего решения, прошу явиться в зал «три ноля» ровно через тридцать одну минуту.— Прежде чем исчезнуть с экрана, мрачная личность загадочно улыбнулась.

В комнату влетел Вика Крубер, ударился о мягкую обшивку, сделал двойное сальто и сел на пол.

— Так! — многозначительно произнес Вика.— И ты, как и Пегги, даешь задний ход.

— Что-то мне расхотелось в бесконечность,— сказала Вера.

— «Расхотелось»! Слышали все этот жалкий лепет! Мне стыдно за вас перед будущими поколениями! По меньшей мере миллиард землян добивается возможности очутиться в открытом космосе. И когда двум избранницам выпадает такая честь, они, видите ли, празднуют труса!

— А тебе не страшно? — спросила Вера.

— Мне? Ха-ха! Я же астрофизик — межзвездный скиталец. Мое заявление лежит в Космоцентре, и мне сообщили, что у меня есть шансы попасть в экипаж «Первой Звездной». Ты, Вера, никогда не простишь себе, если упустишь такую возможность. Решайся! Ты будешь со мной в двухместном космолете. Здесь их зовут почему-то «тачками». Положись на мой опыт, Вера.

— Ты уже... тебе случалось?.. — спросила Вера.

— Шесть раз,— соврал Вика,— и, как видишь, невредим, только мои горизонты познания распостерлись...

— ...в бесконечность,— подсказала Вера.
— Именно, в бесконечность. Если не согласишься, Вера, то...
— ...ты будешь глубоко несчастен.
— Именно! Несчастен. Пойми — вдвоем в космос!
— Сколько длится экскурсия?
— Десять минут, Вера! Всего десять. Но они войдут эпохой...

— ...в нашу жизнь?

— Вера, ты читаешь мои мысли. Тише. Кажется, приближается моя сестричка.

Вошла Пегги.

— Здесь демон-соблазнитель? Он тебя, Вера, заманивает в этот противный космос. Неужели ты дашь уговорить себя?

Неожиданно для себя Вера ответила:

— Меня и уговаривать нечего. Мне так давно хотелось. Очень хотелось. И потом, ты знаешь...

— Тогда полечу и я,— заявила Пегги.— Кажется, не было еще ни одной катастрофы?

Вика на это сказал:

— Вероятность катастрофы что-то один к миллиону, но ее шансы все увеличиваются и увеличиваются с каждой новой экскурсией.

Приготовления к выходу в открытый космос заняли два с лишним часа. Почему-то загадочный Ян Дево не показывался всей своей персоной, а по-прежнему давал указания через внутреннюю связь, иногда мелькая на экране видеофона. Он давал указания, как надевать скафанитры, прочитал целую лекцию о плавании в гондолах. В помещении, смежном со спортзалом, где ощущалось действие искусственной гравитации, собралось всего девять человек, остальные по разным причинам отказались участвовать в экскурсии.

Вика шепнул Вере:

— Они думают, что полет в ракете и пребывание в колесе может заменить плавание во Вселенной! О Вера, как я рад, что ты...

— ...согласилась?

— Да, и что мы будем вдвоем. История космонавтики еще не знает случая, чтобы...

— Еще слово, Вика, и ты останешься один в бесконечности.

— Молчу, как Великий Немой. Кто, между прочим, этот «немой»? Недавно где-то читал или слышал. Звучит торжественно: «Великий Немой»!

Тroe изъявили желание выйти в открытый космос в скафандрах, остальные избрали двухместные «тачки».

У Веры часто забилось сердце, когда за ними захлопнулась тяжелая дверь и они с Викой остались вдвоем. Кислородно-гелиевая смесь искала голоса. Высокопарные фразы Крубера напоминали птичье щебетание. Вера нервно смеялась.

— Шестая кабина! Успокойтесь! — раздалось вrepidукторе.

На крохотном экране Вера опять увидела загадочного Дево. Он пожелал счастливого пути. Кабина поплыла к шлюзам, там, в зеленоватом сумраке, они находились около двух минут. Постукивали вакуумные насосы. «Тачка» двигалась и неожиданно останавливалась.

Дево сказал:

— Приготовьтесь! Мы выходим в открытый космос. Желаю приятных впечатлений.

Вера почувствовала, как дрогнула их «тачка», и они поплыли от «Сириуса».

— Свершилось! — пискнул Вика и, глубоко вздохнув, умолк.

Вера осмотрелась. Кабина напоминала «летающее блюдце», только из стекла. Со стороны солнца стенки автоматически затемнялись. Пол также стеклянный. Вера невольно схватила за руку спутника, увидев под ногами Землю.

Вика успокоил ее, слегка заикаясь:

— Н-не волнуйся. До нее сорок тысяч километров...

От мрачных мыслей Вери отвлек голос Дево:

— Мы направляемся в сторону солнечных батарей.

Вы видите сверкающие полотнища. Их площадь — десять квадратных километров. Получаемой энергии с лихвой хватает для нужд спутника и местных заводов, избыток энергии скапливается в аккумуляторах и транспортируется на Землю. Мы остановились в самой оптимальной точке наблюдения нашего спутника, электростанции и уникального металлургического завода для получения абсолютно чистых металлов и шариков для подшипников. Завод полностью автоматизирован. В данный мо-

мент к нему подлетает грузовая ракета, чтобы выгрузить сырье и забрать готовую продукцию.

— Вера!

— Что, Вика?

— Ты ощущаешь, как нас обнимает вакуум?

— Разве пустота может обнимать?

— Вполне. Непередаваемое чувство.— Вика совсем оправился, и голос его обрел былую самоуверенность: — Теперь ты, надеюсь, поняла, в чем заключается разница между полетом в ракете, плаванием в «Космосе» и выходом в открытый космос! Стоит только мельчайшему теориту столкнуться с оболочкой нашей «тачки»,— он ободряюще взглянул на Вера и взял ее руку,— и мы — в небытии. Причем все произойдет мгновенно. В этом преимущество....

— Замолчи, пожалуйста!

— Изволь. Ты не находишь, что сталелитейный завод мог выглядеть более эффектно? А то какие-то баки, трубы, этажерки...— Не дожидаясь ответа, он поднял руку: — Вега! Звезда, как ты знаешь, первой величины в созвездии Лиры.

И тут произошло невероятное — по черному фону космоса проползла золотая линия, обозначив очертания Лиры, возникли надписи звезд созвездия.

— Какой красивый детский рисунок! — сказала Вера.

Дево сказал:

— Небольшое техническое усовершенствование. Давайте воспользуемся им для того, чтобы воскресить в памяти и запомнить навсегда все остальные созвездия.

Появился второй «детский рисунок» — человек с дубиной.

— Геркулес! — провозгласил Дево.— Лебедь!.. Лисичка!.. Стрела!.. Дельфин!.. Пегас!.. Северная Корона!

Один рисунок стирался, на смену ему возникал другой.

— Пожалуй, на сегодня достаточно,— сказал Дево.— Желающие могут приобрести звездный ролик с альбомом пейзажей планет Солнечной системы. Последние три минуты можете использовать как хотите. Будьте осмотрительны. Граждан в скафандрах прошу включить двигатели на одну секунду и двигаться к шлюзу «Сириуса». Парные гондолы могут облететь спутник.

— Как жаль, что у нас с тобой так мало времени! Все же прогулка оставляет впечатление.— Вика нервно ощупывал пальцами клавиши управления.— Как правы были древние китайцы, которые говорили, что все надо испытать самому, что лучше один раз увидеть подлинник, чем тысячу раз рассматривать его копии и читать о нем.

«Тачка» описывала круг, в центре которого находился спутник. Внезапно, словно по наитию, Вика нажал одну из клавиш. Веру прижало к спинке сиденья. Спутник, завод, солнечная электростанция — все стремительно летело назад. Вера сжалась в комочек под ослепительным каскадом звезд. Ей казалось, что Млечный Путь вот-вот обрушится на их скорлупу.

Пытаясь остановить «тачку», Вика стал судорожно нажимать все клавиши подряд.

Счетчик показывал 8—9—10 километров в секунду.

— Ничего, ничего,— шептал Вика,— подходим ко второй космической скорости.

Вера сидела, не вмешиваясь, глядя, как над головой проносятся созвездия. Ошеломленная случившимся, она не испытывала страха, а только подумала: «У нас нет никаких запасов, даже воды».

Вика, оставив клавиши управления, сказал совсем нормальным голосом:

— Ты никогда не простишь меня, Вера. Я знаю. К какой я безумец! Все погибло...

— Ничего еще не погибло. Попробуй повернуть назад.

— Пробовал. Дьявольская техника. Одна надежда — что нас перехватят возле Луны.

— Вот видишь... Не так уж безнадежно...

И тут чудесной музыкой пролился голос Дево:

— Мы вернулись из нашей прогулки в открытый космос. Прошу оставить кабины, снять скафандры. Надеюсь, все себя прекрасно чувствуют?

— Все! Все! Все! — яростно выкрикнул Вика.

Они с Верой выпорхнули из дверей «тачки» и поплыли в невесомости спортивного зала.

— Ты не догадываешься? — спросил он Вера.

— О чём?

— Как о чём? Нас надули! Провели, словно желторотых птенцов. Опять этот эффект присутствия с по-

мощью электронной оптики. Мы же не покидали этого ангара! — Он увидел сестру и закричал: — Пегги, что ты думаешь обо всем этом?

— Я в восторге!

— Но у нас испортилось управление! И зачем нам вся эта фальсификация? Я буду жаловаться!

Дево сказал через мощный усилитель:

— Все возникшие в нашей прогулке-аттракционе претензии принимает синий компьютер. Связь со мной имеется в каждой квартире, а также в общественных местах. Приношу извинения пассажирам шестой гондолы, там действительно неисправен спидометр. Что касается фальсификаций, как заметил наш талантливый астроном Вика Крубер, то на современном уровне техники этот термин не соответствует действительности. Ваши переживания действительно идентичны переживаниям человека в свободном космосе. Мною использовались био-записи космонавтов-профессионалов, так что вы сопережили происходившее в действительности. Что касается пейзажей, то наша лаборатория получила за них первый приз на Выставке новейшей кинотехники и голограммии. Благодарю за внимание. Рекомендую принять душ и выпить стакан тоника номер три дробь двадцать восемь. Всегда к вашим услугам — Ян Дево! Он же синий компьютер.

ХВАСТУНИШКА ПУФФИ

— Все почему-то считают меня маленьким, хотя разве я маленький? Я очень большой. Больше мурены-убийцы, не той, что я скормил рыбам, а той, что живет в большой норе, вход в которую охраняет тридакна. Я больше барракуды, больше осьминога, которого ты зовешь Крошкой; только кажется, будто одна манта Матильда переросла меня, и потому что она тонкая, ее расплющили в детстве, а если ее свернуть, как морскую капусту, в трубочку, то получится жалкое существо вроде Чарли Скрипуна, ведь он даже говорить не умеет, а только скрипит жабрами. Я бы давно его съел, не будь он твоим другом и таким жестким.

Я тебе все это рассказываю, чтобы ты знал, кто я,

и относился ко мне больше чем хорошо, потому что ты ко всем относишься хорошо и даже противную мурену кормишь кусочками дохлой рыбы, а манте Матильде чешешь брюхо. Почекши и мне животик... Вот так. Какой ты счастливый, Ив: ты можешь почесать себе где угодно своими плавниками, они у тебя такие длинные и на концах отростки, как на мягких кораллах, только те обжигают, а твои не обжигают. Может, и ты был прежде кораллом? Скажешь — нет? Ведь был? Только почему-то не хочешь сознаться. Все, Ив, прежде кем-нибудь были. Вот я долго плавал китом. Самым большим из китов. Я уплывал далеко-далеко, затем снова возвращался на ферму, где много красных бокоплавов. У меня были дети: Фок и Гrot. Потом мне расхотелось быть такой неповоротливой тушей, и я снова стал Пуффи. Разве кит может так быстро плавать над рифом, проникать в расщелины, ловить рыб-бабочек и креветок, тянуть за хвост мурену? Конечно, нет. А если бы попробовал, то ободрал бы себе всю кожу. На что у меня крепкая кожа, и то я содрал ее, когда хотел перелететь все рифы и очутиться в твоей Лагуне. Почекши теперь мне возле больного места на голове и на боку. Я уже здоров. Отпусти меня в Лагуну. Здесь так неудобно!.. Нельзя? Понимаю. Ты меня еще не вылечил, потому что, когда я двигаю хвостом, у меня где-то болит. Прогони, пожалуйста, боль. Боль мешает плавать и думать и даже говорить с тобой.

Пуффи замолчал, наблюдая, как я пишу. Он знает, для чего я оставляю знаки на бумаге, и все же считает это одной из странностей, присущей людям. У самого Пуффи абсолютная память. Он может запомнить все, что угодно. Я пробовал прочитывать ему целые страницы непонятного для него текста на многих языках, и он повторял его почти без ошибок.

— Знаешь, почему ты пишешь? — задает он, как всегда, неожиданный вопрос.

— Знаю, конечно. Таким путем закрепляются мои мысли. Ты сам все это прекрасно знаешь.

— Мысли должны закрепляться в памяти. Так говорит бабушка Гера, хотя она почему-то считает, что записи, и особенно книги, сделали вас, людей, первыми в океане.

— Ну, а ты как считаешь?

— Я?

— Да, ты.

— Я считаю, что пишешь ты потому, что твои плавники все время должны двигаться. Вот ты и пишешь. Но мне не нравится, когда твои мысли превращаются в некрасивые завитушки. Я больше люблю, когда ты рисуешь. Вот чем бы я хотел заняться, так это изображать красками все, что вокруг. Я бы нарисовал риф, когда он так красив и над ним носятся разноцветные рыбки, нарисовал бы осьминога и шустрых креветок. Сейчас ты нарисуй, как Пуффи победил барракуду. Иди, Ив, и принеси краски, кисти и полотно.

Пожалуй, лучшего нельзя было придумать, чтобы скоротать время у постели больного. Я расположился под тентом так, чтобы Пуффи мог наблюдать за каждым мазком. Мне захотелось написать этюд облаков. Они громоздились над вершинами гор, многоярусные, разноцветные: внизу темно-сиреневые, затем пепельно-серые и наконец верхние — ослепительно белые, пронизанные сполами солнечных лучей. С правой стороны облака почти черные; время от времени их прорезывает зеленая молния, и через минуту доносится глухой рокот грома.

Пуффи следил за моей рукой, набрасывающей контуры облаков. Он сказал:

— Скорей размазывай краски, а не то все изменится. Смотри, как рассердилась Золотая Медуза! Почему она дерется коралловыми ветками? Кто там, внизу?

— Видишь ли, Пуффи... — Я ищу слова, чтобы наглядно объяснить суть происходящего.

Пуффи изнемогает от нетерпения: и взрослые дельфины испытывают подлинные мучения, ожидая, пока наш неповоротливый ум сконструирует очередную фразу, а для нетерпеливого Пуффи разговор еще тяжелее.

— ...Видишь ли, дорогой мой, Солнце рассердилось на Землю.

— За что?

— Ну... за то, что Земля закрывается от него облаками.

— Почему закрывается?

— Земле жарко, как нам с тобой. Мы вот тоже закрылись тентом.

— Так она и нас может ударить коралловой веткой. Нет, сейчас это уже гарпун. Кого Золотая Медуза бьет гарпуном? Рыбу? Осьминога? Кита?

— Кита, Пуффи. Солнце выковало свой гарпун из частичек света...

— Так я угадал, Ив! Золотая Медуза охотится на китов! Какой у нее длинный гарпун, как морской змей! Вот если я стану Золотой Медузой, тогда смогу делать все-все, что захочу! Не правда ли, Ив?

— Ну конечно, Пуффи...

— Нет, я не хочу превращаться в Золотую Медузу. Ты только представь себе, что всегда плаваешь один в пустынном небе, должен все время смотреть, что делается внизу, и тебе нельзя опуститься в Лагуну. Нельзя плавать среди кораллов, нельзя ловить рыб, нельзя играть ни с тобой, ни с Протеем — сыном Протея. Нельзя потянуть за усы лангуста, нельзя охотиться на акул! Нет, Ив, я ни за что не буду Золотой Медузой, или Солнцем, как ты ее называешь. Лучше я останусь Пуффи... Ив!

— Что, Пуффи?

— Ты совсем ничего не рисуешь. И не надо рисовать облака. Они уже теперь как куча водорослей. Надо рисовать то, что было и быстро прошло.

— Вот я и пытаюсь...

— Неинтересно. Ты лучше нарисуй, как я победил барракуду.

— Потом, Пуффи... Вот только поправлю облако.

— Нет, у тебя другое облако. Там оно похоже на асцидию. Большую-пребольшую асцидию, а у тебя — на пузы акулье. Теперь оно стало как Чарли...

— Нет ничего изменчивее облаков, Пуффи. Смотри, и твоя «асцидия» и «пузы акулы» уже напоминают Великого Кальмара.

— Настоящий Великий Кальмар! — уверяет Пуффи. — Самый-самый настоящий.

— Великий Кальмар живет в океане.

— Он живет везде! Так говорит моя бабушка Гера. Гера знает все! Смотри, какие у него щупальца общипанные. И знаешь, отчего?

— Конечно, не знаю, Пуффи.

— Однажды Великий Кальмар схватил меня своими щупальцами, да я чик-чик и откусил их, вот почему они теперь такие короткие. Видишь, совсем крохотули!

— Вижу, Пуффи. Только, прошу тебя, не брызгайся, а то видишь, что получается с краской. Ведь сегодня я пишу акварелью.

— Так лучше получается: будто в воде, когда смотришь издалека. Теперь нарисуй меня, как я схватил барракуду за хвост, как появились еще барракуды и я их всех перекусил на маленькие кусочки и отдал рыбам...

Как ни отвлекал Пуффи, меня все время беспокоила судьба Геры и ее семейства. Большие белые акулы — очень серьезный противник, пожалуй, самый опасный в океане. И как они ухитрились пройти мимо автоматов-заградителей? Наверное, нашли незащищенный проход.

До сих пор большая белая акула, или «белая смерть», как ее называют в австралийских водах, внушает ужас. На протяжении веков за ней утвердилась трагическая слава людоеда. Недавно я просил Центральную библиотеку в Сиднее прислать мне все, что известно об этой акуле. Через два часа пришел ответ, что существует около двух тысяч монографий о белой акуле, а упоминается она в десяти тысячах работ. Спрашивали, действительно ли меня интересуют все без исключения или только некоторые, особенно полные работы. Я пожалел библиотекаря, Норму Стивенсон, кстати, очаровательную молодую женщину, и сказал, что меня устроят две-три солидные работы.

— Я так и думала,— улыбнулась Норма Стивенсон.

В диссертации некоего Казимира Полевски приводится страничка из «Истории рыб Британских островов» Джонатана Кауча. Там есть краткая и очень выразительная характеристика «белой смерти»:

«Для моряков нет ничего страшнее большой белой акулы, потому что ни в одном из обитателей моря желание убивать не сочетается с такой великолепной возможностью осуществить это желание».

...Морской бой — скоротечный. Схватка уже закончилась, так почему же никто не оповестит меня о ее результатах? Самые скверные мысли полезли в голову. У Геры не было никакого оружия. Я принес под тент видеотелефон и вызвал соседнюю ферму, где сейчас несли вахту Стюарды — Алан и его жена Бейда. Подошла Бейда.

— Ив! Алло, сосед! Все в порядке. Мы только что вернулись с Аланом. Гонялись за акулами на катере. Их было пять. Одна ушла. Где-то здесь поблизости шляется. Учи и не суйся в воду в одиночку. Ты слышал, конечно, о тигровых звездах? Так, раздевавшись с акулами, твое семейство во главе с Герой, наша шестерка, а также от-

ряд Спенсера сейчас прочесывают рифы до самого обрыва. Нам не хватало только еще тигровок, как ты считаешь?

У Бейды круглое лицо, все в веснушках, и коричневые насмешливые глаза.

Я спросил, не заросли ли их поля синезеленою водорослью.

— Пока только в западном углу на мелководье. Мы с Алланом применяем против них новый коагулятор, образуется что-то вроде зеленого пирога. Затем пускаем в дело прополочную машину, брикетируем и отправляем на берег. Но там принимают с трудом — боятся инфекции. У тебя есть новые средства, идеи?

Пришлось признаться, что нет ни того, ни другого.

Бейда ободряюще улыбнулась:

— Выкрутимся, Ив. Звезды, по-моему, пустяк, пусть даже новый вид. А скорей всего, океан дарит нам сюрприз, они жили всегда где-то в укромном месте. Как мы еще мало знаем интимную жизнь старика океана! Извини за такую пышную фразу, проще ничего не подвернулось в моей усталой голове... Нет, нет, Ив, с тобой я отыхаю. Все же я тебя отпущу сейчас же, как только ты мне скажешь, кто там у тебя плещется под боком.

— Пуффи.

— Ах, малютка Пуффи! Да он же ранен. Ну-ка, дай мне на него взглянуть. У ты мой милый! Больно? Ну, ничего, ничего. Ты скоро поправишься и тогда приплывешь ко мне в гости, и мы с тобой будем ловить креветок.— Она послала нам воздушный поцелуй.

— Что рассказала тебе Бейда? — спросил Пуффи.

Его не удивила и не обрадовала победа над акулами. Иначе и не могло быть. Он только заметил:

— Если бы там находился Пуффи, то акула бы не убежала.

— Безусловно. Все же тебе необходимо вести себя очень осмотрительно... — начал было я.

Пуффи перебил:

— Ты всегда говоришь мудро, как бабушка Гера.

В словах Пуффи чувствовался явный подвох, и я не ошибся. Сделав небольшую паузу, он продолжал:

— Если бы Гера вылезла сейчас из воды, она бы спросила: «Пуффи ты очень голоден? Тебе надо поесть, Пуффи». Тогда я бы ответил ей: «Голоден, очень голоден,

я могу съесть всех рыб в Лагуне». Тогда она взяла бы меня и отнесла в Лагуну. Ведь так, Ив?

Пришлось объяснить ему, что плавать ему рано. Он не поймает сейчас ни одной рыбы. Разве что старого Чарли.

— Чарли есть нельзя. Он же Чарли! Твой друг. Я догоню корифену.

— Нет, Пуффи, не догонишь.

— Тогда наемся моллюсков. Ими устлано все дно.

Мне с трудом удалось уговорить Пуффи побывать еще немного в ванне. Я сказал, что сам опущусь в Лагуну и принесу ему все, что он пожелает.

— Плыви, Ив. Пока ты будешь там гоняться за рыбами, я стану таким, как ты. Мои плавники станут руками, только я оставлю себе хвост, чтобы всегда плавать быстрее тебя. Гера сказала, что хвост кормит нас. Благодаря хвосту мы движемся быстрее птиц. Ты хотел бы иметь хвост?

— Конечно, Пуффи. Только где его взять?

— Ты прав, Ив. Никто не отдаст тебе свой хвост. Так ты плыви за едой. Принеси мне три корифены, побольше креветок и устриц. Потом я все-таки приделаю тебе хвост от акулы. Хочешь? — Он издал тонкий свист — смеялся, представив себе, как я, и так далеко не красавец, стану выглядеть с хвостом.

В глубине Лагуны царили мир и покой. Казалось, что все ее бесчисленные обитатели занимались самыми безобидными делами: порхали над цветущими клумбами, дремали на солнцепеке или грызли кораллы. Кровавая борьба за жизнь, что шла здесь с бесконечной дали веков, приобрела своеобразные формы, неприметные для непосвященного на отвлекающем фоне пышных декораций.

Для охоты я поплыл подальше от подножия моего островка, где все обитатели относились ко мне с подкупавшим доверием. Я был для них пришельцем из другого мира, существом непонятным и в то же время полезным. Меня можно было не опасаться.

Групер Чарли плыл справа возле моего плеча, выполняя обязанности лоцмана. Придется поделиться с ним добычей. Думаю, что, кроме выгоды, его влекло ко мне и чувство привязанности.

Чарли внезапно изменил занимаемую позицию: спрятался в мою тень. Групер ничего не делал зря. Что-то его обеспокоило. Его тревога мгновенно передалась и мне. Одна из уцелевших акул могла появиться поблизости. Встревожила Чарли манта Каролина. Чудовище приближалось, медленно махая крыльями, размах которых достигал четырех метров. Чарли узнал Каролину и занял прежнее положение у моего правого плеча: манта питалась улитками и мелкой рыбешкой.

Манта плыла ко мне. У нас с ней, как и с групером Чарли, приятельские отношения, только держится она без тени заискивания, с большим достоинством. Наше знакомство началось еще месяц назад, когда я только осваивал коралловые леса вокруг моего острова, бегло знакомился с его обитателями. Вначале манта с любопытством разглядывала мою особу, настороженно держась на почтительном расстоянии. С каждым днем дистанция сокращалась, и наступала минута, когда я смог почесать ее белесое брюхо рукояткой остроги, чем и положил начало дружескому сближению. В последующие встречи я снимал с ее кожи паразитов, и она, по всей видимости, зачислила меня в штат личного врача, а может быть, как и Чарли, ей нравилось мое общество, избавлявшее ее от одиночества.

На этот раз я только погладил ее ушастую голову и занялся охотой.

Вскоре мне удалось подстрелить небольшого тунца, килограммов около пяти. Затем я опустился в заросли водорослей, где кишили крупные темно-зеленые креветки. Несколько движений сачком — и я почти наполнил свой ягдаш.

Когда я направился к дому, за мною увивался пестрый хвост рифовых рыбок, жадно глотавших сгустки крови раненого тунца. По дороге к дому, на отмели, я прибавил к улову десяток устриц; правда, я не точно выполнил наказ: вместо мелких корифен загарпнуил только одного крупного тунца, зато от креветок и устриц вздулась сетка.

Я плыл к причалу, придерживаясь темневшей подо мной расщелины; она, как тропинка в подмосковном лесу, вела к дому, обрываясь у скал, заросших красными кораллами. Как-то я попытался заглянуть в эту расщелину и ужаснулся ее глубине. Наверное, там в дневное

время пряталось чудовище, светящиеся глаза которого достигали шестидесяти сантиметров в диаметре. Мне посчастливилось увидеть эти жуткие фары всего один раз, за полчаса до того, как тайфун с нежным именем «Мари» чуть было не снес лабораторию с рифа. Костя считает, что глаза принадлежали глубоководному кальмару-гиганту. Гера сказала, что в ту ночь она с семьей, как всегда в бурю, вынуждена была уйти подальше от рифов. Когда я стал настаивать, чтобы она ответила, кому из жителей Лагуны принадлежат такие глаза, она ответила, что, возможно, я увидел двух больших медуз. До сих пор дельфины не могут избавиться от суеверного страха перед кальмарами и считают, что всякие разговоры о них приносят несчастье...

По всей вероятности, расщелина соединялась с лабиринтом, пронизывающим весь Большой Барьерный риф. Что таится в нем? Какие формы жизни существуют там, в абсолютной темноте? Я стал думать, как организовать исследование лабиринта. Лучше всего для этой цели подходили роботы-скалолазы и гляциологи...

Я не заметил, как исчез групер Чарли, и, когда хватился своего спутника, подо мной уже расстилалась большая колония морских лилий. До причала оставалось пятьдесят метров. Я внимательно осмотрелся. Все спокойно. И тут я увидел тусклый силуэт акулы. Я поплыл быстрее. Она стала обходить меня слева. Пришло сбавить скорость... Сейчас решало дело другое и главное — осмотрительность и экономия сил.

Предстояла борьба. Надо не показать, что я боюсь ее. Я не так уж плохо вооружен, у меня гарпун и нож. Необходимо все время не спускать с нее глаз. Я остановился. Акула прошла в двадцати метрах, перед ее носом летела кавалькада лоцманов.

Акула стала ходить вокруг меня кругами, показывая свое ослепительно белое брюхо. Спина у нее почти черная, бока серые, длина не менее восьми метров.

«Еще не самый крупный экземпляр,— старался я себя ободрить,— бывают и побольше».

Акула все кружила, кружила, я поворачивался, следя за ней, и медленно двигался к рифу, пока акула не загородила мне дорогу. Наверное, несколько минут мы толились на одном месте, любуясь друг другом. Не знаю, как ей, а мне это не доставляло особого удовольствия.

Я пробовал обойти остров, акула немедленно становилась на моем пути.

Два пестрых акульих лоцмана подошли ко мне и стали тыкаться носами в сетку. Они явно показывали своей госпоже, где можно легко поживиться. Лоцманы оказали мне огромную услугу. Хотя мне и казалось, что я полностью сохранил присутствие духа и «ни капельки не испугался», вид «белой смерти» так подействовал на меня, что я забыл про сетку с добычей, которая к тому же изрядно мешала мне двигаться и служила приманкой для акулы.

Я выпустил сетку из рук, за ней бросились и те два лоцмана, что подошли ко мне первыми, и все остальные. Я быстро поплыл в сторону. Акула пошла к сетке, точно рассчитав угол атаки.

Рука моя лежала на ступеньке трапа. Взглянув назад и не увидев акулы, я выскоил наверх и растянулся на бетоне. Сняв маску, не мог надышаться теплым, душистым воздухом. Меня потянуло ко сну. Спать я не мог, не имел права, пока «белая смерть» стояла у порога. Вот-вот могли вернуться дельфины, беззаботные, радостные, обсуждая удачную охоту; они подойдут к рифу, не ожидая встретить здесь врага, так как знают, какими я располагаю средствами защиты и нападения.

Пуффи вертелся в своей ванне, засыпая меня вопросами и выражая возмущение. Из гидрофона неслось:

— Почему ты меня оставил? Где мои рыбы, креветки, устрицы? Ты не поймал ничего! Почему ты молчишь? Подойди ко мне, я укушу тебя за плавник.

Схватив в тамбуре ампуломет, я на ходу рассказал о встрече с акулой.

Пуффи кричал мне вслед:

— Ты отдал белобрюхой акуле мой обед! Почему не проткнул ее гарпуном? Ив, Ив!.. Вот сейчас...

Я не рассыпал угрозы в его последних словах и, приняв все возможные меры предосторожности, спустился к подножию трапа: в случае стремительного нападения я мог спрятаться за бетонные станины и оттуда вести огонь.

Акула исчезла. Там, где я бросил сетку, копошилось множество рифовых рыбок; видно, что-то осталось от тунца. Я плыл почти у самого дна, чтобы обезопасить себя от нападения снизу.

Акула мне попалась на глаза минут через десять. Она медленно плыла над трещиной, лоцманы словно прилипли к ее тупому рылу. Плыла очень-очень медленно, словно подкрадывалась к добыче. Любопытство удержало меня от выстрела. «Кого она выселяет?» — подумал я, теперь уже стараясь не спугнуть ее, и даже немного поотстал. Я плыл, держа ее на мушке. Автоприцел показывал дистанцию в девятнадцать метров.

Движения ее стали совсем медленными, тяжелыми. Акула стала опускаться; мне показалось, что она сопротивляется силе, увлекающей ее в трещину, хотя здесь не наблюдалось сильных течений в глубь рифа. Я поймал себя на том, что и меня тянет какая-то сила в глубину. Кто-то легонько толкнул меня в спину.

— Пуффи! — радостно воскликнул я. — Как ты посмел оставить ванну? И почему ты здесь?

Я обхватил его трепещущее тельце, и мы оба, объятые ужасом, смотрели, как из расщелины протянулись две «руки» чудовища, схватили акулу и очень осторожно стали опускать в расщелину. Акула не сопротивлялась. Так она и скрылась вместе со своими лоцманами в чернильно-черной щели.

Пуффи первым пришел в себя, выскользнул из-под моей руки и стал подниматься на поверхность. Превозмогая сонную скованность, за ним последовал и я. Пуффи ждал меня у трапа. Он что-то говорил мне с невероятной скоростью, что служило признаком необычайного волнения. С ним можно объясняться без помощи гидрофона только в том случае, когда он спокоен, сейчас же он говорил со скоростью пяти слов в секунду, часто переходя на ультразвуковой диапазон. Я повесил ружье на крюк у трапа, дав себе зарок никогда больше не опускаться в Лагуну без надежного оружия, затем взял вздрогивающего от боли Пуффи на руки. Я перенес это обмякшее тельце в бассейн под тентом, где он мгновенно ожил; из гидрофона полился нескончаемый поток вопросов вперемежку с самой беззастенчивой похвалой и критикой моего поведения.

— Если бы не я, — горячился Пуффи, — то она съела бы тебя вместе с ружьем, гарпуном, ластами и ножом! Акула испугалась меня. Видел, как она удирала? Как только лоцманы сказали ей: «Пуффи близко», она испу-

галась. У тебя было ружье, убивающее рыб, но не акул. Почему ты плыл за ней, а не стрелял?

— Хотел узнать, почему она так медленно плывет. Я тогда не знал, что это ты так напугал ее. Оказывается, она удирала, завидев тебя, и попала в руки кальмара. Ты никогда не слыхал, что у нас поселился кальмар? Может, это сын самого Великого Кальмара?

Как только разговор коснулся кальмаров, Пуффи сразу притих, по его коже прошла мелкая дрожь. Мне большого труда стоило его успокоить.

— Как я хочу есть! — сказал он наконец и осуждающе посмотрел мне в глаза.

Пришлось опять спуститься в Лагуну. Я далеко обходил теперь черную трещину. Близился вечер, в глубине стояли сумерки, на причудливый рельеф дна легли густые темные тени. Мне все казалось, что и там притаился длиннорукий, хотя я знал, что акулы ему хватят на долго. Охота у меня не ладилась; корифены куда-то ушли, рыб-ангелов и горбоносых кораллоедов, похожих на бизонов, Пуффи не ел. По счастью, меня окружил косяк индийской сельди, и я быстро наполнил сетку.

Еще под водой послышался характерный шум, который напоминал «походку» дельфинов. Они летели на крыльях радости после битвы с акулами, увенчанные победой. Перед причалом вся семья, включая солидную старушку Геру, прошлась на хвостах.

После ужина меня вызвали к видеофону Костя с Антоном. Костя сказал:

— Я два раза вызывал тебя, да каждый раз твой ви-
дик отвечал, что ты занят. Все ползаешь по своему по-
лю? У тебя что, опять отказали комбайны?

Я поведал им о событиях сегодняшнего дня. Оба не-
обыкновенно оживились, когда я описал, как «руки» каль-
мара схватили большую белую акулу.

Антон спросил, не скрывая сомнения:

— Говоришь, что она метров восемь?

— Если не больше.

— Не показалось? Мы представляем, какое эмоцио-
нальное воздействие она могла произвести на тебя.

— Пусть даже шесть метров,— сказал Костя,— два
метра можно сбросить на эмоции, тогда в ней что-то око-
ло трех тысяч килограммов! И говоришь, взял ее, как
котлетку с тарелки?

Я не приводил таких сравнений, Костя, как всегда, импровизировал, но все же я согласился, что сравнение вполне подходит.

Антон сказал с тревогой в голосе:

— Ты, Ив, весиши гораздо меньше акулы, учи. Тебе нельзя одному опускаться в Лагуну, да и твоим дельфинам оставаться там небезопасно.

Я сказал, что Гера давно знала об этом кальмаре и не говорила мне о нем из чисто суеверных соображений.

— Кальмары — табу для дельфинов. «Кальмар, что поселился в рифе, добрый,— сказала она,— он там живет давно, выходит в Лагуну только ночью, и мы приговариваем ему тунцов и макрель».

— Час от часу не легче! — сказал Костя.— Эти их языческие верования могут дорого нам обойтись. Все-таки я бы попробовал прогнать его от своего порога.

— Каким способом? — спросили мы разом с Антоном.

— «Каким, каким»... надо подумать... Посоветоваться с Тосио-сенссеем. Наш философ мгновенно найдет способ переселить длиннорукого в пещеру по соседству или спровадить в Коралловое море. Что-то сегодня он не появляется.

Тосио-сенсей также нес вахту в трехстах милях к югу. Он специализировался на разведении устриц.

Его славное лицо возникло в правом углу экрана, над головами Антона и Кости.

— Вот и я, ребята. Извините за опоздание. И у меня появились синезеленые водоросли, пока немного. Их приносит придонное течение, создаваемое насосной станцией. Пришлось остановить подачу глубоководной воды на всей акватории. Пьер согласился со мной, теперь остановлена половина насосных станций. Пьер сказал, что пусть это повлияет на урожай, зато, возможно, прекратится размножение синезеленой. К тому же он уверен, что радиоактивные элементы поступают к нам вместе с глубинными водами. Анализы подтвердили.

Тосио живо заинтересовался длинноруким и сказал, что избавиться от его общества можно — уничтожить его или надо создать ему условия, при которых он должен будет переселиться в другое место.

— Что ты предлагаешь в качестве условий? — спросил Костя.

— Кальмар — высокоразвитое существо, у него есть и симпатии и антипатии.

— О Тосио-сенсей! — воскликнул Костя.— Истинное решение мудреца! И, как всякое мудрое решение, оно проще пареной репы.

Антон спросил:

— Пареной репы? Откуда это сравнение? И почему пареная репа проста? И для чего ее парить?

— Загадка предков. Вычитал в словаре четверть часа назад. Мне понравилось. Какое-то древнее блюдо.

— Мне тоже нравится,— сказал Тосио.— Надо найти вещества, которые неприятны кальмарам. Поручите мне, ребята, и я сделаю запрос в Институт головоногих моллюсков.

— Единогласно! — сказал Костя и добавил мечтательно: — Скоро, друзья, мы закончим вахту и поплыvем на «Корифене». Яхточка ждет нас. Сегодня я говорил с Наткой Стоун. Вы знаете, что ее избрали капитаном «Катрин»; у девчонок какой-то экспериментальный рейс, затем кончается вахта у Дэва Тейлора, он оставляет своих китовых акул и — тоже в рейс. Хотя Пьер постарается нагрузить нас, да ведь дело придает смысл плаванию!

Расстались мы поздно. Пуффи недовольно кряхтел и посвистывал на своем пористом тюфяке. Впервые в жизни он попал в такую обстановку, разлучился с матерью. Я включил гидрофон. Нинон успокаивала сына:

— Завтра ты снова будешь в Лагуне. Сейчас лежи спокойно, а не то у тебя не заживет рана. Закрой глазки, и не заметишь, как пройдет ночь и появится Золотая Медуза, принесет тепло и радость всем в Лагуне. Я расскажу тебе, как мы победили белобрюхих акул, как нашли необыкновенную морскую звезду. Она опасней косатки-убийцы. Она очень большая, ее покрывают ядовитые шипы, во много раз длиннее, чем шипы ежей на рифах, ее нельзя убить: из каждого куска ее тела вырастает новая звезда, такая же большая и страшная... Ты слушаешь меня, Пуффи?..

Вечерний бриз нежно ласкал натруженное за день тело. Поверхность Лагуны местами тускло мерцала, в ее черной глубине вспыхивали и гасли купола гигантских медуз. Крохотные кальмары высказывали из воды, поднимая огненно-зеленые брызги. Один кальмар шлепнулся у моих ног, я поднял его и бросил в воду. Там с еще

большой силой, чем днем, шла борьба за жизнь, за ее продолжение. Океан, породивший все живое, добродушно урчал на дальних рифах, оп-то знал, зачем все это... Мои мысли прервал плеск в бассейне: Пуффи требовал, чтобы я его перенес в Лагуну. Ему было страшно одному без матери. Тот длиннорукий мог схватить его и утащить в свою щель.

Пришлось накачать резиновую лодку, опустить с причала, наполнить водой и перенести туда Пуффи.

— Вот бы сейчас появилась еще одна белобрюхая,— донесся из гидрофона голос Пуффи.

— Ну, и что бы ты сделал?

— Перекусил на шесть частей...

ЭКСПЕДИЦИЯ РУДОЛЬФА

Мне не давал покоя кальмар, живший в глубине рифа. Я больше не мог плавать над расщелиной, меня стало пугать «черное дно», стало казаться, что две гигантские руки всегда наготове и только облюбовывают жертву. Вчера, пересекая расщелину в самом широком месте, я увидел зеленоватый свет глаз чудовища; по крайней мере, так мне показалось. Я опрометью вылетел на поверхность и поплыл к причалу. Меня сопровождал Пуффи, издававший пронзительный свист, что служило у него выражением восторга: ну как здесь оставаться равнодушным, когда человек так уморительно хлопает по воде своими «плавниками»!

Взрослые дельфины всё так же замалчивали присутствие кальмара и, как я заметил, далеко обходили расщелину. Я спросил Пуффи, почему он не плавает над «черным дном».

— Нельзя. Мне запретили, хотя там на коралловых глыбах полно устриц, гребешков и улиток.— И тут же предложил: — Там есть красные кораллы, которые ты для чего-то собираешь, и раковина, похожая на луну. Хочешь, я все это принесу тебе? — Расхваставшись, он даже пообещал спуститься на самое «черное дно» и вытащить оттуда длиннорукого.

Я был не рад, что затеял этот разговор. Пуффи действительно мог выполнить все свои обещания и погиб-

нуть. С трудом мне удалось уговорить Пуффи дать слово, что никогда, ни при каких обстоятельствах он не подплывет к расщелине.

— Ладно,— сказал Пуффи,— только не понимаю, почему и ты так боишься — у тебя столько оружия. Мы могли бы с тобой вместе спуститься...— Пуффи осекся, услышав грозный окрик бабушки Геры.

Она была рассержена, особенно на меня, и настолько, что не остановилась у гидрофона переброситься новостями. Она увела с собой внука в самый дальний конец плантации и, как потом я узнал от Пуффи, «очень долго воспитывала его».

Через два дня конец моей вахты, прилетят мои сменщики Сережа Вавилов и Пьер Сен-Гили, люди довольно опытные, но все же нельзя им оставлять у самого порога гигантского кальмара, характер которого, повадки нам неизвестны. Что, если исчезновение всего состава экспедиции на «Мери Грант» два года назад дело рук этого чудовища?

Чаури Сингх вчера прислал мне свой единственный экземпляр робота-водолаза последней конструкции, прозванного острословами Центральной станции Рудольфом-Пронырой. Бионики придали ему форму гигантского краба. Вот он стоит передо мной в тени лаборатории, как кошмарный выходец из океанической бездны. У него две передающие телекамеры, ультразвуковой передатчик, четыре мощных прожектора, в его чрево вмонтированы гидроскопы, индикаторы инфракрасного и биоизлучений, локаторы и еще множество приборов, наделяющих его качествами высокоорганизованного живого существа.

От любопытных глаз Пуффи, конечно, не могло укрыться появление Рудольфа, и теперь он выскакивал на два метра из воды, стараясь получше рассмотреть необыкновенного краба. Я сказал Пуффи, что скоро Рудольф спустится в воду и там он его рассмотрит со всех сторон и даже сможет потрогать. Пуффи, конечно, тут же спросил:

— А что Рудольф будет делать в воде?

И я имел неосторожность сказать об исследовании ущелья.

Пуффи издал радостный свист и помчался поделиться сенсационной новостью со всей своей родней. Скоро ко мне явилась целая делегация: к пирсу подплыли встрево-

женные Гера, Нинон и Протей — сын Протея. Чувствовалось, что все они необыкновенно взволнованы. Пуффи вертелся в отдалении.

Гера спросила без обиняков:

— Зачем ты хочешь убить Большого Кальмара?

Я стал объяснять, что и не думал посягать на его жизнь, а только хочу попросить Большого Кальмара уйти в другое место и не ловить здесь рыбу.

— Все здесь принадлежит Большому Кальмару,— сказала Гера.

Нинон и Протей повторили:

— Всё! Всё! Всё!

Гера продолжала:

— Большой Кальмар схватил и унес на «черное дно» белую акулу. Кальмар защищает нас. Его нельзя прогонять отсюда.

— Хорошо,— пообещал я.— Рудольф не тронет его. Он только проверит, нет ли отсюда прохода в Коралловое море. Это очень важно знать. Если ущелье сообщается с глубокой водой, тогда из него можно прямо орошать поля, не надо будет после каждой бури ремонтировать толстые трубы, по которым идет глубинная вода.

Четверть часа мне пришлось внушать дельфинам, что Большой Кальмар останется невредим.

Прилетел на двухместной авиетке Костя. Подрулил к пирсу, откинул колпак, рядом с ним улыбалась Вера.

— Это тебе сюрприз,— сказал Костя, выдвигая трап.

Вера сбежала на причал и бросилась мне на шею. От нее шел нежный запах, напомнивший «Звездную пыль» и Биату. К Вере у меня навсегда осталось нежное братское чувство, я люблю ее, пожалуй, сильней, чем свою сестру; наверное, сказывается общность интересов и еще что-то необъяснимое, что сближает людей.

Вера придиричным взглядом осмотрела мою лабораторию, гараж, холодильник, комбайны, полюбовалась видом австралийского берега и сказала:

— Нестерпимо прекрасно! Слезы навертываются на глаза. Сколько времени мы не виделись? Вот так, а не по видеofону?

— Почти год!

— Мне кажется, целую вечность. Тебе привет...

Я знал, от кого... Сердце застучало.

— У нее все в порядке? — спросил я.

— Все, все.— Она почувствовала, что напрасно воскресила во мне память о Биате, и подошла к роботу, возле которого стоял Костя.— Это и есть Рудольф? Боже, какое сооружение! Нет, у тебя здесь дивно хорошо. Дельфины! Нет ли здесь моих знакомых?

— Ну конечно, есть,— сказал я.— Гера и ее семейство. Они узнали тебя, приветствуют.

Вера спустилась с трапа и стала ласкать подплывших к ней дельфинов.

— А это что за прелесть? — спросила она, протягивая руки к сыну Нинон.

— Я Пуффи,— довольно внятно сказал Пуффи.

Мы стояли с Костей и наблюдали за этой сценой.

— Дочь Земли и Дети Моря! — изрек Костя.

Я только сейчас по-настоящему разглядел, как изменился мой друг: бороды и усов как не бывало, вместо копны волос неопределенного цвета — модная прическа, волосы приобрели металлический блеск, что говорило о применении марсианского бриллиантина. В довершение — шорты умопомрачительной расцветки и такая же рубаха-безрукавка, на ногах японские шлепанцы.

Костя говорил Вере, похлопывая Рудольфа по корпусу:

— У нас ты отдохнешь. Дня через два «Корифена» поднимет паруса. Ты представляешь себе, что это будет за прогулка?

— Представляю, Костя. Но я не смогу. Ты посмотри, как разрослась эта синезеленая гадость! — Она протянула руку в сторону моего поля, всего усеянного зелеными полосами и пятнами.— Скоро она вытеснит всю хлореллу, отправит придонную фауну, погибнет весь риф.

— Ну, я не верю, что риф может погибнуть. Наверное, не раз за последние пятьсот миллионов лет синезеленая водоросль пыталась заселить весь земной шарик. Мы со школьной скамьи знаем, что цель каждого живого существа — мировая агрессия. Все стремятся вытолкнуть соседей и занять их место.

— Но ты забываешь, что соседи сопротивляются.

— Межвидовая борьба?

— Ты ничего не забыл, Костя. Все так: в борьбе устанавливаются связи, содружества, обусловленные взаимной выгодой. Случается, что связи, поддерживающие относительный мир и порядок на Земле, нарушаются. Пре-

жде вспыхивали эпидемии, насекомые-вредители опустошали поля, и главным образом потому, что человек неумело вмешивался в установившийся на его планете порядок.

— И ты считаешь, что сейчас мы тоже нарушили порядок?

— Нет, мы стали осторожней. Последние годы вмешиваются космические силы.

— Сверхновая?

— И сверхновая и повышенная активность Солнца, а также отголоски деятельности наших предков. Ты же знаешь, как повысилась радиация в океане.

— В нашем районе в норме.

— А вот у Ива повысилась в десять раз!

— В двенадцать,— поправил я.

— Вот видишь!

— Откуда же она?..— спросил Костя, устанавливая большой экран.

Костя работал быстро, красиво, и мы с Верой залюбовались им. Помолчав немного, Вера сказала:

— У меня есть предположения. Я читала старые записи. Древние сбрасывали в океан радиоактивную золу.

Костя покачал головой, присоединяя провода к ультразвуковой установке:

— Вот сообразили!.. Ив, включай!

Рудольф расправил свои членистые ноги, приподнялся и осторожно сделал первый шаг.

Вера отпрянула к веранде и, стоя в дверях, сказала, глядя на ожившего Рудольфа:

— Кому пришло в голову создавать такое чудовище!

— Вера! — с укоризной сказал Костя.— Не узнаю тебя. Кто говорил не раз, что нечего мудрить, ломать голову, придумывая новые формы, все уже создано природой, копируйте и совершенствуйте. Вот ребята-бионики и взяли за образец глубоководного краба. Ив, дай запасной блок три-ноль-семь...

Рудольф прошелся по кругу своей тяжеловатой, но все же преисполненной грации походкой и остановился у трапа.

Вера вышла из своего укрытия и даже дотронулась пальцем до одной из его восьми ног.

Костя сказал:

— Рудольф абсолютно безвреден. Ведь это всего-на-

всего передвижная телекамера. Причем достаточно умная. Видишь у него на спине ручки с клемшами? Так, если он найдет что-либо заслуживающее внимания, то возьмет и положит в одну из сеток на боку, сначала наполнит левую, затем правую. Видишь круглую пластину, припаянную у Рудольфа между глаз?

— Да, вижу. Что-нибудь важное?

— Отверстие для пушки.

— Это еще зачем?

— Ребята запроектировали пушку, да Пьер велел ее не монтировать.

— Какой он молодец, ваш Пьер!

— В случае необходимости пушку легко установить, она лежит в запасных частях. Вдруг кальмары нам объявили войну. Или появится множество белых акул.

— Я противника уничтожения даже акул. Надо находить отпугивающие средства, а не убивать.

— И в этом ты права. Я говорю — на случай крайней нужды.

— Крайняя нужда и привела людей к загрязнению океана, атмосферы, вырубке лесов, уничтожению тысяч видов животных и растений.

— С тобой, Вера, невозможно говорить — ты все знаешь, всех защищаешь, как наш Пьер.

— Я влюблена в него.

— Ничего нет удивительного, в него все влюблены. Инспектор — выдающаяся личность, под его руководством наш риф благоденствовал и будет благоденствовать во веки веков. Вот сейчас ты увидишь небожителя Пьера в окружении его свиты.

Костя перевел изображение с видеофона на большой экран, на нем Рудольф покажет, что творится в подводных каньонах и пещерах, а сейчас, до спуска Рудольфа, там, как на семейной фотографии, разместился почти весь штат Центральной станции. Сбоку стоял Чаури Сингх, озабоченный больше обычного, в центре ослепительно улыбалась Наташа Стоун. После взаимных приветствий инспектор кивнул: начинайте.

Костя помедлил, улыбаясь Наташе Стоун, затем подал команду, и Рудольф двинулся вниз по трапу.

На большом экране у стеклянной стены веранды изображения инспектора и его свиты исчезли и перенеслись на маленький экран видеофона.

Рудольф скрылся под водой, и поверхность большого экрана окрасилась в цвет полуденного неба, затем вода приобрела устойчивый оттенок слабого раствора берлинской лазури. Рудольф поймал в один из телеобъективов стайку рыб-бабочек, они пересекли экран и исчезли, оставив поле Чарли. Групер с оторопелым видом опускался на дно вместе с Рудольфом, тараща на него свои золотые глаза.

Оставляя за собой жемчужный шлейф из пузырьков воздуха, промчался дельфин.

— Пуффи! — воскликнула Вера.

— Теперь ему влетит, — сказал Костя. — Я уверен, что ему запрещено приближаться к трещине по крайней мере на пятьсот метров. А вот и его мамаша!

Нинон пронеслась следом за Пуффи.

По краям экрана появились цветущие кораллы, морские лилии, тридакна раскрыла свои страшные створки. Я знал эту тридакну; на ее мускуле росла килограммовая жемчужина неправильной формы и грязно-коричневой окраски.

Низко над Рудольфом проплыли Хох, Протей — сын Протея и Гера, прощупывая его своими локаторами, что служило как бы предупреждением, что если он не уберется из их зоны охоты, то пусть пеняет на себя.

Костя выключил две телекамеры по бокам робота, оставив одну — у него во лбу и вторую — в хвосте, выдвинув ее на гибком шланге. Теперь можно было видеть, как Рудольф шагает по рифу, осторожно ставя ноги то в колонию грибовидных кораллов, то между ярких анемонов; от него летели в стороны, поднимая песчаные облака, гребешки, большой рак-отшельник выбросил свою клешню и уцепился за переднюю ногу Рудольфа.

Сработала ультразвуковая защита, и парализованный рак застыл с поднятой клешней. Через час-полтора шок пройдет, но этот рак уже никогда больше не станет так безрассудно нападать на пришельцев.

Рудольф запутался ногами в зарослях кораллов.

— Придется убрать ноги, — сказал Костя.

Теперь Рудольф стал похож на небольшое порхающее блюдце, два миниатюрных винта толкали его над рифом в сторону «черного дна».

Экран потемнел. Прожектор освещал стену, заросшую кораллами, водорослями, колониями трубчатых

червей, асцидиями, губками. Все тянутся к свету, вверх. Рудольф перенес на экран изображение медленно ползущей огромной улитки; на ее желтом теле выделяются яркие бородавчатые полосы и угольно-черные пятна, так гармонирующие с пестрым фоном выступа скалы, по которому она ползет.

Светили опять все четыре прожектора. Рудольф медленно опускался, что было заметно по убегавшему вверх склону. На глубине семидесяти метров склон ущелья оборвался, свет прожекторов не достигал стен; Рудольф находился в подводной пещере. Костя стал поочередно включать локаторы: стены отодвинулись на расстояние примерно от шестидесяти до ста десяти метров.

— Глубина сто пятьдесят метров. Темно, как в стеннном шкафу,— сказал Костя и повернул рычаг управления так, что Рудольф стал «на голову», направив лобовой прожектор в глубину. На экране смутно обозначилось каменное дно или широкий выступ. Локатор показал, что до него шестьдесят два метра. Дно надвигалось, засветились отраженным светом серые глыбы, покрытые студенистыми губками, медленно полз морской еж. Вера прошептала:

— Что это? Какая-то химера. Движется к ежу. Да у нее ноги!

По дну довольно бойко бежал небольшой бронтозавр, коричнево-серый, с зубчатой спиной и рыбьим хвостом; у него были огромные глаза с фиолетовым отливом и отвратительная пасть, усеянная мелкими зубами. Бронтозавр не реагировал на свет. Он подбежал к морскому ежу и стал ловко откусывать у него иглы. Рудольф, видимо, попал в поток подводного течения, его отнесло в сторону, и бронтозавр со своей жертвой исчезли с поля экрана.

Костя обратился ко мне:

— Помнишь свиноящеров у плавающего острова?

Я сказал, что действительно бронтозаврик напоминал этих мутантов, но и только. Было ясно, что перед нами совершенно новый вид животного. Со мной согласился Чаури Сингх:

— За миллионы лет в недрах рифа должны были возникнуть своеобразные виды животных, и мы видим одного из их представителей. В прошлом году Овидий Бергсон во время отлива обнаружил на рифе часть скелета

лета и голову рыбы неизвестного вида, она не встречается даже среди ископаемых. Один ее глаз уцелел. Анатомия его показала, что у рыбы ультразвуковое зрение, что-то вроде локатора, встроенного в глазное яблоко.

В свет фар попала стайка незнакомых рыбок, длинных и прозрачных, с красными плавниками. Рыбки без опаски, медленно плыли, обтекая бока Рудольфа.

Все глубже опускался Рудольф, хотя его движение можно было определить только по шкале эхолота, на экране он казался неподвижным. На глубине трехсот пятидесяти метров с левого края экрана показалась пестрая морда глубоководной каракатицы, и тут же экран окрасился в густой черный цвет: каракатица поставила дымовую завесу.

Чаури Сингх сказал:

— Каракатица оказалась недотрой, ее обеспокоили локаторы Рудольфа.

Прозвучал встревоженный голос Наташи Стоун:

— Но теперь мы больше ничего не увидим!

Костя успокоил ее:

— Рудольф скоро выкарабкается из облака.

Наташа сказала:

— Да уже посветлело, и опять ничего нет. Где же ваш большой Кальмар, сын или близкий родственник легендарного Великого Кальмара?

Инспектор сказал:

— По всей вероятности, кальмар, схвативший большую белую акулу, того же вида, что и Великий Кальмар, которого видели наши друзья Ив и Костя. Возможно, нам больше не посчастливится его увидеть — такие события редкость. Все же наше вторжение должно заставить кальмара переменить место жительства. Конечно, если он там прочно обосновался, хотя, судя по размерам пещеры, вряд ли.

— Экскурсант, — вставила Наташа.

Чаури Сингх засмеялся, а за ним и мы все.

Инспектор продолжал:

— Судя по всему, риф пронизан гигантской сетью ходов, пещер и, конечно, сообщается с внешним морем, в глубинах которого обосновались кальмары; сюда он забрал, как в свое дальнее охотничье угодье.

Костя оповестил:

— Дно в тридцати метрах!

Промелькнуло безобразное рыло скапаноринхуса — акулы-носорога, или, как ее еще зовут, домового. Это редчайший вид акулы. Впервые скапаноринхуса поймали еще в конце XIX века у берегов Японии. Считалось, что скапаноринхус вымер около ста миллионов лет назад. В последующие годы раз в двадцать — тридцать лет ловили этих акул. Еще одна акула этого вида показалась на экране — больше, чем первая, ее длинное рыло в профиль напоминало нож для разрезания бумаги.

Костя направил Рудольфа на самой малой скорости горизонтально дну, к западной стороне пещеры. Дно усеивали рухнувшие сверху коралловые глыбы, покрытые мшанками. Здесь они жили в абсолютной темноте. Фары Рудольфа освещали морских ежей, брюхоногих моллюсков, глубоководных креветок. Стоило Косте выключить свет фар, как на экране стали вспыхивать голубоватые клубочки света — «нервничали» крохотные кальмары, обеспокоенные появлением Рудольфа, посылавшего во все стороны ультразвуковые волны своих локаторов.

Встретился еще один бронтозаврик, доедавший морского ежа, да туманным облаком прошел по экрану косичек стеклянных рыбок. Рудольф подошел к западной стене пещеры, неровной, покрытой пестрым ковром известковых водорослей, серо-зелеными мшанками, кое-где виднелись воронки коричневых губок и венчики бесцветных анемонов. В стене зияли черные дыры ходов; в один из них скользнула стайка стеклянных рыбок, из другого выглянула кошмарная голова с огромными глазами. Рыба пренебрежительно пожевывала тонкими губами.

Костя увеличил скорость Рудольфа, ноздреватая стена пещеры бесконечной лентой потекла по экрану. Робот плыл на расстоянии тридцати метров от стены, так что телеглаз захватывал довольно значительную ее площадь. Снимался фильм, и потом мы сможем, прокрутив магнитную запись, лучше рассмотреть детали, мелькающие сейчас перед глазами.

Чаури Сингх сказал:

— Удивительное сооружение! Какая колоссальная энергия потребовалась на его создание! Какой памятник неиссякаемости жизни, ее вечности!

Наш Пьер никогда еще не говорил таким патетическим тоном.

Вера сжала руки, прошептав:

— Как верно, как верно! Ведь мы видим только самый верхний ярус, до основания еще более двух километров. Какая же бездна времени потребовалась, чтобы создать все это, если в год риф поднимается всего на два-три сантиметра!

На экране проплыл темный вход в туннель.

Чаури Сингх сказал:

— Костя, верни Рудольфа к туннелю.

— Есть вернуть к туннелю! — повторил Костя, как матрос на древнем корабле.

Рудольф направил лобовой прожектор в черный проход. Засветились серые стены, местами покрытые колониями мшанок. Туннель достигал десяти метров в высоту и шести в ширину.

Рудольф плыл по подводной галерее уже десять минут. Временами видимость прекращалась или по экрану бежали полосы помех. Костя поставил регулятор на «автономное плавание», в течение тридцати минут Рудольф мог плыть, самостоятельно ориентируясь с помощью всех своих локаторов, затем он должен повернуть назад и выбираться в Большую пещеру.

Костя сказал:

— Странные помехи. Кто-то работает на нашей волне или отказывает передатчик, хотя у него не может отказать ни один узел, если только его не расплющит обвалом.

— Возможно, сказывается эхо? — сказал кто-то из свиты инспектора.

Чаури Сингх покачал головой:

— Возникает невероятное предположение...

Вера воспользовалась паузой и вставила:

— Мешают кальмары. Подстраиваются на волну Рудольфа. Принимают его за одного из своих.

Чаури Сингх кивнул:

— Именно, Вера. Они стремятся помешать нам. Костя!

— Я слушаю тебя, Пьер.

— Нельзя ли изменить волну и усилить мощность?

— Я только что подумал об этом. Сейчас, Пьер, попробуем.

Исчезли полосы на экране. Появилась зеленовато-серая стена, гладко отшлифованная водой. Затем мы увидели разбегающиеся круги волн на ультрамариновой во-

де: Рудольф плыл по озеру. Воздух не давал воде заполнить довольно вместительную пещеру с куполообразным потолком. Низко, у самой кромки воды, выступал широкий карниз, на нем тесно друг к другу лежали двухметровые «бронтозаврики». Чудовища как зачарованные пялили свои стекловидные глаза. По экрану побежали широкие разноцветные полосы, все же озеро и карниз с «бронтозавриками» еще можно было различить. Неожиданно пейзаж озера исчез, и на экране, в самом низу его, вспыхнули два огромных глаза; они переместились к центру экрана, стали расти, заняли весь экран, потом медленно начали удаляться, оставляя за собой два серебристых луча, по крайней мере так мне да и всем показалось вначале. Последнее, что передал Рудольф, была непомерной величины голова кальмара, выросшая перед объективом.

На этом связь оборвалась. Как ни старался Костя, робот не реагировал на его усилия.

Еще с полминуты никто не проронил ни слова.

Вера первой нарушила молчание, спросив у Кости:
— Серебряные лучи — это что? Неужели «руки» кальмара? Тогда какой же он?

— Метров тридцати, не меньше, — ответил Костя и сам спросил у Чаури Сингха: — Пьер, ты не находишь, что стоит послать в пещеру дублера Рудольфа, снабдив его пушкой?

— Ни в коем случае. Мы не знаем ничего об этом виде глубоководных кальмаров. Совет по охране природы никогда не допустит подобного варварства.

— Не обязательно убивать, — смущенно сказал Костя. — Просто прогнать его отпугивающими гранатами.

— Я думаю, что такой экземпляр не испугается гранаты. У него нет врагов, кроме кашалота, да и кашалот вряд ли сравняется с ним. Надо поставить сигнальные посты, чтобы они оповещали о приближении кальмара и этих страшилищ, которых кто-то назвал бронтозавриками. По всей вероятности, они ночью поднимаются в Лагуну. Будьте осторожней, друзья мои, мы еще и не представляем себе всей опасности нашей работы. Сегодня мы открыли новый для нас, таинственный мир подводных катакомб. Будем планомерно изучать их, вот только избавимся от нашествия синезеленых водорослей и тиг-

ровых звезд. Правда, последних еще нельзя считать серьезной угрозой, но это сегодня, за завтрашний день никто не может поручиться. Тигровые звезды тоже выходцы из глубин океана.

Еще раз предупредив об осторожности, особенно в ночное время, инспектор выключил видеофон.

Вера с опаской смотрела на Лагуну. Она отошла от причала и села под навес возле бассейна. Костя унес экран на веранду и вернулся за пультом управления, смонтированным в небольшом чемодане. Я подошел к Вере. Она застенчиво улыбнулась:

— Как ты сможешь теперь жить здесь совсем один?

Я сказал, что о кальмарах такого размера уже известно, и напомнил ей о Великом Кальмаре.

— Все это так. Все же страшно, Ив, после всего увиденного. Я как вспомню эти лучи-руки, мне становится жутко. Бедный Рудольф...

Из гидрофона послышался голос Геры:

— Ив, мы пришли. В лагуне спокойно.— И ни звука о Большом Кальмаре.

Пуффи поймал на обед макрель килограмма на два. Вера взялась приготовить ее по-малайски. Спустившись на нижнюю ступеньку, она выпотрошила рыбу, счистила с нее чешую, стала мыть. Тотчас же появились рыбы-бабочки. Пуффи все время вертелся возле трапа, стараясь обратить на себя внимание: он совершил двухметровые прыжки, приносил устриц, кораллы.

— Пуффи! Куда я все это дену? Ну, спасибо, милый, не приноси больше ничего.— Она погладила его по спине, и Пуффи от избытка чувств радостно прошелся на хвосте.

Макрель удалась на славу. Мы обедали под тентом. К Гере пришли гости с соседней фермы, в их числе двое сверстников Пуффи. Лагуна огласилась шипением и свистом, дельфинята носились по Лагуне — играли в пятнашки.

Вера за десертом необыкновенно оживилась и стала рассказывать о своем полете на «Сириус», о Вике Крубере, его сестре Пегги, об ученых, с которыми она встречалась на «Сириусе», о старых записях, которые она читала и просматривала на спутнике.

Потягивая через соломинку коктейль из высокого стакана, Костя сказал:

— Теперь уже не остается сомнений, что и синезеленые водоросли, и свиноящеры, и тигровые звезды — реакция океана на изменение в его составе солей, и он неожиданно для нас выдает свои новые произведения, не считаясь с нами.

— Ты, Костя, грубый материалист,— сказала на это Вера, срезая кожуру с груши.— Океан — живое существо, невообразимо огромное. Собственно, океан — это вся наша планета с островками суши. Прежде, когда человек стоял ближе к природе, был ее неотъемлемой частью, он с почтением и страхом относился к океану, обожествлял его. Вспомни Посейдона, Протея, сирен. Затем, с ростом сведений, открытий — всего того, что мы называем культурой,— океан становится просто массой воды, хотя ученые уже к тому времени открыли великие связи жизни и рассматривали планету как единый сложный организм.— Она улыбнулась, взяла в рот кусочек груши.— К чему я говорю это все вам, океанопоклонникам, спросите вы? Да только потому, что ты, Костя, непочтительно отзвался об океане, свел все к изменению состава солей. Соли только следствие, симптом болезни, главное — мы такие же его дети, как и дельфины.

Костя поставил стакан на стол:

— Сдаюсь, Вера. Ты во всем права. У людей недоставало нежности к чуду, которое перед нами.— Он широко развел руки, быстро встал.— Спасибо, Ив. Нам пора. Что-то не нравится мне горизонт, хотя прогноз отличный. Может, собираются местные духи вод и атмосферы продемонстрировать нам свое могущество?

Вера тоже встала:

— До свидания. Я боюсь тропических бурь.— Она пробежала по трапу на авиетку.

Костя хлопнул меня по плечу:

— До послезавтра! «Корифена» ждет. Тосио-сенсей поставил новый такелаж и счистил с днища все ракушки. Теперь ей не будет равных во всей Лагуне.

С километр они летели в десяти метрах от воды и очень тихо, чтобы доставить удовольствие Пуффи и его друзьям. За ними, охватывая малышей полукругом, мчались взрослые. Судя по их строю, они явно чем-то были обеспокоены и охраняли детей.

Все объяснила Гера. Она осталась у причала, чтобы сообщить мне, что десять минут назад с большим отря-

дом охотников прошел Менелай. Этот опытный следопыт выслеживал трех южноавстралийских мако, прорвавшихся в Лагуну из открытого моря.

Мако — одна из самых красивых, быстроходных и свирепых акул, достигает четырех метров длины.

Гера попрощалась, сказала, что всю ночь она с семьей проведет возле моего острова, и, если появятся мако, она разбудит меня колоколом громкого боя, и тогда я должен буду взять Пуффи в бассейн.

Я остался один. Костин прогноз не оправдался. Дымные облака на северо-востоке рассеялись, там голубело небо, глубокое и теплое. Чайки возвращались с рифов; в их полете чувствовалось довольство, сытость. Они садились на крышу и начинали свой вечерний туалет. Здесь у них полустанок, живут они на скалистом островке в миle от берега. Что-то им понравилось у меня. Кажется, скоро здесь образуется колония чаек. Несколько флиртующих молодых пар явно не прочь устроить здесь свои первые гнезда; для этой цели очень подходит карниз под навесом крыши. Что ж, я не против.

Возвращаются в гараж комбайны. Я смотрю на график выработки: опять упала урожайность. Если так будет продолжаться, то через два-три месяца плантация погибнет и комбайны будут собирать только ядовитые водоросли.

По вечерам мне иногда звонит наш старый знакомый, Поликарпов Павел Мефодиевич, полпред дельфинов, как он любит себя называть. Он по-прежнему живет на Плавающем острове, среди своих дельфинов, в вечной борьбе с противниками своих воззрений, и коллекционирует фотографии тропических зорь.

На видеофоне то же пергаментное лицо с молодыми глазами. Он давно проникся к нам с Костей отеческим чувством, хотя с виду суров, говорит отрывисто, как будто ищет, к чему бы придраться. Сегодня он сделал исключение:

— Здравствуй, Иван. Ну, как твои водоросли? Неважно? Везде неважно в этом году. У меня, брат, горе. Ты помнишь Ашока?.. Ну, того, что любил дальние путешествия и беседы на философские темы.

Я припомнил темнокожего дельфина, всегда сопровождавшего Павла Мефодиевича, и сказал об этом.

— Так его уже нет, погиб в бою с акулами. Акулы

стали нападать на китов, а он нес службу на китовой ферме. Редкой одаренности был Ашока — Человек Моря...

Я от всей души посочувствовал горю учителя и, стараясь отвлечь его от печальных мыслей, рассказал о сегодняшних событиях. Почему-то он отнесся совершенно равнодушно к моей информации о появлении Великого Кальмара и исследованиям Рудольфа и необыкновенно оживился, когда я стал рассказывать о проказах Пуффи. Павел Мефодиевич попросил:

— Ты пришли мне, Ваня, пленочку с видеозаписью об этом сорванце. Так говоришь, что малый хвастун? Редкое свойство у дельфинов. Они необыкновенно правдивы, хотя и не лишены способности пофантазировать. Все их предания, устные летописи, возврения на окружающий мир полны фантазии.— В его глазах заискрился смех.— Хотя твой Пуффи превзошел своих родичей, и это в его-то годы! Не без вашего ли это влияния? — Раздался звук, напоминающий дребезжание в ветреный день стекла, плохо закрепленного в оконной раме: Павел Мефодиевич смеялся.

После захода солнца — три часа работы в лаборатории, потом просмотр мировых новостей и в десять сон, до шести. Перед вечерней работой я всегда купался. Мне доставляло несказанное удовольствие плавать в черной, искрящейся воде, чувствовать себя таким же таинственным существом, как и все население Лагуны вочные часы. Надев маску, с мощным фонарем в руке, я плыл, внушая почтение люминесцентным акулам, муренам, светящимся змеям — выходцам из глубин, крохотным кальмарам, мерцающим, как рой светляков, и рыбам, похожим на празднично расцвеченные гондолы. Меня сопровождали Протей — сын Протея и Хох, просматривая все вокруг своим ультразвуковым зрением. С ними я считал себя непобедимым, и мне хотелось повстречаться с большой белой акулой или южноавстралийской мако, может, потому, что до последних дней они не заходили еще на мою ферму. Сегодня же меня не тянет в Лагуну, хотя мои друзья усиленно зовут меня туда, плавая вблизи трапа.

— Ив! Ив! — слышится из гидрофона.

Я благодарю за приглашение и в который раз пытаюсь объяснить, что должен идти работать.

Работать — это значит сидеть без движения, согнувшись за плоской доской. Нет, подобный труд не для дельфинов. Труд — прежде всего движение. Зачем тратить время, скрючившись в душном гроте, когда стоит сделать несколько шагов, и ты очутишься в теплой благодатной воде... — так я воспринимаю осуждающий свист, щелканье и воркотню Людей Моря.

Я проверил работу приборов. Передал очередную сводку на Центральный пост. Анализы воды почти не изменились, стало только чуть меньше стронция и кобальта, что, несомненно, связано с прекращением подачи воды из глубин открытого моря. Количество синезеленых водорослей возросло за сутки на два и одну десятую процента, то есть никакого уменьшения. Ничего утешительного не показывал анализ развития и роста коралловых полипов.

Рифообразующие кораллы, и особенно основной из этих видов — мадрепоровые полипы, чрезвычайно привыкли, им нужны идеально прозрачная вода, много света, тепла и определенная соленость; если одно из этих условий нарушается, кораллы погибают, а с ними связана вся сложная жизнь Лагуны, все «морское земледелие» на Большом Барьерном рифе.

Хлорелла не особенно затеняла кораллы, и до появления синезеленых водорослей они чувствовали себя прекрасно. Пока синезеленые не стали воровать свет. Кораллы могут активно заниматься строительной деятельностью только тогда, когда ощущают избыток кислорода, который они получают от одноклеточных водорослей — зооксантелл. Эти водоросли обычно живут в мягких тканях мадрепоровых полипов. Зооксантеллы, как и все растения, при помощи фотосинтеза извлекают необходимый для жизни углерод из углекислого газа, растворенного в морской воде, и выделяют кислород; кислород поглощают полипы и в обмен снабжают зооксантеллы углекислым газом, который они выдыхают. Пожалуй, это один из примеров идеального круговорота веществ, необходимых для обоих организмов. И вот этот круговорот нарушен. Полипы, взятые мною с одного из затененных участков дна, находятся в самом жалком состоянии.

Мне удалось лазерным ланцетом сделать очень удачный срез со щупальца коралла и тут же записать снимок среза на магнитную ленту; теперь аналитикам с Цент-

рального поста легко будет установить степень опасности для нашего рифа. Я хотел было попытаться приготовить препарат из среза второго щупальца, как в уши ударил звон колокола громкого боя. Ланцет выпал у меня из рук. Не помню, как я, обливаясь потом, добежал до будки с гидрофоном, предчувствуя несчастье.

Меня вызывал Менелай. Он возвращался с охоты на южноавстралийских мако. Двух акул они сразили из ампулометов. Акулы, получив большую дозу снотворного, опустились на дно и больше никогда не поднимутся оттуда. Они умрут от удушья: чтобы дышать, акулы должны всегда, всю жизнь, находиться в движении, пропуская струи воды через жабры. Одна акула скрылась на «черном дне» — табу для дельфинов, Менелай предупреждал об опасности.

— Мы не уйдем, — сказал он в заключение, — будем ждать, когда мако появится, и отправим ее навсегда на «черное дно».

Здесь же вертелся и Пуффи. Когда Менелай отплыл от гидрофона, Пуффи спросил:

— Ты любишь плавники акулы?

— Да, варю из них суп.

— Я принесу тебе плавники мако. Хочешь?

— Ни в коем случае! — испугался я. — Выкинь из головы. Мако проглотит тебя целиком. Лучше я возьму тебя на ночь в бассейн.

Пуффи издал насмешливый свист:

— В бассейн — когда здесь Менелай и все его охотники! Ты хочешь, чтобы я, как трусливый краб, сидел в норе? Недавно ты сам говорил, что человек должен быть сильным и храбрым. Как же я стану храбрым, сидя в твоей раковине?

Что можно было ответить на это Пуффи?

НАШЕСТВИЕ

На лаге накручивается ровно шесть миль.

Гарри-робот, штурвальный, хорошо отлажен и держит эту скорость уже вторую неделю. Если северо-восточный пассат стихает, Гарри тотчас же убирает рифы или ставит добавочные паруса, если же усиливается, то

молниеносно свертывает лишнюю парусину, нажимая клавиши на доске управления. Ни один морской патруль не может похвастаться чем-либо подобным. Есть стандартные установки разной степени надежности, но таких, как Гарри, нет! Он — наше детище, и мы гордимся им. Мы — это наш капитан Айкити Тосио, или Тоси, Тосик, но чаще всего Тосио-сенсей, что значит — «прежде рожденный» или «учитель». Действительно, Тосио-сенсей пользуется у нас непрекаемым авторитетом, как потомственный моряк и незаурядный биолог моря. Второй член экипажа — Костя, мой старый друг, третий — я, затем — Гарри. Он один заменяет четырех матросов.

«Золотая корифена» скользит по ослепительно синей воде Большой Лагуны. Слева по борту, затянутый нежной дымкой, виднеется австралийский берег — горы, укутанные зеленым ковром тропического леса; справа, тоже в сверкающем мареве, — Большой Барьерный риф. Сейчас прилив, и почти все коралловые сооружения под водой. Пассат еле доносит шум прибоя. Волны Кораллового моря дробятся за много километров от нас. В Лагуне тихо. Мелкая волна бьет в золотой бок яхты. Солнце перевалило зенит, и паруса кладут на палубу оранжевую тень. Нас перегоняют и расходятся на встречных курсах катера, яхты, корабли среднего тоннажа — Лагуна не особенно подходящая дорога для судов водоизмещением более пятидесяти тысяч тонн. Иногда хочется посостояться в скорости с достойным противником, обходящим нас как стоячих, да нельзя, — мы на работе.

Вот и сейчас мимо нас проносится трехсоттонный «Мустанг» и на экране видеофона появляется прокопченная физиономия Дэва Тейлора с выгоревшими добела волосами. «Мустанг» давнишний наш соперник. Последний раз, по ту сторону Барьерного рифа, мы обошли его на целую милю.

— Пройдемся? — предлагает Дэв. — Мы сейчас убавим парусины, чтобы вам не тащиться в хвосте до самой Гвинеи.

Сенсей парирует:

— Что может быть приятней, чем тащиться в хвосте за таким великолепным «Мустангом», только простите, великодушный Дэви-сан, что наша жалкая лохань не может сегодня доставить вам такое приятное удовольствие.

— Мне все понятно,— глаза Дэва насмешливо щурятся,— вы уже участвуете в гонках.

— Для нас это новость! С кем, позвольте задать вопрос?

— С «Катрин», конечно. Бедные девочки, они безнадежно отстали. Я предлагал им помочь, но ведь ты знаешь их темперамент.

— Сочувствуя тебе, Дэв. Уверен, что помочь им не нужна, просто они заняты делом.

— Я и забыл — их занимают рифовые рыбки и полипы?

— Да, рыбки и, естественно, полипы, а нас — звезды. Что занимает тебя, Дэв?

— Тоже рыбы, только крупней — акулы, и главное — ветер и океан...

Между Тоси и Дэвом и прежде происходили подобные перепалки, но особенно они участились после того, как в Лагуне появилась «Катрин» с командой из одних девушек-студенток и капитаном Наташей Стоун.

— Я желаю тебе удачи, Дэв,— печально сказал Тоси.— Океан необъятен, и ветра хватит для всех.

— И тебе удачи, Тосио-сенсей. Ты прав — ветра хватит для всех, но если бы только можно было довольствоваться одним ветром!

— Человек ненасытен в своих желаниях.

— Ты прав, сенсей.

— Я повторяю только чужие мысли.

— Ты же сам говорил, что хорошая чужая мысль становится достоянием человечества...

Дэв неплохой парень, только жизнь он воспринимает как парусные гонки, в которых он обязательно должен приходить первым. Всякий проигрыш его глубоко огорчает.

Между Тосио и Дэвом при каждой встрече происходят ожесточенные словесные турниры, в которых наш сенсей, как правило, берет верх.

У Тейлора часто не хватает выдержки в спорах, а его противник холoden и расчетлив.

Сегодня Дэв что-то уж очень покладист, мы с Костей подозреваем, что он опасается, не следят ли за их перепалкой «морские амазонки» с «Катрин». Между прочим, для такого чудовищного обвинения у нас нет никаких оснований. Все дело, видимо, в том, что мы подходим к

Дэву с излишней подозрительностью, не учитывая благотворного влияния на него нашего сенселя.

Вот и сейчас, излучая благожелательную улыбку, он советует Дэву внимательно следить за барометром: служба погоды только что предупреждала о шквалах, которые могут пересечь Лагуну на нашем курсе.

— Знаю,— ответил Дэв.— Благодарю, сенсей.

— Все же есть смысл убрать марсели и взять рифы у грата.

— Успеем. Видимость отличная. Желаю удачи!

— Ровного тебе ветра.

— И тебе, сенсей, ровного ветра и пути, усыпанного звездами. Что-то об этих звездах много разговоров, и чем скорее вы их обнаружите, тем лучше. Если будет нужна наша помощь, то в любое время дня и ночи мы к вашим услугам. Мы идем к Желтому рифу, там появилось несколько мако, у меня распоряжение инспектора выловить их и, представь, не повредив ни одного плавника у этих милых созданий, доставить их в Коралловое море и освободить с глубокими извинениями. Инспектор считает, что мако необходимы для экологического равновесия в океане.

Тосио сказал:

— Инспектор всегда прав.

— Да, он непогрешим,— кротко ответил Дэв и помахал рукой.

Костя не преминул заметить:

— Пай-мальчик, прямо с обложки детской книжки.

Тосио, улыбаясь чему-то, обвел взглядом даль и задержался на показавшихся из-под горизонта ослепительно белых парусах «Катрин». Его грудная клетка расширилась в глубоком вздохе.

— Лихо идут сегодня девочки! — сказал Костя, тоже посмотрев на белые паруса яхты, и снова быстро перевел взгляд на обзорный экран, занимающий всю переднюю сторону рубки ниже ветрового стекла, теперь спрятанного в стенку.

На экране движется на нас дно канала. Необыкновенное зрелище!

Заливные солнцем коралловые заросли!

Рои рыб, словно изваянных из драгоценных камней, перламутра и солнечных закатов.

Трепещущие кружева водорослей, поляны морских

перьев, лилий, рощицы колоний неподвижных животных, напоминающих кустарники! Анемоны!

И все это — в бесконечном коралловом лесу, цветущем алыми, желтыми, зелеными, фиолетовыми цветами бесчисленных оттенков. Можно рассматривать эту волшебную картину сколько угодно, мягкие пастельные тона и бесконечно разнообразные формы животных и растений не утомляют глаза, а только приносят радость и восторг перед трепещущей жизнью. Невольно возникает гордая мысль, что ты — господин всей этой красоты, обилия жизни и от тебя зависит ее существование.

Иногда на экране мелькает упругое тело одного из наших дельфинов. Все мои друзья с радостью приняли предложение патрулировать Большую Лагуну. Тут и Пуффи. Он сильно вырос, и теперь мы только по привычке зовем его маленьким; характер его мало изменился, он такой же шалун и хвастунишка.

На дельфинов все наши надежды. «Подводные гла-за» фиксируют незначительный участок дна, у дельфинов шире диапазон, от них ничто и никто не может укрыться на дне. Нам еще не приходилось встречаться с тигровой звездой. Мы только видели видеозаписи с ее изображением. Зловещее и в то же время прекрасное создание. Звезда, пойманная у Новой Гвинеи, достигала четырех метров в размахе своих тридцати трех «рук», на ее бугристом радужном теле симметрично расположены длинные ядовитые шипы. У нее ядовита каждая клеточка.

У тигровой звезды нет врагов. Все способное плавать или ползать при ее приближении спешит укрыться в коралловых ветвях. Даже акулы обходят ее на почтительном расстоянии. Она же пожирает все живое. При такой полной безнаказанности у тигровой звезды не выработалась защитная окраска, да и не могла выработаться за такой короткий срок ее жизни как нового вида: она появилась, по всей вероятности, всего каких-нибудь сто лет назад! И может быть, у этой выскочки поэтому такая наглая, яркая внешность — кармин, золото, перламутр пошли на ее наряд. Ночью она излучает нежный голубоватый свет. Ко всему следует добавить, что она взяла все самое дурное от своего предка. Алик Фультон из Сиднейского океанологического центра считает, что предок тигровой звезды — довольно распространенная в тропи-

ческих водах очень красивая рогатая морская звезда, названная древними полинезийцами «подушкой акулы» или «подушкой ведьмы». Мутант усилил свойства прародительницы. Страшные шипы и ворсинки, покрывающие «руки» тигровой звезды, очень ядовиты. С колоссальным трудом удалось найти противоядие, изготовить сыворотку. Все охотники за звездами теперь получают прививки.

Десять лет назад нашествием тигровых звезд были уничтожены коралловые полипы на территории в тысячу пятьсот квадратных километров. За медленно двигающейся лавиной звезд оставались мертвые скелеты застывших ветвей. Потребовались неимоверные усилия многих тысяч людей, чтобы уничтожить хищниц и восстановить жизнь на рифах.

С тех пор встречались лишь единичные экземпляры тигровых звезд. В борьбе с ними неоценимую услугу оказали дельфины. Приматы моря несли постоянную службу в опасных районах и немедленно сообщали о появлении тигровых звезд; сами они не могли справиться с ними, обычные средства не годились для борьбы. Рассеченная на части тигровая звезда, как и другие виды морских звезд, из каждой части восстанавливала все утраченные органы; можно было только способствовать ее размножению. Потребовались яды, специальное парализующее оружие, и нужно было обязательно извлекать ее со дна, иначе, разлагаясь, эта тварь отравляла все вокруг. Поэтому в районе поисков курсировали специальные рефрижераторы.

Борьба с гигантской тигровой звездой вошла во Всемирную программу сохранения экологической среды. Нашему поколению приходилось еще очищать реки, озера, гигантские водохранилища от ила, насыщенного ядовитыми отходами, извлекать со дна стволы спиленных деревьев, находить средства для использования гор мусора из неистребимой пластмассы и многое другое, оставленное нам в наследство во времена неразумного использования земных благ, в ту пору, когда люди еще сжигали каменный уголь, нефть, древесину, перенасытили атмосферу углекислым газом, что привело к резкому изменению климата и резко отразилось на биосфере.

Сейчас, в светлом коммунистическом мире, нам выпало на долю исправлять ошибки прошлого. Многое уже

сделано, и все же нет-нет, да появляются такие сюрпризы, как тигровая звезда или синезеленая водоросль.

Снова в большом количестве тигровые звезды появились вблизи рифов Лахоу. Есть предположение, что звезды вызревают в глубинах океана и, достигнув трехчетырех метров в диаметре, отправляются в свои пиратские набеги. Молоди не было замечено в лавинах тигровок при первом их налете.

Некоторое время мы все трое смотрели на бегущее на нас морское дно, думая каждый о своем.

Тосио сказал:

— Надо найти места, где звезды проходят начальные циклы своего развития, надо ставить сети в местах вероятного вторжения. Как мы мало подготовлены к отражению нашествия!

Пользуясь правом капитана, Тосио кивнул нам, что значило: гляди, ребята, в оба, а сам прошелся по левому наветренному борту, подошел к Гарри, похлопал его по пластиковой спине, затем уселся на палубе в тени грота и стал смотреть на приближающиеся паруса «Катрин». Созерцание парусов длилось минут пять.

Мы с Костей устали от мелькавшего перед глазами дна Лагуны, да и нас тоже не меньше, чем капитана, интересовала «Катрин». Костя, подмигнув мне, переключил наблюдение за дном на всевидящее око — прибор подаст сигнал, как только «увидит» звезду, ее образ введен в его программу,— и мы подсели к капитану.

Собственно, сел только я, а Костя вначале прошелся на руках вокруг Гарри и только потом, перекувырнувшись, лег рядом со мной.

— Ты правильно поступаешь,— сказал Тосио,— хождение на руках, а также стояние на голове, помимо доставляемого удовольствия от сознания своей силы, необходимо и в физиологическом плане — усиливается приток крови к головному мозгу, особенно к мозжечку. Древние путем логических умозаключений пришли к таким же выводам и ввели их в жизнь как одно из условий сохранения бодрости и долголетия.

— Я знаю,— ответил Костя,— читал и слышал от тебя восемь раз.

— Девять. Но не в такой интерпретации. Все же, Костя, прости, что я надоедаю тебе повторениями. Извинением может служить моя работа о поведении человека

в замкнутом пространстве, его реакция на привычные раздражения.

— Знаю. Ну, и как? Что дают тебе твои наблюдения над моей особой?

— Очень немного. Ты на редкость уравновешен. От избытка накопившейся энергии, от недовольства различными явлениями жизни ты избавляешься очень легко и просто; например, вот сейчас прошелся на руках и подумываешь: а не порезвиться ли мне в обществе дельфинов?

— Ты прав, сенсей! — Костя будто подняла невидимая сила и перебросила через борт.

Через минуту с четвертью он вынырнул далеко за кормой, возле него весело закувыркались несколько дельфинов; он обхватил двух, и они все вместе припустились догонять яхту. Костя помогал дельфинам, отрабатывая ногами так, что оставлял за собой густой пенный след.

Внезапно Костя с посупровевшим лицом появился у борта, поднялся по штурмтрапу и, не говоря ни слова, бросился в рубку. Выйдя оттуда, он сказал:

— Я отметил место на карте. Тоси, надо лечь в дрейф!

— Тигровки? — спросил Тосио.

— Пока только следы в сторону берега.

— Вот почему промолчало «всевидящее око».

— Да, оно реагирует только на звезду. Я сейчас включу в программу и реакцию на обглоданные кораллы.

Тосио отдал команду Гарри. Через минуту паруса были уbraneы, и «Корифена», теряя ход, закачалась на мелкой волне.

Костя объяснил:

— На дне я видел следы нескольких звезд. Они начисто обглодали небольшой риф и ушли. След довольно старый; думаю, что они побывали здесь с месяцем назад. До сих пор на рифе нет жизни. Сейчас Гера со своим семейством обследует окрестные коралловые заросли. — Костя провел рукой по коротко стриженной голове, и мельчайшие кристаллики соли сверкнули на солнце.

Тосио сказал:

— Придется задержаться в этом квадрате и хоро-

шенько его обследовать. Надо установить направление движения звезд, Гарри!

Наш рулевой был нем. Он ответил низким ворчливым гудком, что означало: «слушаю, кэп».

— Поднять грот и фок!

Тосио ушел в рубку, и мы слышали, как он разговаривает с нашим флагманом, сообщая о следах тигровок.

Теперь приходилось глядеть в оба. На всякий случай мы не выключали «всевидящее око», хотя оно расходовало много энергии. Тосио сказал, глядя на летевшую на нас «Катрин»:

— Ничего, сэкономим в последующем, а сейчас весьма острыя ситуация... Слишком много несет парусов, а шквал нас захватит. Гарри! Возьми два рифа!

Горизонт на северо-востоке затянуло искрящейся мглой, ветер стал стихать, паруса заполоскались.

На экране видеофона сразу появилась вся команда гоночной яхты «Катрин». Девчонки с нарочитой сурвостью «старых просоленных моряков» смотрели на нас. У всей команды, включая капитана, нос украшали разноцветные колпачки — предохранители от солнца.

Мы хором поздоровались.

В ответ улыбнулась вся команда «Катрин», а Наташа спросила:

— Дрейфуете, мальчики?

В тот миг ее грудной голос заставил затрепетать наши сердца. Все мы тогда были влюблены в нее, не говоря уж о нашем капитане, чувство которого, по выражению Кости, достигало двенадцатибалльной силы и продолжало усиливаться.

— Вы поджидаете нас, чтобы начать гонки? — спросила Наташа Стоун.— Если так, то поднимайте всю вашу парусину.— Она спросила своих девчат: — А не дать ли им фору? Хотя бы с километр.

— Конечно!.. Дать!.. Можно и побольше! — ответили вразнобой матросы «Катрин».

И я заметил, что Костя любуется ими. Стройные, длинноногие, орехового загара, они могли соперничать со своим капитаном.

Тосио ответил:

— О Натали-сан, фора нам не нужна! Мы счастливы были бы идти в кильватер с вами до Счастливых островов!

Наташа улыбнулась.

— Кто же мешает, сенсей?

— Звезды...

— Ах, звезды усеяли ваш путь и мешают движению «Корифены»? Все-таки, может, найдется у вас часок, пройдем только вон до того атолла, что машет нам кронами пальм?

— Не успеем, Натали-сан.

— Но что может случиться за это время?

— Налетит шквал. Посмотри на северо-восток. Барометр падает, Натали-сан.

— Пустяки, Тосик. Мы ждем этого легкого вихря.

— Уберите хоть верхние паруса, а у нижних возьмите два рифа.

— Спасибо, Тосик, но только такие меры не входят в наши планы. Ты разве не знаешь, что наша яхта как раз и ищет бури! Нам бы тайфунчик средней силы, не так ли, девочки?

В ответ команда «Катрин» хором запела протяжную полинезийскую песню. Слов я не знал, но, судя по серьезным лицам исполнительниц, в ней содержался по крайней мере вызов богам моря и неба. Тосио подтвердил мои догадки, сказав:

— Ваше желание скоро исполнится. Движется на нас не обычный шквал, а нечто посеръезней. Не теряйте времени, уберите все лишние паруса, оставьте только штормовые.

— И не подумаем! — ответила Наташа Стоун. — Прощайте, осторожные молодые люди! Берегите себя — и доживете до двухсот лет... — Она сказала еще что-то, снизив голос, лукаво посматривая на нас.

В ответ команда дружно разразилась хохотом.

Тосио невозможно было смутить, да еще в такие минуты, когда уже видно было, как ураганный ветер мнет воду и черный гребень штормового облака навис над нами, закрыв солнце.

Наш капитан сказал, улыбаясь:

— Если вы хотите испытать прочность такелажа, то не следует рисковать вам самим. Поручите «Катрин» автопилоту, а сами закройтесь в рубке, а еще лучше — спуститесь в кубрик и задрайте люк. Надеюсь, Натали-сан, тебя не оскорбит совет коллеги? Впрочем, ты мо-

жешь поступать, как подсказывает тебе опыт и всем известное благоразумие.

Мы с Костей отвернулись от экрана, чтобы не выдать своей улыбки.

— Благодарю, сенсей, за столь высокое мнение о нашем опыте и благоразумии. Если вопрос только в этом, то ты превзошел нас в этом качестве: лег в дрейф, когда шквал показался возле Соломоновых островов. Боюсь, что нам далеко до тебя. Желаем благополучно перенести ураган, если он захватит вас своим крылом.

Порывом ветра сорвало с Наташного носа предохранитель от загара, и на какое-то мгновение на экране сверкнул ее облупившийся носик.

Оставшись перед выключенным видеофоном, Тосио причмокнул губами, что у него выражало глубочайшее огорчение.

Все мы пережили несколько незабываемо жутких мгновений: «Катрин», шедшая с нами параллельным курсом, неожиданно вильнула и устремилась на «Корифену». Казалось, еще несколько секунд — и она врежется нам в борт! Яхта прошла в каких-нибудь четырех метрах по корме.

Наташа весело хохотала, держась за штурвал. Несмотря на выступивший холодный пот, мы залюбовались этой сумасшедшей девчонкой в красных шортах, в кофточке из тончайшего пестрого шелка, с рыжей гривой волос, треплющейся от бешеного ветра за плечами. Она хохотала, а ее команда «морских амазонок» вторила ей, махая нам руками.

Костя, не в силах сдержать восторг, бросился на бак и стоял там, потрясая руками над головой.

Тосио сказал:

— По всей видимости, в ее роду были камикадзе.

Затем он приказал Гарри включить двигатель и идти вслед за «Катрин», потом, подойдя к гидрофону, стал вызывать дельфинов, оставшихся с нами:

— Гера, Хох, Протей, Нинон!

Ему пришлось повторить вызов несколько раз, пока дельфины не показались у борта.

— Прошу не уходить далеко и очень внимательно следить за яхтой, идущей впереди нас. Люди могут упасть за борт. Окажите им помощь.

— Любому существу, попавшему в беду, кроме аку-

лы, следует оказывать помощь! — Судя по ответу, слова принадлежали Хоху, необыкновенно обидчивому и самолюбивому дельфину.

— Ты прав, Хох. Я не хотел тебя обидеть. Прими мои извинения. Не спускай глаз с «Катрин».

Ответ слился с ревом налетевшего вихря. Хотя «Корифена» встречала шквал с голыми мачтами, ее сильно положило на борт, и если бы мы не находились в рубке, то на палубе удержаться можно было бы только чудом. Бухту тяжелого троса, хорошо принайтованного к палубе, вихревой поток воздуха сорвал и выбросил за борт, размотав на всю длину. Сразу стало темно. Яхта судорожно заметалась на клокотавшей поверхности Лагуны. К свисту ветра и гулу волн примешивался густой, тяжелый рев прибоя у ближнего атолла.

Палубу затопила зеленая клокочущая волна. Вода бурлила возле мачт и надстроек, словно силясь снести все за борт.

За себя мы не боялись. На невозмутимого Гарри можно было положиться. Вся электроника работала безукоризненно, нас почти не сбивало с курса.

Все наше внимание приковал обзорный экран носового локатора. Вцепившись в поручни, то лежа на боку, то чуть ли не стоя на голове, мы ухитрялись следить за «Катрин». Девчонки так и не убрали паруса.

С минуту «Катрин» судорожно билась, лежа на боку, сквозь пену краснел ее тяжелый киль. Затем яхта поднялась и стала вращаться на месте. Паруса из «вечной, нервущейся ткани» летели клочьями. Мы вглядывались в палубу, залитую водой, стараясь увидеть хоть кого-либо из этой сумасшедшей команды. На вызов рубка «Катрин» не ответила.

Тоси крикнул в гидрофон:

— Гера, Гера! Скольких вы спасли?

— Никого не спасли. Никого нет в воде...

Мелькнула страшная мысль: а не унес ли их вихрь? Такие случаи бывали...

Выглянуло солнце, но серый шлейф дождя еще закрывал от нас «Катрин». И тут на экране видеофона появились все девушки, промокшие до нитки. Испуг еще держался в их глазах, они смущенно улыбались. Улыбались все, кроме их капитана.

Наташа спросила:

— Как дела, мальчики? Никто не простудился?

— Вы находились на палубе? — простонал Тосио.

— Где же мы еще могли находиться? — Тут Наташа улыбнулась, а девчонки захохотали. — Спасибо тебе, сенсей, за заботу. Убери своих дельфинов. Как видишь, все остались живы. Только паруса разлетелись в клочья. Но не беда, поставим новые, конечно, с вашей помощью.

— У них с рубки колпак сорвало! — восторженно крикнул Костя. — Ну и девчонки! Ну молодцы!

— Видишь, сенсей, как необходимо нам было испытывать «Катрин»... — сказала Наташа. — Мы еще ни разу не были в приличной переделке. Представь, что мы попали не в этот жалкий шквалик, а в настоящий тайфун! Что бы ты тогда сказал, Тосик?

— Не знаю. Видимо, сказать мне было бы некому. А сейчас я, как начальник патруля, должен буду сообщить обо всем на Центральный пост службы безопасности плавания в Коралловом море...

— ...и в его окрестностях, — добавила Наташа, к восторгу своего экипажа. — Доложи также, Тосик, что ткань, поставляемая фирмой «Нептун», годится разве для зонтиков, и то в тихую погоду. Я знаю, сенсей, ты выполняешь свой долг, и выполнил его на здоровье, напиши полный отчет с приложением иллюстраций, кое-что мы тебе дадим, в частности колпак от рубки, нам его рекомендовал поставить сам начальник порта Лусинды. Вон, смотри, как его колпак толкают носами твои дельфины — нетонущий пластик, зато и вылетел, как пробка из бутылки.

Тосио покрутил головой (ох уж это женское многословие!).

— Будем надеяться, Натали-сан, что гнев начальников пронесется над нами, как недавний вихрь. Мы поможем поставить на «Катрин» и колпак и новые паруса, только необходимо вернуться, — он посмотрел на карту, — на десять миль, в квадрат, где обнаружены тигровые звезды.

— Ах, звезды! Девочки, вперед, к звездам! — воскликнула Наташа Стоун, и команда ответила ей дружно и радостно.

Что говорить, пережили они немало за четверть часа и сейчас находились в приподнятом настроении.

К разговору подключился Дэв Тейлор.

— Я и вся моя команда восхищены! — сказал он, появляясь на нашем экране рядом с Геей, боцманом «Катрин».

— Чем? — спросила Наташа Стоун, хмуря брови.

— Как чем? Вашим поведением во время шквала нельзя не восхищаться...

— Слышите, девочки? Ему понравилось, как мы, дрожа от страха, обламывая ногти, цеплялись за все, за что можно уцепиться, призывая древние божества смилисти- виться над нами. Твои слова, Дэв, мы можем расценить только как неуместную шутку.

— Позволь... Натали, я искренне восхищен...

Наташа приказала боцману:

— Гея, выключи связь с «Мустангом» и не отвечай на его вызовы.

— Есть выключить связь с «Мустангом»!

— Но позволь! Ната... — Голос бедного Дэва оборвался на полуслове.

Гея вначале убрала только звук, и бедный Дэв еще несколько секунд беззвучно раскрывал рот, умоляя помять и выслушать его.

— Тоже мне джентльмен! — сказала Гея. — Он, видите ли, восхищен, наблюдая в сторонке, как нас вытряхивают с палубы за борт! То ли дело вы, ребята!

Последнее, судя по взгляду Геи, устремленному на Костя, относилось исключительно к нашему другу, все же и мы с Тосио расправили плечи.

Гера со своим семейством и еще подошедшим отрядом дельфинов все еще не возвращалась с разведки и не сообщала о результатах поисков. В ожидании мы с Костей перебрались на палубу «Катрин», чтобы помочь девушкам в такелажных работах, хотя, как мы, к своему удовольствию, выяснили, помочи не требовалось: на яхте оказалось все необходимое для смены парусов, включая робота-такелажника, который за какой-нибудь час поставил новый фок.

Мы сидели, свесив ноги с фок-рея.

— Вы заметили, — спросила Гея, — что у нас остались целехонькими верхние марселя и кливер?

— Бывает, — ответил Костя. — Ветер устраивает и не такие штуки. Со мной, например, он выкинул совсем фантастический трюк. Помнишь, Ив?

— Ну еще бы! — поддержал я, чтобы не уронить

Костино достоинство в глазах Геи.— Как же: случай на острове Трегросс?

— Нет, то был сущий пустяк. Там, Гея, меня солнного сбросило вместе с домом в Лагуну. Дело обычное. Я имею в виду случай на смотровой башне, когда нас с Ивом и Антоном поднял в воздух смерч и плавно опустил на близлежащий островок. Единственное, что сделал вихрь,— это начисто срезал у всех пуговицы, а мы вырядились в парадную форму по случаю Дня моря. Вот, Гея, какие вещи случаются в этой части Мирового океана!

Я закашлялся.

— Не кашляй, Ив. Нормальное чудо. С Костей чудеса случаются ежедневно. Вот, например, сегодня он появился над нами в самую критическую минуту и помахал ручкой.

— Припоминаю,— нашелся Костя и был награжден взглядом большущих Геиных глаз.

— У нас обошлось без чудес,— сказала Гея серьезно.— Уцелевшие паруса сшиты из особо прочной ткани. Их практически нельзя разорвать никаким вихревым потоком. Это знаменитая восьминулевка. Теперь мы поставим только эту ткань.

— Кто бы сказал, что Наташа Стоун может вершить такие дела!

— О, вы ее еще мало знаете! — сказала Гея.— Всем кажется, что она мятущаяся душа, человек, не нашедший своего места в нашей социальной системе. Какое несправедливое обвинение! За что бы ни взялась Наташа, она везде на месте. И заметьте, во всем она талантлива. Она — наш идеал.— Гея посмотрела на Костю, на меня, спросила: — Вы другого мнения? Да?

Костя взял Гею за руку:

— Ну конечно же, нет! Мы в восторге от всего экипажа вашей необыкновенной яхты.

— Оставь в покое мою руку, я могу уколоть тебя иглой, все-таки покачивает. Натяни потуже кромку.— Она заколола иглу в блузку и стала учить Костю, как прихватывать сезнями парус к ре.

Я перебрался к гrott-мачте, где на палубе девушки во главе со своим капитаном кроили паруса, помогая единственному роботу. Мне тут же поручили распутывать линь и стали расспрашивать о Плавающем острове, где мы с Костей проработали прошлые каникулы,— девушки

мечтали попасть в такую лабораторию. Минут десять я занимал их рассказом о Черном Джеке, знаменитой косатке-пирате. Затем Тосио вызвал Наташу Стоун к видеофону. Переговорный аппарат почему-то оказался подключенным к селекторной связи, и все, умолкнув, слушали их диалог:

— Извини, Наташа-сан, что я отвлекаю тебя от неотложной работы.

— Какие пустяки, Тосик! Ты же знаешь, как я рада слышать твой голос и получать мудрые и полезные советы.

— Советы полезны только в том случае, когда им следуют.

— Несомненно, сенсей. Но ведь мудрое слово как золото — ценно само по себе.

— Да, так говорил Конфуций.

— Вот видишь. Следовательно, придет время, и золотой слиток твоей мудрости будет использован. Ну, не сердись, сенсей, я же шучу. Сегодня такой удачный день!

— Весьма. Как там мои ребята?

— Отлично ведут себя.

— Не мешают?

— Ну что ты! Костя сидит с Геей на рее, болтает ногами и учится крепить парусину. Из него может получиться недурной моряк, Гея — отличный боцман.

— А Ив?

— Ив млеет в окружении остального экипажа «Катрин» и, как всегда, импровизирует на тему «морские ужасы». Что ты, собственно, хотел от меня?

— Помимо желания услышать твой голос — просить больше не рисковать так, как сегодня.

— Обещаю, милый Тосио-сенсей, тем более что ничто в мире не повторяется, как тебе известно.

— Вот и прекрасно. Теперь у меня нет сомнений, что девушка с такой ясностью взгляда должна пойти по правильному пути.

— Да, в конце концов такое может случиться, к тому же, если я увижу этот путь.

— Ты уже на тропе к нему.

— Благодарю, сенсей.

— И еще одна просьба: не называй меня учителем. Какой я учитель? Просто еще ученик, тоже ищащий свой путь.

— Не могу обещать: привыкла, и ты действительно учитель. Это у тебя в крови. Правда, что твои предки были буддийскими жрецами?

— Да. Один из них, по материнской линии, был даже странствующим монахом. Ходил с корзиной на голове и играл на флейте, выпрашивая подаяние.

— Как интересно! У тебя тоже есть склонность к мистическим построениям?

— О нет. Просто я стараюсь вникнуть в психологию древних, понять их мысли и чувства, а это возможно только тогда, когда проникнешься их духом. Иногда мне удается настроиться, и я начинаю понимать, что они были не так уж несчастны. Природа и человек, управляемые бесчисленными божествами, добрыми и злыми, гораздо лучше, понятнее, чем до сих пор непостижимые силы вроде гравитации или элементарных частиц, не говоря уж об излучениях далеких галактик, открытых Вашатой. Каждый час, день, год у древних находился под влиянием божественных сил. Например, у нас в Японии огромное значение придавалось выбору места для жилища...

— Позволь! И сейчас не строят где попало.

— Да, наши архитекторы учитывают множество факторов, прежде чем возвести строение. Например — ландшафт, воздушные течения, близость воды и прочее, и все же в эти необходимые условия не входит основным компонентом счастье людей, которые станут жить в этом доме. Учи, не условия, обеспечивающие возможное счастье, а само счастье вне зависимости от удобств и прочего. Тогда существовали иные понятия о связи архитектуры и счастья. Например, в 1983 году счастливая судьба ожидала того, кто построит свое жилище так, чтобы все его окна и двери обязательно выходили на юг.

— Ну, а если на север?

— Тогда рой несчастий обрушится на маловеров или людей, которые не удосужились проконсультироваться с прорицателем и возвели строение вопреки указаниям высших сил.

— Сенсей!

— Я слушаю тебя, Наташа-сан.

— Ты язычник. И с тобой приятно вести беседу. Действительно, сколько уверенности дает даже мнимое знание! Построил дом окнами на юг — и кажется тебе, что счастье навек поселилось в твоем доме. К сожале-

нию, твоим предкам только казалось, что они знают, как стать счастливыми.

— Долгое время счастье, то есть полнота жизни, для многих оставалось мечтой, недосягаемой мечтой. И все-таки они боролись за счастье, и часто не за свое, а за счастье будущих поколений. За наше счастье.

— Действительно, сенсей. А мы забываем об этом. Нам кажется, что всегда было так. Иногда мне хочется перенестись в прошлое. Очутившись среди людей, которых мы видим в старых хрониках, бороться на баррикадах или идти по льду к Южному полюсу. Ведь чем больше трудностей, тем жизнь прекрасней? — Не дождавшись ответа, она воскликнула: — Смотри, какие альбатросы реют над рифом!

— Прекрасные птицы...

Они помолчали, любуясь полетом альбатросов, морем, цветом воды, и все мы невольно прониклись красотой окружающего мира. Затем Наташа попросила:

— Тосио-сенсей, мне очень нравится, когда ты говоришь о старине, о верованиях и чувствах наших предков, особенно когда ты становишься прорицателем. Скажи, что ждет нас, какие радости, а может, беды? Помнишь, на лекции по философии ты писал нам астрологические гороскопы. Тогда, кажется, был год Уси — быка, предвещавший многие трудности, отвратимые только нашим трудом. Ты составил мне прекрасный гороскоп.

— Сейчас это так просто. Наша жизнь сбалансирована. Нам не угрожают болезни, голод, все подходы к наукам открыты, нам вручена судьба Земли, осталась только вечная проблема личного счастья...

Кто-то из девушек шепнул, что надо немедленно выключить селектор, но тут Наташа опять направила разговор в безопасное для Тосио русло:

— Не мог бы ты, о Тосио-сенсей, оставить столь острую проблему и сказать, чего можно ждать от этого года?

— Мы вступили в год под знаком «Тора», — торжественно провозгласил Тосио.

— Тигра?

— Да, Наташа-сан, Тигра! Нас ждет много испытаний. Одно из них ты уже перенесла.

— Ах, ты о шквале? Ну, какое это испытание! Ерунда.

— Не говори так! Не гневи богов. Относись к ним с благодарностью.

— За что?

— Хотя бы за то, что они в качестве возмездия за неосмотрительность ограничились только парусами, а не посадили яхту на риф и никого не сбросили за борт.

— Продолжай, сенсей. Я и мои подруги вынесли многое из этого урока.

— Приятно слышать. Прорицатели рекомендуют в год Тора держаться старого пути и проявлять терпимость.

— Но, сенсей, как можно рекомендовать «старые пути»!

— Во-первых, рекомендую не я, а во-вторых, «старые» — значит испытанные, проверенные опытом поколений. Разве мы не следуем этому примеру почти во всем?

— Только «почти». Относительно терпимости — хорошая рекомендация для некоторых моралистов.

— Ты заблуждаешься, о Натали-сан! Терпимость не к недостаткам близких, а также к своим, терпимость в преодолении целей.

— Такая редакция меня устраивает. Продолжай!

— Считается, что год Тигра подобен кривой осциллографа, он состоит из взлетов и падений, как и бег самого полосатого. Год, полный «титанических усилий» и «свирипых свершений».

— О, бедное человечество!

— Тревожиться особенно нечего, Натали-сан: неприятностей можно избежать благодаря упорству, силе духа, вере в торжество справедливости.

— Общие слова. Мне больше нравятся «свирипые свершения». Подразумевается что-то страшное, да?

— Безусловно. Времена, когда составлялись подобные пророчества, не отличались гуманизмом. Шли беспрестанные войны, возникали эпидемии, поджидал голод, стихийные бедствия — так назывались неконтролируемые явления природы. Но обрати внимание, Натали-сан, как предельно сжато давался прогноз вероятных событий.

— И какие отличные рекомендации! Все же «свирипые свершения» у меня не выходят из головы. Да у нас нет никаких шансов совершить что-либо подобное. Вот у тебя другое дело — ты уже напал на след тигровых звезд. Действительно, вам предстоит «свирипые свершения»!

- По всей вероятности.
- Ты недоволен?
- Уничтожение даже враждебной жизни не доставляет радости.
- Бедный Тосик! Действительно, неприятная миссия. Но такова воля богов!
- Да, с богами трудно спорить...
- Спасибо тебе, Тосик.
- За что, Натали-сан?
- Как за что! Где бы я и мои подруги узнали о годе Тора? Слышишь, они аплодируют тебе, ведь наша деловая беседа транслируется по селектору. Ты не согласишься ответить на некоторые вопросы экипажа «Катрин»?

В голосе Тосио послышались скорбные нотки:

- Конечно. Я рад... Очень рад поделиться крупицами знаний, рассыпанных в древних книгах. Хотя... Извините, вернулся с разведки Протей — сын Протея. Слышите?

— Какие ужасные звуки! Что с ним?

- Ничего особенного, просто Протей чрезвычайно рассеян. Сейчас он опять забыл, что пытается передать информацию в ультразвуковом диапазоне, на который не рассчитан гидрофон. Я догадываюсь, что Протей — сын Протея принес какое-то неприятное известие, и потому прошу моих помощников немедленно прибыть на «Корифену».

У гонца были все основания волноваться: в двадцати километрах лавина тигровых звезд уничтожала коралловые полипы и все живое на дне. Хищники двигались с востока, где они вышли из глубин моря и ползли по рифу, оставляя за собой пустыню. Приплыла Гера с остальным отрядом дельфинов. Она установила ширину движущейся массы тигровых звезд, которая достигала километра.

Тосио сообщил о нашествии Чаури Сингху. На экране появились инспектор и директор рифа — так коротко мы называли начальника Главного института Большого Барьерного рифа Джагдаша Чандра Боса, потомка того самого Чандра Боса, который в XIX веке открыл координирующую систему ответных реакций растений.

С полного, тщательно выбритого лица директора не сходила мягкая, доброжелательная улыбка. Казалось,

он выслушивал не доклад о бедствии, а забавный случай, но мы знали, что все это дается ему нелегко: он отвечал перед миллиардами людей за сохранность одной из житниц Земли. Выслушав Тосио, он сказал:

— К утру на исходные позиции выйдут все боевые суда, аэролеты, рефрижераторы. Ни одна хищница не должна остаться на рифе. Поблагодарите наших друзей дельфинов и будьте крайне осторожны, помните, что тигровые звезды могут напасть и на человека. Проверьте оружие. Желаю успехов!

Солнце собиралось коснуться вершины зеленого хребта на австралийском берегу, бакланы летели на свои гнездовья. Близилась ночь.

Костя сказал, копируя директора рифа:

— Желаю успехов, мои дорогие друзья.— И затем горестным тоном: — По всей видимости, ночка предстоит веселая, а мы-то с Ивом собрались на танцы. Сегодня большой бал на Жемчужном берегу.

Действительно, мы рассчитывали, что инспектор разрешит нам провести ночь в небольшой бухточке, где сейчас уже замелькали огни; к ночи там набивалось множество туристских судов. Туда направилась и «Катрин», ее новенькие паруса, пропитанные лучами закатного солнца, розовели на темном фоне скалистого берега.

Тосио сказал с таким видом, будто его внезапно озарила блестящая мысль:

— Костя, Ив! Вот что, ребята, мы целую неделю не были на берегу и при такой ситуации вряд ли скоро там будем. Берите катер и догоняйте «Катрин». Даю вам шесть часов. Ну, быстро!

— А ты? — спросил Костя.

— Нет настроения, и кому-то надо торчать у экрана. Мы с Гарри прекрасно проведем время, тем более что мне хочется, не отвлекаясь, посмотреть, как полетит в космос последняя ракета с радиоактивной золой.

Я сказал, что порядком устал и тоже не прочь посмотреть запуск ракеты.

Костя покрутил головой:

— Похоже, что вы сговорились сплавить меня на сегодняшний вечер.

— Ну, хотя бы,— сказал я.— Имеем мы право от тебя отдохнуть?

— Вполне. Только прошу прекратить плохо подготов-

ленный скетч на тему «два пай-мальчика». Конечно, мне хотелось потанцевать сегодня с Геей и Наташой, да только при условии, что инспектор разрешит провести всем нам ночь на берегу.

— Всем нельзя: звезды могут появиться и здесь. Мы часовые, Костя. Твоя вахта будет с четырех до шести.

Костя стиснул руку Тосио:

— Говоришь, с четырех? Благодарю, только я раздумал. Девочки извинят. Смотрите, какой фейерверк на западе!

Действительно, закат даже для тропиков поражал щедростью красок и необыкновенной фантазией в их размещении по небосклону. Краски медленно меняли тона, становились изысканней, тоньше. В картине стала чувствоватьться усталость, обреченность, вдруг откуда-то из-под плавленого золота брызнул изумрудный луч.

Поверхность воды в Лагуне мерцала, как северное сияние. Неожиданно в поле зрения вполз длинный рефрижератор, а за ним — транспорт, и сразу чарующая картина стала похожа на туристскую рекламу.

Краски погасли. Настала ночь. Звезды плавно закачались над головой. Пассат почти стих.

Сидя на палубе, мы просмотрели мировую хронику событий за истекшие двенадцать часов: раскопки на Марсе, один из лунных поселков, конгресс любителей тишины, проходивший в абсолютном молчании (доклады и сообщения передавались с помощью немого кино), демонстрация летательного аппарата с машущими крыльями, новые виды злаков, еще один проект дома-города для мелководных заливов, запуск гигантской ракеты с радиоактивными отходами атомных станций. Ракету направили на Солнце.

Едва Костя выключил телевизор, как на экране видеофона появилась Наташа Стоун:

— Добрый вечер! Или у вас он не особенно добрый? Скучаете? Почему не зайдете в бухту? Девочки пошли танцевать. Ах, этот Чандра! Заставил вспахивать Лагуну? Кстати, он и нас подключил к вам, теперь мы тоже разведчики. С рассветом выходим на поиск тигровых звезд. Чандра сказал, что у вас слишком большой отряд дельфинов. Что, если мы попросим Людей Моря помочь нам? Как думаете, они согласятся?

Костя сказал:

— Это я беру на себя. Согласяся. Им понравилось, как вы держались во время шквала.

— Мы польщены. Похвала Людей Моря что-нибудь да значит. И еще просьба, ребята: вы должны нам установить свою запасную подводную телекамеру.

— Замечательно! — воскликнул Костя, вскакивая.— Я давно предлагал вести поиск большими группами.

— Чандра — мудрый руководитель,— как-то неопределенно сказал Тосио.

Наташа поняла его.

— Ты хочешь сказать, что дело слишком опасно для нас, девчонок?

— Не так категорически и не в такой форме. Я бы привлек вас и поручил работу не менее сложную, но не такую специфическую, рассчитанную на очень подготовленных аквалангистов...

— Эх, Тосик! — Наташа сверкнула глазами.— Вы только посмотрите на него! Пусть он скажет, кто был моим тренером на уроках плавания.

— Я, Натали-сан.

— Без всяких «сан», Тосик! Я запрещаю тебе с этой минуты произносить это чопорное «сан».

— Боюсь, что мне будет трудно перейти так сразу, но я попробую, Натали-сан...

Все засмеялись, включая Тосио.

— Ну хорошо,— сказала Наташа,— теперь ответь мне, чем мы не подходим для ловцов звезд.

— Видишь ли, Натали... требуется очень большая...

Наташа продолжила:

— ...осторожность, которой я не отличаюсь? Не так ли?

— Иногда, Натали...

— Все это в прошлом. Кому-то надо было испытать паруса, и не в аэродинамической трубе, а в настоящем вихре. С этим покончено. Теперь я буду следовать всем твоим советам, распоряжениям, приказам... — Она умолкла, прислушиваясь. Спросила:— Вы слышите музыку? Играют что-то новое. Какой зажигательный мотив!

Костя вскочил и, не спуская глаз с изображения Наташи, пустился в пляс, гулко отбивая тakt голыми пятками.

К нашему общему огорчению, рядом с Наташой по-

явился Дэв Тейлор и, снисходительно кивнув нам, стал объяснять причину своего появления на палубе «Катрин»:

— У меня сдал локатор переднего обзора, и вообще надоело болтаться в Лагуне, вот мы и зашли в тихую гавань и совершенно случайно очутились рядом с «Катрин». Ребят как ветром сдуло на берег...

— А тебя — на палубу «Катрин», — заметил Костя.

— Представьте, да. Долг вежливости одного капитана — отдать визит другому капитану. Да, ребята, перед самым закатом мы догнали «Фермопилы» и, представьте, обошли рекордсмена на четверть мили.

Не дожидался наших комментариев по поводу этой выдающейся гонки, Дэв стал делиться, преимущественно с Наташей, своими планами на конец месяца:

— Мы обогнем мыс Горн. Вот где можно по-настоящему испытать паруса «Нептуна»...

Нам стало тошно смотреть на Дэва и слушать его болтовню. Тоско совсем сник, наблюдая, как Дэв уивается вокруг капитана «Катрин». Чтобы прекратить мучения нашего сенсея, Костя хотел выключить видеотелефон. Наташа едва заметно повела головой и сказала:

— Мыс Горн мы огибали уже три раза, мне больше нравится Большая Лагуна, ее синева, безобидные шквалы и вот такие вечера, вернее, начала ночи. Смотрите, как низко опустились звезды и как портит картину неба спутник, эта маленькая луна: все созвездия возле него меркнут в его нахальном свете. А вот там, — она подняла руку, — слабо мерцает одна из галактических туманностей. Кто-то из астрономов предлагал туда направить ракету с радиоактивным мусором. Но поднялась буря протестов. Я тоже всегда была против варварского загрязнения космоса. Недалеко то время, когда наши люди полетят за пределы Солнечной системы, а затем к другим галактикам. И могут попасть в область, зараженную этим ядовитым мусором: вдруг ракета столкнется с астероидом, а еще хуже, если ракета пройдет пылевое облачко и попадет в притяжение планеты с гуманоидной или иной жизнью и уничтожит там все.

Дэв сказал:

— Опасения твои вполне обоснованны, пришла пора заботиться и о Большом космосе! Ты, Костя, не согласен с нами?

— С «нами» — нет, а с Наташой могу согласиться, хотя я не особенно часто думаю, что будет через сотни тысяч или миллионы лет, а раньше ракета не доберется до жилой планеты. К тому времени может исчезнуть наша цивилизация или возникнет новая, совершенно иная. Гуманоиды не могут существовать вечно, и сейчас уже наблюдаются тенденции к сдвигам в генетическом коде, они могут стать необратимыми.

Дэв, обескураженный холодным приемом на борту «Катрин», сказал с плохо скрываемой неприязнью:

— Ты, Костя, известный скептик (откуда он это взял?), у тебя мрачный взгляд на будущее человечества. По крайней мере, мы будем существовать в течение ближайших десяти миллионов лет и даже больше.

— По существу, вечно, — сказала Наташа, — частички нашего «я» могут сохраняться в жидким гелии сколько угодно. Фантастично! Опыты показали, что воспроизводятся точные копии.

Костя сказал:

— Так что не будем падать духом. Все мы можем встретиться в таком же составе на планетах Лебедя или Весов, а не то, когда Солнце погаснет, в глубинах Земли, в подземных залах и коридорах, а может быть, в какой-нибудь лужице, которую тогда станут называть, по старой памяти, морем или лагуной.

Такое мрачное пророчество почему-то вернуло всем хорошее настроение. Костя предложил Наташе:

— Давай потанцуем!

— С удовольствием, да мы так далеко друг от друга!

— Ерунда, при нашей-то технике! Будем танцевать поодиночке и в то же время вместе. Вот я обнимаю тебя за талию, ты кладешь мне руку на плечо и...

— Позвольте, но я ближе... — взмолился Дэв.

— Ты будешь оркестром. Исполни нам «Раздумья у костра», — приказала Наташа.

Дэв исчез с экрана видеофона. Скоро раздалась ритмичная дробь по дну кастрюли и дикие завывания: это Дэв исполнял «Раздумья у костра». Вообще Тейлор не такой уж плохой парень; временами все портит его самодовольство, уверенность, что ему все можно, что ни одна девушка не устоит перед ним, да еще его бахвальство рыбака и яхтсмена, которое, впрочем, мы ему прощали как вполне дозволенные человеческие слабости.

Сейчас, глядя, как он, зажав между коленей кастрюлю, барабанит по ней ладонями, мы многое ему простили. Мы — то есть я и Костя, о сенсее — особый разговор. Тосио сам признавался, что еще не окончательно подавил в себе инстинкты предков. Танец прервали одновременно сигнал подводного локатора и голос из гидрофона, оповещавшие о появлении тигровых звезд.

Гигантские иглокожие устилали дно. Они двигались к берегу сплошной лавиной, ширину которой мы еще не могли определить. Чаури Сингх сложил ладони и прижал руки к груди, услышав сообщение Тосио, и попросил показать ему дно под «Корифеной». Наташа и Дэв также подключились к нашему подводному экрану. Мы слышали их тихие, взволнованные голоса. Действительно, картина дна, покрытого хищницами, заставляла снижать голос до шепота. Было что-то наводящее ужас, неотвратимое в хрустящем движении этих нагло красивых изви вающихся «рук». Найдя пищу, хищница замирала, обтекая всем телом коралловый куст, впадину, где нашли приют моллюски, возвышение с распустившимися пышные венчики-щупальца анемонами или морскими лилиями, запускала «руки» в трещины; парализованные ее ядом рыбы медленно опускались на дно или неподвижно застывали, словно ожидая, пока одна из рук с двумя ярко-оранжевыми глазами на тупом окончании не заметит ее и не схватит ленивым движением.

Хотя все дельфины получили прививки, их нежная кожа и особенно глаза не были полностью защищены от яда тигровых звезд, и все же отряд Геры продолжал свою опасную работу. Держась близ границы главного потока хищников, дельфины подавали все новые сведения о мелких отрядах и одиночных экземплярах, движущихся в одном направлении — к австралийскому берегу.

Новое сообщение потрясло нас: капитан разведывательного корабля «Лотос» передавал, что коралловые полипы на рифах к западу от островов Трегросс полностью уничтожены и что у них погибло четыре дельфина, попавших в подводное течение, отравленное ядом иглокожих.

Тосио взял управление яхтой на себя: надо было очень часто менять курс, а Гарри был хорош только при прямолинейном движении. Костя налаживал кинокаме-

ру, с которой у нас была вечная возня, я не спускал глаз с подводного экрана, чтобы не прозевать, когда покажется авангард иглокожих: там должны находиться самые крупные экземпляры, есть предположение, что они достигают пяти метров в диаметре! Мне хотелось увидеть такое чудовище не на кинопленке (Костя как раз включил кинокамеру), а своими глазами.

Тосио увеличил скорость, на меня летело ярко освещенное дно, густо усеянное звездами.

Раздался предупредительный сигнал, предшествующий чрезвычайно важному сообщению.

Директор рифа старался говорить как можно спокойней:

— Прошу внимания! Двадцать минут назад близ юго-восточного берега острова Эшельби тигровые звезды атаковали шхуну «Даная». Команда шхуны очистила палубу от иглокожих с помощью электрогарпунов и пистолетов, стреляющих анестезирующими ампулами. Три человека серьезно пострадали, они направлены в береговой санаторий, где им оказывают помощь. Прошу усилить вахты. На стоянках все время просматривать дно и следить за якорными канатами и бортами, включить все локаторы. Рекомендую повысить бдительность и судам, находящимся в движении в водах Лагуны Большого Барьерного рифа. Как одно из средств борьбы с тигровыми звездами Институт морской биологии рекомендует применять воду, нагретую до семидесяти градусов и выше...

Чандра Бос просил немедленно сообщать ему обо всех случаях появления опасных иглокожих, рекомендовал вести себя особенно осмотрительно в эту ночь, пока не приняты все меры безопасности, пожелал спокойной ночи и, устало улыбнувшись, растаял на экране.

— Вот, пожалуйста,— сказал Костя,— они стали нападать и на людей! А мы не знали! Неужели наши учёные не могли определить диапазон их агрессивности? Мы-то думали, что они питаются одними полипами и рыбой, и вот сюрприз — серьезно пострадали трое! Интересно, кто! Там у меня есть знакомые ребята...

Я тоже знал кое-кого на «Данае», и мы стали перечислять знакомые имена, а сами глядели на экран видеофона. После появления Чандра он снова автоматически подключился к волне «Катрин», только выключился

звук. Наташа стояла к нам спиной, Дэв сидел на палубе и что-то рассказывал ей, она смеялась. Сцена была немой: видеотелефон, так же как и съемочная камера, был слабым местом «Корифены»: не проходило недели, чтобы эти аппараты или не «слепли» или не «глохли». Сейчас полностью исчез звук.

На вопросительный взгляд Тосио, брошенный на Костю — он у нас отвечал за исправность электроники, — тот сказал:

— Контакты. Большая вибрация корпуса. Пора наш видик заменить на космический вариант, вот как у девочек.

— Но и они нас не слышат!

— Естественно, у нас выходит из строя и прием и передача. Но ты не волнуйся, я сейчас...

Дэв и Наташа стали танцевать. На это стоило посмотреть, и Костя не тронулся с места.

Тосио, казалось, погрузился в глубокие размышления о бренности мира и смотрел куда-то в синюю темноту над фосфоресцирующей Лагуной.

Здорово они танцевали в тот вечер! Дэв нисколько не уступал Косте. Они танцевали на палубе возле рубки при свете, падавшем с берега и от других судов.

Внезапно Тосио вскрикнул и, показывая рукой на экран, сказал:

— Немедленно исправь звук! Смотри!

И мы увидели, как из тени у грат-мачты в световое пятно выползает множество извивающихся «рук» тигровой звезды.

Костя бросился вниз, мы с Тосио стали кричать, тщетно предупреждая об опасности.

Они не слышали, отбивая такт по палубе, кружились, держась за руки. Наташа смеялась, откинув голову назад.

А звезда приближалась к их ногам, на кончиках дрожащих «рук» горели, как угли, красные глаза. Наташа чуть было не наступила на эти глаза, рука звезды метнулась за ее ногой и затрепетала, промахнувшись.

А Костя медлил в своей каюте... Если бы сейчас они услышали наши голоса! Мы с Тосио не переставая кричали, и казалось, они слышат, но им нравится играть со смертью. Вот Дэв ловко прошелся между трех «рук» тигровой звезды, не спуская глаз с сияющего лица Наташи.

Они остановились у самой стенки рубки и тут увидели в каком-нибудь метре от себя первую звезду и еще одну, ломающую поручни фальшборта.

Что они могли сделать в несколько секунд, которые еще оставались у них?

И они смогли!

Дэв мгновенно схватил Наташу и забросил ее на крышу рубки.

Это заняло четыре секунды и три секунды — чтобы подняться туда же самому Дэву.

Тигровые звезды пытались влезть по гладкой стене, но обрывались и падали на палубу.

Мы теперь слышали тяжелые удары о палубу. Затем исчезло изображение, а звук стал совсем чистым, слышалась тихая музыка и порывистое дыхание Наташи и Дэва.

Наташа сказала:

— Ну и ну! Как прав был Тосик, предсказывая, что нам предстоят «свирипые свершения»! Как ты меня ловко забросил! — И она засияла звонким смехом.

Тосио расплылся в улыбке:

— Какое непостижимое существо!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В аэропорту Вери ждал доктор Мокимото. Прежде чем протянуть ей руку, он внимательно оглядел ее от кончиков сандалий до золотистой, взбитой по моде прически.

— Учитель! Как я рада...

Профессор расплылся в улыбке:

— Все прекрасно, Вера.— Он привлек ее к себе и, заглянув в глаза, спросил: — Ты все-таки выходила в открытый космос?

— И да и нет, учитель...

— Все-таки чего больше — «да» или «нет»?

— Больше «нет». Была только иллюзия выхода в пустоту.

Мокимото от души рассмеялся, глядя на ее смущенное лицо:

— Какие-нибудь фокусы с эффектом присутствия?

— Да, учитель. Нас ловко одурачили. Хотя ощущение было полным.

— Вот и отлично, Вера. Но ты еще не утратила желания плавать в пустоте?

— С меня достаточно и иллюзии.

— В наш век иллюзии подчас реальней действительности, Вера.

— И часто дороже.

— Иллюзии всегда ценились высоко. Ты устала? И недовольна собой?

— Да, учитель. Полет к Земле был утомителен. Прежде чем войти в плотные слои атмосферы, корабль два раза облетел шарик.

— Шарик? Как непочтительно ты именуешь нашу планету!

— Совсем нет. Я уважаю нашу неповторимую Землю. Но она действительно уменьшается до шарика, когда ракета облетает ее за полтора часа.

— Опять иллюзия. Земля огромна и прекрасна.

— Ну конечно, учитель! У меня такое убеждение, что Земля неповторима, что она чудо из чудес и равной ей нет ни в нашей Галактике, ни во всех других звездных архипелагах.

Доктор Мокимото закивал головой, взял ее под руку, повел вниз по знаменитой мраморной лестнице, ведущей из аэровокзала на площадь, пеструю от множества машин всевозможных марок, окраски, размеров — от крошечных малолитражек до гигантских туристских автобусов. Людской поток стекал по сверкающей лестнице и, разбившись на сотни ручейков, тек в сторону машин. Аэробусы, вращая гигантскими винтами, грузно поднимались над пальмами, окаймляющими площадь, и упывали в слепящее небо. Жужжали авиетки, бесшумно двигались электромобили.

Вера с наслаждением откинулась в кресле авиетки.

— Я совсем отвыкла от земного притяжения, хотя ракета и сделала лишний виток, чтобы мы освоились с земным тяготением. Мне и в голову не приходило, что я такая тяжелая. Прямо ноги подгибаются.— Она жадно вдохнула чудесный аромат, наполнявший кабину.— Что это? Учитель? Неужели?

— Твоя орхидея. Вот она! — Он торжественно повел рукой к противоположной стенке, где в хрустальном ва-

зоне с влажным мхом находился цветок орхидеи необыкновенной формы и окраски. — Я не взял цветок, чтобы не повредить в толпе и не привлекать публику его необыкновенным ароматом. Запах твоего цветка присущ только такому созданию, как ты, Вера.

— Как я благодарна вам, учитель! Он действительно прелестен и пахнет еще лучше, чем я предполагала.

— И главное, он не ядовит. Как это тебе удалось?

— Сама не знаю.

Доктор Мокимото умолк: надо было очень осторожно взлететь и занять воздушный коридор, ведущий в сторону института. Компьютер-диспетчер назвал высоту и указал курс, как только Мокимото набрал шифр на пульте управления.

Авиетка с эмблемой института — цветком лотоса на фюзеляже — с легким жужжанием помчалась в сторону океана. Теперь можно было всецело положиться на автоматику, и доктор Мокимото повернулся к спутнице лицом:

— Я должен поздравить тебя, Вера...

— Да, да, благодарю, орхидея прелесть.

— О Вера, орхидея стоит особняком, ты и здесь добилась великолепного решения, я же имею в виду твой полет на «Сириус».

— Учитель! Не напоминайте мне об этом печальном странствии. Я ничего толком не установила, ничего не добилась, только внесла сумятицу в этот запутанный вопрос.

Лицо Мокимото стало серьезным, даже приобрело суровое, осуждающее выражение:

— Все это я отношу за счет усталости, Вера, а также за счет изменения силы гравитации. То, что ты называешь «сумятицей», есть, пожалуй, то главное, что в данном случае было необходимо для подхода к решению задачи. В твоей «сумятице» определилось несколько направлений, по которым надо идти, чтобы справиться с синезеленой водорослью. Между прочим, она появилась и в бассейнах нашей лаборатории, а сегодня утром я нашел ее в графине с водой, который всю ночь простоял в холодильнике. Ты не находишь, что она позволяет себе слишком многое? Не так ли?

И учитель и ученица рассмеялись не столько от шутки,

сколько от радости, что они снова вместе, что летят в милые их сердцу места, что скоро возьмутся за прерванную работу, что все опять идет по-старому.

— Ну, а вы чем занимались, учитель? — спросила Вера.— Неужели тоже этой противной водорослью?

Доктор Мокимото кивнул:

— Да, Вера. Я-то действительно почти ничего не сделал, пока ты там вносила «сумятицу».

— Ну, а это «почти»?

— Я, как и многие, искал причины, вызвавшие бурный рост водорослей. Я занялся историческими сведениями о синезеленой.

— И я! — радостно воскликнула Вера.— Мне прислали невероятное количество сведений. Пришлось оставить часть вещей, и в чемодан еле вместились все фильмы, хроники, статистика, фотографии. Посмотрите, сколько там всего!

— Иначе и не могло быть, ведь ты моя ученица и всегда смотришь в корень вещей!

— Я получила сведения об отрицательном экологическом фоне за все прошлое столетие. Особенно много вреда причинено биосфере во второй половине двадцатого века, когда только еще входили в жизнь электрические двигатели, а почти вся энергетика потребляла уголь, торф, нефть; тогда неразумно использовали минеральные удобрения, ядохимикаты... Да что я вам все это перечисляю, учитель, ведь я только повторяю ваши же слова...

— Мне приятно их слышать, Вера. Очень приятно. Да, все это так. Я также учитывал последствия нарушений в биосфере. Они, эти последствия, известны всем. Найдены причины, послужившие толчком к вспышке «синезеленого пламени», как недавно выразился один поэт, кстати твой соотечественник. Действительно, сказалось засорение океана в прошлом веке, хотя до недавнего времени нам казалось, что океан очистился от вредных примесей. Особые виды planktona, созданные в многочисленных научных учреждениях, нейтрализовали ртуть, кадмий, стронций...

— И неожиданно появились вновь.

— Всплыли из глубин океана, просочились из шахт, вырвались из свинцовых контейнеров, куда их прятали.

- Все это есть в моих записях.
- И ты, вероятно, считаешь, что вредные вещества и есть главная причина катастрофы?
- Конечно, учитель! Неужели вы другого мнения?
- Видишь ли, Вера, все посторонние примеси послужили только искрой для большого пожара. Материал же подготовили мы сами. Здесь мы шли по стопам наших предков: старались как можно больше получить от природы, нарушая ее элементарные законы...

Вера слушала с загоревшимися глазами, хотя доктор Мокимото опровергал все теории, в том числе и ее выводы, вынесенные в часы раздумий на «Сириусе». Неожиданно доктор Мокимото замолчал, разглядывая тянущийся внизу ослепительно белый пляж, усеянный крохотными фигурками купальщиков, разноцветными кружками зонтов, затем его внимание привлекла встречная машина; в ее прозрачной кабине сидело несколько девушки-студенток и седой краснощекий мужчина. Мужчина оживленно жестикулировал, сидя в кресле пилота. Ни он, ни студентки не заметили, как доктор Мокимото и Вера помахали им рукой. Это профессор зоологии Уайвилл летел куда-то с группой своих учениц.

Доктор Мокимото улыбнулся и, прищурясь, несколько секунд разглядывал далеко в море длинное грузовое судно. Казалось, оно стоит в ярко-синей воде, распустив длинные белые усы.

— Между прочим, Томпсон Уайвилл,— сказал наконец доктор Мокимото,— не без оснований считает, что одна из причин агрессии синезеленой водоросли состоит в том, что этот живой организм, как и многие в природе, переживает цикл наибольшего подъема.

— Я помню, вы говорили об этом в одной из своих лекций, так при чем же здесь этот Уайвилл? — Вера сказала это, не скрывая своей неприязни к профессору.

— Между прочим, Вера, теория цикличности принадлежит не мне, а заслуга Уайвилла состоит в данном случае в том, что он одним из первых вспомнил о ее существовании применительно к водоросли.

— Он необыкновенно хитрый и ловкий... — Вера хотела сказать, что Уайвилл претендовал на соавторство в создании ходячих растений, но осеклась под осуждающим взглядом доктора Мокимото. — Почему вы вдруг замолчали? — спросила она.

— Потому что слушаю тебя, Вера. Мне осталось сказать немного. Главная причина, как я считаю, непомерного размножения водоросли заключается в том, что мы изменили рельеф шельфа, подняли дно океанов и морей близ берегов — конечно, в этом была явная выгода: мелководье лучше прогревается солнцем и дает большие урожаи — и в то же время опять нарушили режим Мирового океана, установившийся в течение сотен миллионов лет. Мы забыли печальный опыт создания пресноводных бассейнов, которые заполнили в свое время синезеленые водоросли, отравив воду и с нею все живое в ней. То же самое получается и с шельфом. До определенного времени разными средствами нам удавалось сдерживать наступление синезеленої водоросли, теперь же, когда сложились все возможные условия для ее процветания, она воспользовалась этим и стала на «тропу войны», как говорили древние аборигены Северной Америки.

Вера кивнула:

— Все в ее пользу — и стимуляторы, и тепло, и свет, и еще подошел период ее наибольшего благоприятствования на нашей планете. Вот она и стала наступать. Все это так, учитель. Но что вообще творится с океаном? И у него настал цикл бурной жизни? Эти жуткие звезды! Гигантские кальмары, которые прежде существовали только в легендах. Вы не думаете, что начинается смена господствующего вида? К нам на смену из глубин океана идут чудовища. Ведь было же господство ящеров? Почему не может наступить господство головоногих моллюсков?

— Не может, Вера.

— Но почему же не может?

— Потому что мы слишком сильны и при всех прогнозах достаточно умны, чтобы отстоять свое право на планету... Но почему у тебя такое печальное лицо? Ты опять недовольна собой? Что произошло?

— Я полная бездарность! — выпалила Вера. — Ну зачем я летала на этот противный «Сириус»? Сидела бы лучше дома.

Доктор Мокимото протянул ей руку, и она прижала ее к своей пылающей щеке.

— Ты устала, Вера. Вот сейчас прилетим домой, ты поплаваешь в бассейне, увидишь свою орхидею, своих завриков, и все пройдет. Пойми, что без тебя я бы не

пришел к таким выводам. После разговора с тобой я еще подумал: что, если и здесь, на Земле, мы помогли синезеленой водоросли создать новый вид вируса, который в тысячи раз увеличил ее жизнеспособность? — Помолчав, он сказал: — Я видел его, этот вирус. Совершенно новый вид. Надо теперь искать для него противников. Они должны быть, они есть! Природа не может допустить, чтобы один вид безмерно расширял свое жизненное пространство. Я уверен, что к такому же выводу пришли уже многие и тоже нашли вирус.

— Вы опубликовали свое открытие?

— Ну что ты, Вера! Надо еще проверить.

— Так! Вы будете проверять бесконечное число раз, а в это время ваши идеи появятся в прессе, по каналам телевидения!

— Вера! Разве важно, кто первый?

— А разве нет?

— Нет, Вера. Важно, чтобы люди узнали истину. Неважно, из чьих рук или уст. Тем более, что вопрос идет не о годах, а о часах, от силы — днях... Вот мы и дома.— Он нажал клавишу посадки.

Машина, дрогнув, стала сбавлять скорость и через минуту повисла над зеленым массивом леса и садов с зеркалами прудов и бассейнов для купания, словно выбирая место, куда бы сесть, затем стала по спирали спускаться на желтую посадочную площадку посреди зеленого луга. Цвет площадке придавала трава особого вида — также одно из созданий института.

Прыгнув в бассейн и вновь почувствовав необыкновенную легкость во всем теле, почти невесомость, Вера вспомнила напутственные слова синего компьютера:

«На Земле первые три дня постарайтесь чаще плавать, таким образом вы быстро адаптируетесь и скоро начнете забывать чарующее ощущение невесомости».

Было время запятий, и в бассейне не было никого из работников института. К Вере подплыл старый дельфин, который вот уже два года не выходил в океан, его одолевали какие-то дельфины болезни. В бассейне он следил за чистотой — сменял воду; он был также главным фонарщиком: зажигал и гасил свет на водной станции и на территории института, хотя для этой цели существовало электронное устройство. Доктор Мокимото распорядился

отключить автоматику и освещение поручить дяде Жаку — так звали дельфина.

Дядя Жак поприветствовал Веру и спросил, почему она так долго не появлялась. Говорил он без помощи гидрофона очень плохо, зато понимал все отлично, и Вере пришлось рассказать ему о своем путешествии.

— Ну, а как твои дела? — спросила Вера.

Дядя Жак подплыл к переговорному устройству, и голос переводчика из стеклянной кабины гулко разнесся над водой:

— Трудно желать лучшего, хотя по-прежнему болит позвоночник и по ночам ноет левый плавник, тот самый, что чуть было не откусила напрочь сельдевая акула. Вообще сельдевые акулы довольно безвредные твари, да эта, видно, уж очень была голодна.

— И тебе не скучно здесь одному?

— Разве я один? По правде говоря, мне иногда надоедают шумные компании — мешают следить за мировыми событиями...

Вера вспомнила, что дядя Жаку установили телевизор с двумя экранами: подводным и надводным.

Дядя Жак продолжал:

— Опять появились гигантские кальмары Большого Барьерного рифа. Я не знаю, что и будет, если дело и дальше пойдет таким образом.

— Что ты имеешь в виду?

— Как что? Обстановку на Великом рифе. Ты разве не знаешь, что там местные Люди Моря боготворят кальмаров. Пора покончить с такими суевериями и уничтожить всех кальмаров!

— Ну, зачем же всех. Каждый имеет право на жизнь.

— Только не кальмары. Небольшие из них — прекрасная еда, а большие — чудовища, хищники, их самих следует уничтожать всеми способами, какие у вас есть.

— Так ты атеист, дядя Жак? — удивилась Вера. — Я еще не встречала дельфина-атеиста.

— Я верю только в силу разума, как и философ Хикару. Скоро Хикару вернется. Он отправился в большое путешествие с группой дельфинов из Америки. Они пересекли Атлантику, чтобы увидеть и поговорить с Хикару, слава о нем разнеслась по всему океану. Он в благодар-

ность своим почитателям решил сопровождать их. Еще мне хочется сказать тебе о том шуме, что вызвала во всем мире ничтожная водоросль.

Вера уже хотела проститься с дядей Жаком, но задержалась, заинтересованная его последней фразой.

Она сказала:

— Синезеленая водоросль стала бедствием.

— «Все беды проходят», говорит Хикару. Не следует обращать внимание на комочки слизи, надо идти своим путем...

Как дядя Жак ни упрашивал, чтобы Вера его выслушала, она извинилась и вышла из бассейна, сказав, что и у нее также «свой путь» и она должна идти этим путем, особенно не задерживаясь.

— Тогда иди, Вера! Хикару призывает уважать путь каждого из Людей Моря и Земли, но только не путь кальмаров, акул и косаток — вот кто наши враги, и с ними следует всегда бороться...

«Надо отрегулировать звук у гидрофона», — подумала Вера, подгоняемая голосом автомата... Не ей одной ежедневно приходило это в голову, но, выйдя из купальни, все забывали об этом, забыла и Вера, как толькоступила в шумящую тишину сада. Она пошла быстро, почти побежала — так ей не терпелось поскорее очутиться среди своих растений, книг, приборов, где всегда сторожат ее оставленные там замыслы. Она всегда думает о своих начатых и предполагаемых работах, но вдали от привычной обстановки многое ее отвлекает, как бы неожиданно возникают другие интересы, иногда ей даже начинает казаться, что никакой она не ученый-биолог, исследователь сокровенного в природе, а удачливая дилетантка, ей просто всегда везет, не больше.

Она жила одна в небольшом коттедже с высокой оранжевой крышей. Тут находились ее несколько комнат и большой кабинет с электронным микроскопом, необходимым лабораторным оборудованием в высоких стеклянных шкафах и книгами. Книги занимали одну из стен и смежную комнату. Вера гордилась своей библиотекой, доставшейся ей от деда, тоже биолога. Книги в большинстве своем были старинные, текст оттиснут на целлюлозной бумаге, в громоздких переплетах, их надо было читать, а не слушать, как современные издания. В кабинете висели портрет деда, написанный маслом, и пейзаж

Среднерусской низменности — с березками на первом плане и сиреневой лесистой далью. Под картинами стоял широкий, тоже дедовский диван с прорванной кожаной обивкой. Сколько раз ее просил уважительный заведующий хозяйством Айко Такахаси заменить старую кожу на современное покрытие,— если она того пожелает, то фактура останется такой же, будет «под кожу» и лучше самой лучшей кожи. Однажды Вера, поблагодарив Айко Такахаси, рассказала, что в детстве в этом диване жили мыши и она любила слушать, как они там возятся, что-то грызут и разговаривают, попискивая.

Завхоз расплылся в лучезарной улыбке:

— Вера-сан! Вы говорите, в нем жили мыши? И вы их не боялись?

— Нисколечко!

— О Вера-сан, вы редкая девушка! Не знаю, почему все женщины смертельно боятся этих крохотных и очень милых созданий. В детстве, признаюсь вам, я разводил белых мышей. Какие понятливые создания! Они возили тележку и ходили на задних ножках.

С тех пор завхоз оставил разговор о старой обшивке. У него теплел взгляд, когда он заходил к Вере. Остановившись посреди кабинета, он задумчиво созерцал дыру на спинке дивана, а затем, укоризненно поджав губы, переводил взгляд на большой экран телекомбайна. Айко Такахаси считал, что такие великолепные старинные вещи, как диван и картины, никак не могли находиться вместе с чудовищной современной машиной, пожирающей у людей время...

Недалеко от дома Веру встретили ее друзья: серая мангуста и рыжая чау-чау. Мангусту, оберегающую от змей, звали Лизеттой, а чау-чау — Бобиком. Мангуста села на дорожке и вытянула свою крысиную мордочку, Бобик залаял, завертелся на месте, затем лег на спину и закрыл глаза, ожидая, когда ему почешут брюшко.

Вера хотела первым делом взглянуть на орхидею, но из дома раздался голос «дворецкого», уже извещенного из Центрального управления о прибытии хозяйки. Он говорил, что ее вызывают из Москвы.

— Скажи — сейчас! Пусть подождут! — Вера кинулась в дом.

«Кто бы это? — думала она. — Мама? Брат? Костя? Ив?»

Перебрав множество знакомых, она решила, что это Костя. Он всегда появлялся на экране неожиданно, и сразу в комнате слышался шум волн... Только одно имя она старалась не упоминать, хотя всем существом тянулась к нему, последние дни только и думала о нем.

Вбежав в кабинет, она радостно вскрикнула: на экране стоял и протягивал к ней руки Антон!

— Нет, я не могу еще поверить,— сказала она.— Ты же должен был куда-то улететь? То ли к Марсу, то ли к Венере. Можешь не говорить, куда: знаю, что пока это секрет.

— Совсем нет. Сегодня будет большая передача о нашем полете. Мы летали в сторону пояса астероидов, на крутили около восьмисот тысяч километров. Небольшая прогулка перед тем, что предстоит.

— Как корабль? Не страшно было?

— Корабль отличный. А чего же бояться?

— Вдруг неисправность и вы навсегда остались бы там?

— Все предусмотрено. У «Земли» есть вспомогательные, резервные двигатели и достаточный запас горючего, чтобы слетать на Марс и вернуться на Луну. Луна — идеальный космодром.

— Но там, видимо, нет еще почтового отделения? — спросила Вера.

— Прости. Нас всех подвел компьютер Космоцентра. Уж что казалось надежнее. Я продиктовал тебе десятка полтора телеграмм и распорядился посыпать каждый день, и вот сегодня оказалось, что все наши эпистолярные сочинения не отправлены. Что-то случилось с этой обязательной машиной. Сейчас электроники копаются в ней. Между прочим, это второй случай в Космоцентре. Все мои послания к тебе вот здесь,— он протянул Вере небольшую желтую кассету.— Сегодня же она будет у тебя.

— Пожалуйста, Антон! Письма — моя слабость. У меня тоже было кое-что для тебя, да я не знала, куда адресовать, и стерла запись.

— Напрасно.

— Теперь и я так думаю.

— Ты обязательно восстанови текст.

— Не знаю, Антон, смогу ли. Лучше я тебе при встрече перескажу содержание.

— Как жаль, что я не могу прилететь к тебе сейчас, сию минуту!

— Прилетай завтра!

— И завтра тоже не смогу. Надо подготовить целую серию отчетов, выступить на Большом совете и еще уйма дел. Но ты не огорчайся, через три дня я со всем разделяюсь. У меня будет двухнедельный отпуск.

— Мы помчимся к нашим друзьям на Большой Барьерный риф! Будем охотиться в Лагуне, пить кокосовый сок, есть лангустов!

— Я уже думал о такой программе. Мне нравится вести жизнь дикаря. С Тосио, Ивом и Костей я часто встречался на телевизоре. Они снова приглашали меня на свои острова.

Они стали во всех деталях обсуждать предстоящую поездку.

Антон исчез с экрана, но Вера еще несколько секунд видела его, удерживая в памяти. Потом упала на диван, так что застонали старые пружины, и, смеясь про себя, еще раз пережила встречу. К действительности ее вернулся голос дворецкого:

— Вера, ты опять пропускаешь время завтрака?

— Спасибо, милый! — Последнее явно предназначалось не для дворецкого.

Она вдруг почувствовала сильный голод, вспомнив, что вчера не ужинала, а сегодня в ракете только выпила стакан тоника, пахнувшего сосновой хвойей.

После завтрака Вера начала свой обычный трудовой день с обхода оранжерей, делянок, проверки опытных посадок. Она удивлялась порядку во всем. Учитель позабочился о ее растениях, регулярно вел записи в журналах, но накопилась масса информации, записанной автоматическими приборами, надо было все это просмотреть, систематизировать. Она была благодарна Антону, что он с присущим ему тактом переложил на себя отсрочку с отпуском, зная, что после полета на спутник Vere трудно будет так внезапно оставить работу. Ей требовалось по крайней мере несколько дней напряженной работы, чтобы быть спокойной во время отпуска за свою научную программу. Она вместе с доктором Мокимото продолжала очень сложные опыты с растениями, наделенными зачатками нервных тканей. Заврики — крохотные ходячие

кустики — стали первыми результатами их совместных трудов. Теперь Вера и доктор Мокимото шли дальше, стараясь извлечь практическую пользу из своего открытия.

Вера подошла к деревцу семейства эвкалиптовых с узкими серповидными листьями. Растение было помещено в кадку и стояло в тени на платформе автокара. Вера встала на автобус и, слегка повернув рукоятку управления, покатилась к яркому пятну света. По мере того как менялось освещение, листья становились ребром к солнечным лучам. На ярком свету они стали сворачиваться, и скоро все деревце покрылось компактными зелеными пакетиками.

Неслышно подошел доктор Мокимото в белой шляпе, широкой куртке и шортах тоже белого цвета. Он долго, внимательно наблюдал за своей ученицей, и все это время довольная улыбка не сходила с его лица. Вера снова увезла дерево в тень, и оно мгновенно стало разворачивать листья.

— О, учитель! — обрадовалась Вера. — Вы заметили, как «недотрога» мгновенно реагирует на изменение освещения?

— Еще бы!

— Но почему? Вначале он был таким вялым, я бы сказала — ленивым, и вдруг словно его подменили.

— Я думаю, что на него благотворно подействовали тренировки.

— Вы шутите, учитель?

— На пятьдесят процентов, не больше. Другие объяснения не приходят мне в голову. Надо препарировать листья: возможно, развилась нервная сеть. Ты это сделаешь, Вера?

— Ну конечно, и сегодня же.

— Сегодня отдохни. Теперь времени у тебя будет достаточно. Больше я тебя никуда не пущу. Я до сих пор не могу понять, как я решился отправить тебя в космос! Наверное, сбили меня с пути злые силы, Вера.

— Ну что вы, учитель! Я так довольна, что наконец-то решилась на это путешествие! Ведь есть люди, которые проводят там месяцы и годы. Вы знаете, что готовится экспедиция на Марс?

— Ты это говоришь серьезно?

— Вполне. Один из моих друзей — в команде кораб-

ля, он астронавигатор и бортинженер. Федоров. Антон Федоров.

Доктор Мокимото печально закивал головой:

— Помню, помню, Вера. Это тот молодой человек, с которым мы с тобой познакомились в Московском метрополитене?

— Да, учитель...

— Достойный молодой человек.— Доктор Мокимото подумал, что такие молодые люди — цвет человечества, что они так нужны здесь, на Земле, вздохнул и сказал, чтобы не огорчать Веру: — Антон мне очень понравился. Ты виделась с ним сегодня?

— Да, учитель. Скоро он получит отпуск.

— И тебе не мешало бы отдохнуть, Вера. Вот что: с завтрашнего дня считай себя в отпуске до тех пор, пока не войдешь в полную форму после своего космического полета. За лабораторию не беспокойся: к нам выехала группа студентов-практикантов, они присмотрят за всеми твоими питомцами. Ну, теперь идем посмотрим, как чувствуют себя наши заврики. Я вот уже неделю как не могу выбрать время, чтобы полюбоваться ими.

Они пошли через бамбуковую рощу к вольеру, где размещались эти странные существа — не растения и не животные.

Доктор Мокимото говорил со всегдашней улыбкой:

— Сколько пищи мы дали с тобой, Вера, фантастам! Вчера в «Ботаническом вестнике» сначала показали сад Калифорнийского института ботаники, где культивируют наших завриков. Там вывели новый вид — «Плодоносящий древозавр»; он цветет белыми и синими цветами, его плоды пока очень мелки, но, как уверяют специалисты, очень богаты витаминами и солями железа. Затем стали показывать стереофильм о завоевании завриками нашей планеты.

— Это не о том, как ученый и его жена создали на необитаемом острове чудовище и оно в конце концов пожрало их обоих? Кажется, Голливуд выпустил этот мультфильм.

— Нет, Вера. Я помню, ты мне рассказывала об этом фильме, и я даже смотрел его, мучимый любопытством, как они покажут нашу работу. В том фильме я выглядел довольно привлекательно, а тебя играла какая-то звезда, но у нее не было и тысячной доли твоего обаяния.

— Благодарю. Ну, а что в новом фильме?

— Там фигурирует ученый-маньяк и его робкая дочь, не имеющая никакого отношения к науке. Отцом овладела идея завоевать мир, создав мыслящее дерево.

— И конечно, он его создал?

— Безусловно! Мыслящее дерево с гигантской головой, невероятно плодовитое. Древозавр становится властелином мира, а затем всей Вселенной. В фильме есть одна перспективная идея — создать мощную атмосферу на Марсе с помощью синезеленой водоросли, а во всем остальном картина дрянь.

— Все-таки я ее посмотрю: мне всегда интересно видеть, как видоизменяется самая простая мысль, какие формы она принимает в головах досужих людей.

— Досужих! Как это правильно! Ну что ж, посмотри, посмотри. Может, и ты что-либо извлечешь из этой картины, как киношники извлекли из наших завриков и нас самих. В нашем сознании подчас возникают удивительные парадоксальные связи, в результате которых человек приходит к открытиям и изобретениям, создает шедевры в музыке, живописи... Постой, постой, а где же наши питомцы?

Они остановились перед невысокой загородкой из проволочной сетки, ища глазами ходячие кустики. Вера шагнула через заборчик и стала искать завриков в траве. Скоро она нашла только два кустика на солнечной стороне, остальные исчезли.

Доктор Мокимото, довольный, улыбался, потирая руки:

— Вот проказники, убежали! Неужели они смогли сами преодолеть такое препятствие? Как мы мало их знаем, Вера! Если они способны на такое, то киношники в чем-то правы. Мы с тобой вторглись в святая святых природы — на миллионы лет ускорили естественный ход развития. У меня у самого начинают возникать чудовищные фантазии. Немедленно на розыски! Куда они могли уползти?

— Только к свету. На Большую поляну.

Десять завриков они действительно нашли на поляне, но пятнадцать где-то затаились или уползли в густую траву.

Через поляну, широко улыбаясь, шел завхоз Айко Тахаси.

— Я знаю, кого вы ищете, доктор, и ты, Вера. Только советую вам не тратить столько усилий. К закату солнца все они собираются вон на ту песчаную полянку. Не смотрите на меня так, доктор. Вот увидите, все собираются. Они такие забавные и очень любят солнце, а утром их загон всегда находится в холодной тени. Вот я и выпускаю их погулять. А вечером они собираются все на полянке.— Завхоз смущенно засмеялся: — Мне кажется, что эти живые кустики узнают меня. Вот только сейчас один из них ковылял за мною...— Айко Такахаси осекся под гневным взглядом доктора Мокимото и стоял, пожимая плечами и виновато улыбаясь.

Доктор Мокимото сказал:

— Айко Такахаси! Вы мой заместитель по части хозяйства института...

— Да, конечно, доктор...

— Не перебивайте меня, Айко Такахаси!

— Не буду.

— «Не буду», а сам перебил, и нить моих мыслей запуталась. Да вы, как никто, знаете все инструкции и нарушили главную из них...

— Да, доктор. И сердце мое в печали, когда я вижу, как вы разгневаны и как огорчена Вера. Я забыл, что нельзя поддаваться велению сердца, если инструкция не позволяет этого. Прошу великодушно извинить.

Доктор Мокимото замахал руками:

— Хорошо, хорошо, Айко Такахаси. Чем говорить такие жалкие слова, давайте собирать бёглецов.

Они собрали десять завриков. Пяти ходячих кустиков недоставало.

— Вот увидите, к вечеру все собираются на эту полянку. Тут сильно нагревается песок, а они любят тепло больше всего. Тепло и влагу.— Помолчав, он спросил: — Что же это будет, если все растения начнут расхаживать по земле? И не кустики, а, скажем, пальмы, папайи и особенно криптомерии? Тогда нарушится порядок в мире, исчезнет красота лесов, парков, толпы глупых деревьев станут бродить с места на место. Пожалуйста, не делайте этого, доктор Мокимото!

— Не случится такого, Айко Такахаси.

— Верю вам, доктор Мокимото. Прошу извинить меня.

Вера отошла в сторону. До нее доносились только от-

рывки японских фраз, и она видела, как две фигуры в белом кланяются в пояс друг другу.

Перед закатом Вера снова вернулась на поляну, чтобы собрать оставшихся завриков и перенести на огороженную площадку. Хотя песчаный пятак так и манил к себе, завриков там не было. Она поняла, что Айко Такахаси все это придумал, чтобы избежать гнева доктора Мокимото.

Вера сжала кулаки.

— Ну, попадись ты мне, противный человек! — сказала она.— Ехидный царедворец!

Прошуршала оттянутая ветка криптомерии. Вера оглянулась и увидела сконфуженную физиономию старика завхоза. Он глубоко вздохнул и сокрущенно привкусил языкком.

— Что же они не собираются, Айко Такахаси? — спросила Вера, хмуря брови.

— Сейчас я вам все объясню. Видите ли, Вера-сан, по всей вероятности, вы напугали их, и они сейчас сидят вот в этой траве,— он развел руками,— и слушают, как вы распекаете бедного пожилого человека.

— Я распекаю вас?

— Пока не вслух, но сколько горьких для меня слов сейчас гремит в вашей головке! Не правда ли? Ехидный царедворец — самое невинное выражение из тех, что вы припасли для меня.

— Прости меня, Айко Такахаси.— Вера протянула руку.— Ты прав. Плохие слова «гребли в моей голове», но пойми и ты...

— Я все понимаю, Вера. Я просто старый сентиментальный человек. Мне стало жаль деревца, и я выпустил их погулять. Ты не тревожься, Вера.— Он крепко пожал ей руку.— Они найдутся. Их надо искать на дорогах и полянах. Завтра с утра я этим займусь. Никуда они не денутся. А ты смотри веселей. Заврики — пустяк по сравнению с тем, что творится сейчас на свете, Вера. Осклизлая водоросль отравляет морские поля. Сегодня рано утром весь берег был усеян мертвой рыбой. А что передают по телевидению! Ужас берет, когда посмотришь на гигантских кальмаров или на еще более ужасных морских звезд. Правда ли, Вера, что все это дело наших рук и неразумных голов? Какую-то пружину мы испортили

в природе, вот она и выдает нам чудовища. Не правда ли?

— Я согласна с тобой, Айко Такахаси. Такого мнения придерживается и учитель...

Пока они разговаривали, на поляне отполыхала короткая тропическая заря и настала чернильная ночь. Светляки заметались в невидимых ветвях. Светился мох, светились гнилые пни, создавая фантастическую феерию из голубого холодного света.

— Айко Такахаси! — испуганно позвала Вера, хотя знала, что бояться абсолютно нечего.— Где ты, Айко Такахаси?

— Здесь я,— глухим голосом ответил завхоз.

Взяв Веру за холодную руку, он увлек ее за собой, направляясь к большой аллее.

— Ты не бойся. Ты ничего не бойся,— говорил он дрожащим шепотом.— Ты со мной, Вера. А раз я здесь, то бояться тебе совершенно нечего.

Ступив на освещенную аллею, Айко Такахаси облегченно рассмеялся:

— Ну вот, Вера, мы с тобой и в безопасности. Ты вела себя отлично для девушки. Да это и понятно...

— Я же была с тобой, Айко Такахаси!

— Ну конечно, со мной. Но ты и без меня бы не особенно испугалась. Должен тебе сказать, что ты удивила меня.

— Чем же я могла удивить тебя?

— Рассказом о мышах в диване. Сколько я знаю существ твоего пола, они все безумно боятся мышей. Ты же спала на диване с мышиной начинкой. По правде говоря, на что я храбрый человек, и то бы не чувствовал себя на нем в полной безопасности.— Он пристально посмотрел на нее и спросил, погрозив пальцем: — Скажи мне, какая доля правды в твоем рассказе?

— Сто процентов!

— Изумительно! Первый раз слышу историю, в которой так много правды. Человек всегда хоть немного, да приукрасит события. Доктор Мокимото называет это фантазией. Так ты не фантазируешь?

— Вообще-то люблю помечтать, но о диване все сущая правда. Я действительно не боюсь животных. У меня живет мангуста и несколько змей, правда, не ядовитых. С мышами в диване все кончилось довольно забав-

но. Однажды на него села моя тетя, и из дырки стали одна за одной высакивать серые мыши. Тете сделалось дурно. Диван отдали в ремонт. На дыру наложили заплату. Теперь обшивка порвалась уже в другом месте. Сейчас там никто не живет, и все же иногда мне слышатся там писк, шорох.

Айко Такахаси понимающе закивал головой:

— Там осталась душа.

— Чья? Мышей?

— Может, и мышней, а то и самого дивана.

— Душа дивана! Да ты поэт, Айко Такахаси.

— Давно, в юности, я пробовал сочинять стихи. В те годы я жил в глухой лесной деревушке, всего у нас стояло на склоне горы три дома. С тех пор мы не расстаемся с Кокиси, теперь доктором и большим человеком. Вот ведь как сложилась наша жизнь: он стал такой ученым, а я по-прежнему лесной житель, окончил только школу и еще двухлетние курсы управления хозяйством комплексных предприятий, все по наставлению Кокиси Мокимото. Сколько бы я ни учился, Вера, все мои знания — словно принесенные ветром лепестки сакуры: скоро вянут, и опять я остаюсь сыном лесов, гор и воды. Все это потому, что мои предки сжились с природой такочно, что любовь к ней крепко живет и во мне и мешает остальному. Природа, Вера, ревнива, как любящая женщина, она не отпускает от себя.

Дальше они пошли молча по скрипучему коралловому песку аллеи, искристому, как снег в морозную ночь. Вера стала думать об Антоне, о том, что она скажет ему и что он ей ответит. Айко Такахаси не мог переключиться на современную действительность, он весь был там, в горах, где еще недавно стояли три дома и где он писал стихи под шелест листвьев и говор ручьев.

БИТВА НАД ГОРОДОМ

Тосио-сенсей мастерски вел авиетку, стрелка высотомера, чуть вздрагивая, стояла на восьмистах метрах. Тосио, важный, с застывшей улыбкой, сидел, откинувшись в кресле пилота, и казалось, что наш летательный прибор, проникнувшись к нам самыми нежными чувствами,

бережно несет нашу троицу над Большой Лагуной. С высоты водная гладь кажется ровной и серебристой, потому что небо подернуто слоистыми облаками, на рифах вспыхивает пена прибоя. Множество судов различных типов, преимущественно яхты и катера, лежат в дрейфе над площадью шельфа, по которому прошли тигровые звезды; там ведутся восстановительные работы: экипажи кораблей засаживают растениями и животными коралловое дно, обглоданное морскими звездами.

— Хлопотливая работа,— говорит Костя, с наслаждением потягиваясь в кресле и зевая.

В его голосе звучат покровительственные нотки: внизу главным образом неопытная молодежь, которой не разрешалось охотиться на тигровых звезд, а мы — ветераны, ударное звено против злых сил природы. И у нас впереди целая неделя заслуженного отдыха.

Метеослужба оповестила о приближающемся шторме. Крыло тайфуна захватит северо-восток Австралии и Большую Лагуну.

Костя сказал:

— Какие мы все-таки эгоисты. Летим себе, как птицы, под защиту скал, и тайфун нам ни почем. Суда снимаются. Смотрите, вся мелочь уже идет наперегонки к Лусинде! Ну, а мы,— продолжал он мечтательно,— прилетим мы сейчас в Лусинду, отдадим визит вежливости капитану «Катрин». Пожалуйста, без улыбок — Наталья Стоун для меня только друг, как, видимо, и для вас, дорогие мои, хоть я не ручаюсь за всех.— Костя глянул на застывшую фигуру Тосио и продолжал: — Для меня сейчас главное — покой и пополнение иссякших запасов информации. Буду лежать весь день на пляже в окружении роботов-массажистов, буду пить коктейли, есть натуральные бифштексы — никакой рыбы и моллюсков!

— И только? — спросил я.

— Ну нет, конечно. Я же сказал, что главное — пополнение информации. Я послал заказ на двух роботов-интеллектуалов, начиненных бездной премудрости... Между нами, я чертовски запустил занятия. У меня такое чувство, что вот здесь,— он хлопнул себя по лбу,— все выдуло пассатом.

— Но это очень хорошо. Прямо отлично! — сказал Тосио.— У нас столько накапливается паразитической

информации, и мы не знаем, как от нее избавиться, а ты первый использовал для этой цели ветер! Настоящая находка для психологов. Надеемся, Костя, что ты познакомишь человечество со своим открытием.

— Надейся, Тосио-сенсей,— разрешил Костя и перевел разговор на более безопасную для себя тему: — До сих пор у меня звучит в ушах голос Чури Сингха, оповещающего всю Лагуну о наших славных делах. В его докладе есть строчки прямо из древнейшего хронографа, вот например: «В числе отличившихся экипажей патрульной службы Большой Лагуны следует особо отметить «Золотую корифену», обнаружившую главную колонну тигровых звезд и самоотверженно вступившую с ними в борьбу!»

Мы промолчали. Костя тоже умолк. Впереди на фоне зеленых гор показалась Лусинда — дом-город. Гигантское сооружение напоминало пирамиду, висящую над водой. Последние годы появилось много противников современного градостроительства, но меня всегда приводит в восхищение и трепет вид гигантских башен, цилиндро-пирамид, в которых живут десятки и сотни тысяч людей. Никогда еще человечество не имело таких совершенных сооружений, отвечающих индивидуальным, все возрастающим, и общественным требованиям.

Костя, причисливший себя к противникам домов-городов, не преминул заметить:

— Не понимаю я этого стремления втиснуть две тысячи человек в такую пирамидку! Что касается меня, я предпочитаю дощатую будку или палатку. На меня давит эта громада... Хотя надо отдать справедливость — в ней что-то есть. Это не токийские города-цилиндры, установленные по берегам Внутреннего моря. Ведь верно, Тосик?

В этом пункте они сходились с Тосио.

Тосио перевел на русский язык свое четверостишие:

Когда я раздвигаю седзи,
То весь мир глядит на меня.
Ручей поет о вечности,
Унося лепестки магнолий.

— Есть идея! — похвалил Костя.— Да, здесь не дотянемся до магнолий, а «ручеек» находится далековато, если набраться нахальства ручейком считать Лагуну.

— Они растут на террасах,— сказал я.

— Все это не то. Верно, Тосик?..

Мы уже подлетали к Лусинде. Южная грань пирамиды заслонила горы. Теперь уже можно было различить детали города: бульвары на каждом этаже, парки в виде гигантских этажерок, соединяющихся, плавными спиральами с двухсотого этажа к морю, причудливый рисунок движущихся тротуаров, серпантин дорог; как солнечные блики на воде, вспыхивали и гасли бесчисленные окна, темнели арки, ведущие в недра города, радowała глаз окраска этажей, гармонирующая с цветом неба, моря и гор.

Робот-диспетчер взял управление на себя, и наш аппарат опустился до пятидесяти метров, завис над посадочной площадкой в длинной очереди машин, ожидающих посадки. Наконец робот посадил нас с краю площадки, засаженной сероватой и пружинящей травой. Подкатил небольшой автокар. Мы сели, и желтая машина, шурша, понеслась к подножию гигантской лестницы. Остановилась, и откуда-то из ее хрупких внутренностей раздался приятный женский голос:

— Добро пожаловать в наш город. Надеемся, что Лусинда вам понравится. Всего хорошего, дорогие друзья!

И хотя эту стереотипную фразу произнес автомат, все мы невольно поблагодарили и направились к знаменитой лестнице, ведущей к площади перед главными воротами города Лусинды. Туда можно было подняться на одном из эскалаторов, но ими мало кто пользовался, только одинокая фигурка пожилой женщины виднелась на одном из подъемников; жители города предпочитали преодолевать спуск и особенно подъем без помощи механизмов. Это предписывалось врачами. Да, здесь жили сильные, тренированные люди, и спуск и подъем по лестнице в тысячу ступеней входили в ежедневный комплекс физических упражнений. Автоматы следили за состоянием каждого пешехода.

На середине лестницы раздался мягкий баритон:

— Трое молодых людей с «Золотой корифены»!

Мы остановились.

— Продолжайте восхождение, только одному из вас, идущему посередине, не следует так много говорить и раз-

махивать руками: от этого сбивается ритм дыхания и работа сердца.

Костя покачал головой:

— Вот не было печали! Прямо детский садик. Нас прослушивают и просматривают нас kvозь!

— Страйтесь настраиваться на положительные эмоции,— посоветовал незримый попечитель.

Костя вспылил:

— Но я не маленький, в конце концов, и привык к резким нагрузкам! Прошу вас не беспокоиться о моем здоровье.

— Извините, но у вас повысились пульс и кровяное давление. Идите медленней, дышите глубже...

Мы с Тосио захохотали. Костя крепился несколько секунд и тоже засмеялся. Тотчас же раздался тот же ровный голос:

— Прекрасно! Все входит в норму. Смех — самое целебное из средств, которыми располагает человек. Смейтесь чаще! Берегите хорошее настроение. Создавайте его сами. Улыбайтесь! Жизнь так прекрасна! Не омрачайте ее тучами отрицательных эмоций!.. — Баритон сделал паузу и продолжал: — В город вы можете войти через любые ворота, но если вы дорожите временем, а кто им не дорожит, то советую следовать по голубым дорожкам к Голубым воротам. Ваши квартиры находятся на сороковой террасе с видом на горы и океан.— Он назвал номера наших жилищ и высказал предположение, что они нам понравятся, в противном случае мы можем располагать номерами любой из гостиниц, а также жилищным фондом для молодоженов.

— Этого еще не хватало! — сказал Костя.— При чем здесь молодожены?

— Для них отводятся самые лучшие квартиры, но они, как правило, пустуют: молодожены предпочитают проводить медовый месяц в путешествии.

— Спасибо. Для нас это не так важно. Мы можем прожить и в палатке,— сказал Костя и прибавил шагу.

— Вы — гости Лусинды! — патетически изрек баритон. Сделав паузу, он сказал: — Прекрасная погода! Не правда ли?

— В конце концов, эта торжественная встреча мне нравится,— сказал Костя.— Как они подобрали голо-

са! После той дамы — такой отличный баритон. Нет, здесь электроники не без юмора... И посмотрите на эти канны!

Действительно, растения были похожи на факелы трехметровой высоты, на их вершинах горели алые лепестки цветов.

— Вы здесь впервые? — раздался откуда-то вкрадчивый голос, на этот раз пожилого человека, пропитанный таинственностью. — У вас возникает множество вопросов? Задавайте, я охотно отвечу.

Костя поблагодарил и сказал, что мы уже знакомы в общих чертах с городом и его достопримечательностями.

Послыпался вежливый смешок мудрого старца.

— Эх, молодежь, молодежь! Вам кажется, что вы переполнены информацией, в то время как, несмотря на ежегодное расширение учебных программ, вы и на одну миллионную не используете емкость своей памяти.

— Все это нам давно известно.

— Подобный ответ приходится выслушивать от девятнадцати восьми процентов молодежи, которая впервые посещает наш город.

— Мы не первый раз здесь.

— Возможно. Желаю всего наилучшего. Если возникнут вопросы, то задавайте их немедленно, я всегда к вашим услугам.

— Мы вам очень благодарны, — сказал Тосио, — еще нигде на нашей планете мы не пользовались такой любезностью, и нам не хотелось бы обременять вас...

— Ну что вы!

— Лучше всего молчать, — шепнул я. — Это же компьютер Васюкова!

— Да, вас обслуживает компьютер Васюкова, рассчитанный на неограниченное число клиентов...

Костя потянул нас в сторону, прямо через цветочную стену.

Мы выбежали на газон. Навстречу нам летела кавалькада мальчишек и девчонок, сидевших на гиппи-гиппи — механических лошадях, жирафах, бизонах, зебрах, ламах и еще каких-то странных существах из полимеров, созданных конструкторами гиппи-гиппи, с биологическими двигателями. Ребята пролетели мимо, глаза их восторженно горели.

— Эх, хорошая пора! — сказал Костя.— Давно мы не катались на гиппи-гиппи.

На «Корифене» мы совсем отвыкли от говорящих роботов; наш Гарри был лишен дара речи, в случае неисправности в его внутренностях включалась сирена, а тут каждый наш шаг находится под их навязчивым контролем.

Айкити Тосио сказал:

— Конечно, мы поступаем крайне невежливо, отвергая предлагаемые нам услуги, будем надеяться, что наш поступок простят гостеприимные хозяева.

— Да, здесь не заблудишься,— сказал Костя и спросил: — Все-таки как они узнают, что мы не здешние? Видимо, по неуверенной манере. Пошли за этими ребята-ми, и не вертеть головой по сторонам!

В город вели массивные ворота, облицованные голубой глазурью с мозаичными панно и орнаментом из рифовых рыбок. Мы только покосились на эти шедевры декоративного искусства и, видимо, тотчас же привлекли внимание робота, стоявшего у входа. Он изрек:

— Приветствую вас, славный экипаж «Золотой корифены»!

— Салют! — вяло ответил Костя.

— Для вас отведены квартиры на сороковой террасе, номера 98, 99 и 100. Плодотворного отдыха.— Робот улыбнулся: его круглая физиономия раздалась вширь, линзы прищурились.

— Мы благодарим вас! — Тосио печально улыбнулся.

И все-таки один робот нас не заметил.

Минув Голубые ворота, мы увидали человекообразное существо в костюме последнего десятилетия XX века. Оно стояло в окружении ребятишек посреди лужайки и строило уморительные гримасы, рассказывая сказку «Храбрый кролик». Дети покатывались со смеху. Мимо проходило множество людей и, улыбаясь, поглядывали на веселую сцену.

Костя шепнул:

— Что я говорил! Больше независимости в движени-ях. Мы и без него найдем свою террасу. Ага! Извините! — Он обратился к девушке с ластами, перекинутыми через плечо, и попросил указать путь к нашему жилищу. Она окинула его взглядом фиолетовых глаз.

— Счастливого дня! — сказала она, улыбаясь.— Я живу в северном районе на второй террасе, в Синем доме. Вы откуда?

— С «Золотой корифены», — ответил Костя.

— Ах, с «Корифены»!

— Да, с «Корифены». — Костя скромно улыбнулся.— Весь наш экипаж.— Он представил нас фиолетоглазому существу.

— Экипаж?!

— Да, наша троица.

— Простите, а это что такое — «Корифена»? Рейсовый авиалайнер или планетолет?

— Патрульная яхта.

— Ах, оранжевые паруса!

— Совершенно верно. Вы, вероятно, слышали о тигровых звездах? — спросил я.

— Тигровых? Нет, не слышала, я не пользуюсь масовой информацией.

— Все же будьте осторожны, если вам разрешат купаться, — предупредил Тосио.

— Вы серьезно?

Костя стал ей объяснять.

— Да? Как интересно! А мы неделю сажали эвкалипты в Большой пустыне. Все же я попытаюсь выкупаться в море.

На прощанье она еще раз напомнила, что живет на второй террасе, в Синем доме, и, кивнув, побежала к морю.

Мы поднимались в автокаре спиральной дороги, любуясь панорамой Лагуны и гор, затянутых жаркой дымкой испарений. Костя сказал, щурясь от солнца:

— Она из общества «Кенгуру», я заметил у нее значок. Эти ребята много сделали за последние годы. Центральное плато сейчас не узнаешь. Они нашли там воду. Живут в картонных домиках и читают только книги из целлюлозной бумаги, а информацию получают исключительно в устной передаче и путем примитивной сигнализации.

Мы нашли, что во всем этом есть глубокий смысл и надо самим познакомиться с программой общества «Кенгуру», что-то вроде нашего школьного «Зяблика».

И мы с Костей предались воспоминаниям. Общество «Зяблик» ставило основной задачей оздоровить мир по-

средством тесного общения с природой. Члены «Зяблика» не ели мяса, не смотрели телепередачи, каникулы проводили в лесных заповедниках.

— Да, было время! — заключил Костя.

Тосио сказал с улыбкой:

— В Камакуре наша школа стала на защиту осьминогов, и надо сказать, что был спасен от истребления один удивительный вид необыкновенно умных созданий.

Костя сказал, удивленно пожимая плечами:

— А ведь, по сути дела, мы те же «Зяблики» и «Кентру». Тосио! Как называлось ваше общество?

— «Тайё» — «Океан».

— Что я говорил! И эта фиолетовоглазая — наша, только она смотрела на нас как-то снисходительно. Надо ей внушить, что мы из одного теста. А заодно разузнать, что нового в этом движении. Ну что вы смеетесь? Мною руководит чисто научный интерес. — Он перевел разговор на другую тему, оглядев хмурый горизонт: — Скоро подует ветерок, а мы будем сидеть в этой громадине и сочувствовать плавающим в Лагуне и ее окрестностях. Хотя народ уже убрался. Последняя шхуна идет в гавань. Сейчас примем душ, поедим, затем — визит к капитану «Катрин». Она обещала ждать в пятнадцать. В нашем распоряжении сорок пять минут...

С Костиного лица сошла довольная улыбка человека, предвкушающего уйму удовольствий: в наших микроприемниках послышались сигналы «боевой тревоги». Вечно бодрствующий Чаури Сингх объявил, что новые лавины тигровых звезд поднимаются из океанических глубин на Большой Барьерный риф. Он призывал команды патрульных судов подготовиться к отражению атаки, а всем аквалангистам разряда «А» уже сейчас приступить к разведке и ликвидации передовых отрядов противника (он так и назвал — «противника»). По инструкции, полученной сегодня утром, в случае опасности нападения мы должны были возглавить один из отрядов подводного города, что находится в двух милях к югу от Лусинды, на глубине сорока метров.

Мы пересели в автокар, идущий к морю. Костя поставил рычаг на предельную скорость, и мы ринулись вниз, обгоняя медленно едущие машины. Из них на нас с удивлением глядели жители Лусинды, которые, кстати ска-

зать, славились на все побережье своей медлительностью.

— За мной, ребята! Смотрите! Вон стойла для гиппи-гиппи.

Костя захватил «мустанга», Тосио скакал на «кенгуру», а мне достался шестиместный «ящер» — очень удобный, но тихоходный, рассчитанный на малышей, и я сразу безнадежно отстал. В конце концов мне пришлось бросить «ящера» и бежать к входу в туннель, ведущий к подводному городу. Дорогу показывали вездесущие роботы. Не пробежал я и половины пути, как позади послышалось характерное громыханье и хор веселых голосов:

— Ив, садись!

На моем «ящере» мчались девчонки с «Катрин». Впереди сидела Наташа, ее рыжие волосы развевались, как знамя.

Я сел позади капитана и, конечно, не на седло, а на довольно жесткую спину, и «ящер» рванулся к морю.

— Что с ним произошло? — крикнул я в ухо Наташе.

— Сняли регулятор! — ответила она и спросила: — Куда делись остальные мушкетеры?

Я ответил. Она повернула один из рычагов на шею «ящера», и он стал выжимать из своих двигателей все до последней капли. Регуляторы движения по обе стороны голубого шоссе налились малиновым светом, зазвучали басовые сигналы «смертельной угрозы» и для седоков и особенно для нормальных машин.

Все автокары будто сдуло ураганом с голубого покрытия шоссе. Каждую секунду поперек дороги ложились предупредительные черно-желтые световые шлагбаумы, но мы переезжали их и летели дальше. Не доехав до туннеля, «ящер» всхлипнул, сбавил скорость и, остановившись, тяжело опустился на брюхо. Девчонки в разноцветных купальниках мгновенно слетели на землю и побежали, преодолевая последние триста метров с завидной скоростью, хотя каждая из них несла довольно солидные акваланги за спиной, электрические дротики в руках, а также пистолеты у пояса. Я бежал рядом с Наташей Стоун.

— Вы патрулируете гавань? — спросил я. И наверное, в моих словах невольно проскользнуло чувство собственного превосходства.

— Нет, Город Осьминогов. Гавань отдана местным охотникам за акулами.

— Но...

Она, повернув голову, улыбнулась, прищурив лукавые глаза:

— У нас разряд «А»! — и засмеялась, прочитав изумление на моей физиономии.

Только метров через пятьдесят я сказал:

— Прекрасно! Тогда вы, вероятно, в нашей группе?

— Да, почти... Вы входите в наш отряд.

— Но Чаури Сингх...

— Да, распоряжение Пьера. Я же родилась в Городе Осьминогов и трое из девчат тоже. Акваланги вам приготовлены на контрольном посту. Мы отправляемся первыми. Мы разведчики! Будем держать постоянную связь. В шлемах гравитационные телефоны!

Кто-то из девушек сказал:

— Прекрасно! Мой Жан сейчас в Атлантике. Можно перекинуться с ним парой слов?

— Сейчас не разрешаю. После... Немедленно выступаем!

Еще больше изумился Костя, узнав, что Наташа Стойун — его командир:

— О женщины! Помнишь, во время шквала? Разыграла полного несмысленыша. А мы-то...

Он не договорил, так как прозвучала команда:

— Прекратить все разговоры! Обо всем подозрительном докладывать мне. Работаем звенями по четыре человека! За мной!

И новая неожиданность: начальником нашего звена оказалась Лина, фиолетовоглазая девушка из общества «Кенгуру».

Туннель построили главным образом для аквалангистов, живущих в Городе Осьминогов. Он выводил за полосу прибоя и опасный участок коралловых рифов, где сейчас, помимо акул и барракуд, могла затаиться тигровая звезда, к тому же почти непроходимый в часы отлива.

За двенадцать часов, в течение которых мы вышли из игры и расслабились в предвкушении отдыха, Совет охраны морей перебросил в Лусинду и на острова Кораллового моря новейшие модели аквароботов марки «Тритон». Четыре таких экземпляра поджидали нас посреди

туннеля: обтекаемой формы, четверорукие, они источали желтый свет; по приказанию Наташи Стоун одного из Тритонов передали нашему звену, и Лина, ухватившись за скобу на его спине, приказала ему плыть вперед по туннелю.

Почему-то это короткое плавание по подводному коридору необыкновенно ясно запечатлелось в памяти. Видимо, немало способствовали тому необычность происходящих событий, шумная команда «Катрин», фиолетово-глазая Лина, роботы-амфибии, а также освещение туннеля. Никогда мне не приходилось плавать в воде такого восхитительного цвета и чистоты. Нас провожали стаи рифовых рыб самой необыкновенной формы и окраски. Туннель скоро окончился, и мы поплыли по Большой коралловой аллее, ведущей в город. На ветвях древовидных кораллов по обеим сторонам рдели лунообразные светильники. Показались первые одинокие здания из стекла и литого базальта — виллы любителей уединения, вынесенные за пределы городской черты. Здесь мы несколько задержались. Автоматическая служба наблюдения и обороны Города Осьминогов передала о появлении большой белой акулы, или «белой смерти», как ее называли наши предки, не располагавшие достаточной защитой в море. Пятиметровая хищница мелькнула впереди и стала ходить по кругу, все время сужая его.

Наташа Стоун, находившаяся со своими «наядами» в ста метрах вправо от нас, спросила:

— Лина, ты видишь «белую смерть»?

— Да! Пусть подойдет поближе, на выстрел, мои мальчики с ней живо разделяются!

— Береги заряды. Исптай своего Тритона.

Робот-амфибия ринулся на акулу и поразил ее из ультразвуковой пушки. Парализованная хищница перевернулась кверху брюхом, стала медленно опускаться на дно. Тритон вернулся к Лине, и мы продолжали путь.

Костя сказал:

— Серьезный парень наш Тритон. Но я предпочел бы настоящую охоту, один на один.

— И я,— ответила Лина,— но у нас нет времени. Обещаю тебе, Костя, устроить сафари и на белых, и на тигровых акул, и на мако — вот только разделяемся с вашими звездами... Заходи слева и цепляйся за скобу, Тритон потянет двоих...

Костя не заставил себя упрашивать.

Тосио шепнул:

— Он родился под созвездием Мыши. В китайском зодиаке Мышь соответствует греческому Овну.

И он стал рассказывать мне японскую легенду о возникновении созвездий Зодиака: как хитрая мышь приехала на хвосте вола к престолу лучезарной Аматересу О Миками, богине солнца, и заняла первое место среди созвездий. Тосио говорит это не в укор Косте, просто проводит историческую параллель. В его словах сквозят нотки искреннего восхищения талантом нашего друга располагать к себе людей; к тому же плыть нам легко и без помощи робота: в акваланги вмонтированы миниатюрные двигатели, и мы без усилий «висим» на хвосте Тритона.

Командир отряда приказала прекратить «щебет», и отряд теперь поплыл в полной тишине, не считая обычных шумов моря и сигналов стражей города. Мы уже парили над его широкими улицами, между приплюснутых зданий странной архитектуры, соединенных прозрачными галереями. Дома напоминали стилизованных морских животных самой разнообразной расцветки, контрастирующей с пейзажем,— такой дом легко найти. Близились земные сумерки, и свет рекламных панно, указателей наименований улиц стал ярче. В разных направлениях проносились стайки рифовых рыб; они проплывали, не уступая нам дороги, и приходилось притормаживать ход, пропуская эти яркие создания, порхавшие над скверами из декоративных водорослей, клумбами из анемонов, лилий, морских перьев и других видов растительной и неподвижной животной фауны, покрывавших улицы и площади Города Осьминогов.

Стали поступать сообщения о тигровых звездах. Несколько экземпляров появились на восточной окраине и были обезврежены отрядом местной дружины самообороны, состоявшей, как и большинство населения города, из людей пожилых, любителей тишины и уединения.

Несколько зданий в центре города было построено из стекла и бетона. В одном из них, похожем на купол медузы, сквозь прозрачную крышу мы увидели лабораторию. За столом у молекулярного микроскопа сидел небольшой сгорбленный человечек, у ног его лежал дог, черный, с белыми пятнами.

На спине «Желтого Кита», где помещался муниципалитет, как только мы подплыли к нему, побежали строчки экстренного сообщения:

«Граждане Города Осмногов! Поздравьте чету Смит Мери и Джона с рождением их восьмого сына Гарри! Теперь в нашем городе ровно две тысячи жителей! Мери прекрасно себя чувствует. Гарри весит 4 килограмма 200 граммов, рост 45 сантиметров! Приветствуем двухтысячного гражданина нашего города!»

Затем появилось объемное изображение: врач в белом держал в руке орущего во все горло Гарри Смита.

Лина едва успела передать поздравления счастливым родителям, как уже диспетчер, а не автоматы, сообщил совершенно невероятное известие.

Невероятным в нем было то, что тигровые звезды не двигались, как прежде, по грунту, а плыли, огибая препятствия. Костя и здесь нашелся.

— Ничего удивительного,— сказал он,— мы уже были свидетелями того, как они взирались на палубы судов...

И новое сообщение, заставившее нас занять круговую оборону: погиб один из бойцов-дружинников, вступивший в борьбу с тигровой звездой. Штаб дружины приказал бойцам уйти в укрытия и предоставить поле боя «специальным частям», то есть нам. Считалось, что мы вооружены самыми современными средствами борьбы. Дежурный по штабу подозрительно бодрым голосом информировал жителей города:

— Отряды располагают новейшими моделями роботов-амфибий, вооруженных ультразвуковыми пушками, каждый боец снабжен игольчатым ампулометом, электрическими гарпунами и вибраторами Симада, лишающими звезды ориентировки.

В заключение дежурный послал нам приветствие и выразил надежду, что мы к утру очистим «небо» над городом, и пообещал слушателям, что самые захватывающие эпизоды битвы с пришельцами из глубин Кораллового моря будут немедленно передаваться по каналам телевидения. Трансляция уже началась...

Вступил мягкий женский голос:

— Дорогие друзья, мы наблюдаем с вами редчайший вид животного, неизвестного еще науке. Океан прислал нам еще одного представителя из своих глубин. Вот сей-

час на ваших экранах «оно» — чудовище пока не имеет имени — разбросало все свои щупальца; сжимая их, «оно» выбрасывает воду из-под мантии, создавая реактивную силу для движения. Что понадобилось ему в наших краях, почему «оно» вышло к берегу вслед за тигровыми звездами, мы не знаем; по всей вероятности, в глубинах произошли какие-то изменения. Я склонна думать, что перед нами одна из разновидностей этой ужасной звезды, потомка «подушки акулы» или «диадемы дьявола», истребительницы коралловых полипов. Сейчас «оно» парит, как манта, у которой видоизменились крылья, но это чудовище в три раза больше самой крупной из наблюдавшихся нами мант! «Оно» сейчас движется только с помощью своих бесчисленных «рук», в данный момент похожих на чудовищные перья. Вы замечаете, в этом ракурсе у нее поразительное сходство с гигантским глубоководным кальмаром? Кошмарное создание, не правда ли? Как мы еще мало знаем мир, в котором живем! Нам неведомы глубины океана, лежащие от нас всего в нескольких километрах... — Помолчав, она продолжала: — «Оно» заинтересовалось нашей обзорной башней. Плынет прямо на меня... Теперь, дорогие телезрители, «оно» вышло из поля объектива. Какие у него глаза?... — Послышалось частое дыхание дикторши, ее сдавленный крик, что-то затрещало, зазвенело — и все стихло.

Весь наш отряд собрался над центральной площадью, и мы на предельной скорости поплыли к информационному центру, расположенному в километре от «Желтого Кита».

— Только бы успеть! — вслух подумала Наташа Стоун.

Костя ответил ободряюще:

— Ничего не случилось. Просто нервы...

Раздался характерный треск: Тосио дал очередь из пистолета по первой тигровой звезде, ползшей между зданиями. Кто-то еще выстрелил: тигровок показалось множество. Но Наташа Стоун приказала прекратить стрельбу и не отходить в стороны. Тигровки сейчас казались нам безобидными созданиями по сравнению с невиданным чудовищем, напавшим на подводный телецентр.

Отряд двигался без остановок. Стояла жуткая тишина. Почему-то молчали станции наблюдения. Наконец

диктор отдела информации подозрительно бодрым голосом сказал, что для тревог нет оснований; видимо, приследец из глубин повредил передаточные антенны, и сейчас специальная часть займется исправлением, а заодно и охотой на чудовище, столь бесцеремонно нарушившее покой горожан. Он сказал, что временно прекращает передачи, так как город объявлен на осадном положении и вся связь переходит в руки штаба обороны.

Громко сказано — штаб обороны!

Получилось так, что ребята из штаба обороны очутились в здании с непроницаемыми стенами для ультразвуковых колебаний и с антеннами, сорванными заползшей на крышу тигровкой. Гравитационных аппаратов, этой новинки, у них еще не было. Только автоматические стражи добросовестно уведомляли о появлении звезд и существ, похожих на кальмаров, да еще досаждали многочисленные любители-гравитационники. Невесть каким путем они узнали о сенсации и стали со всех континентов, морей, ракет и летательных аппаратов всех видов интересоваться положением дел. Только после краткой и внушительной речи Чаури Сингха любители замолчали, и Наташа Стоун могла поддерживать связь и с Центральным постом и с Советом Лусинды. Внезапно город погрузился в темноту, только рдели несколько лунообразных светильников, которые можно было легко спутать с телами фосфоресцирующих медуз, на разных горизонтах повисших над городом.

Странная, гнетущая тревога охватила нас. Кто-то простонал. Пловцы жались друг к другу.

— Включите свет! — приказала Наташа Стоун.

Рефлекторы, направленные на дно, осветили красный купол главного здания, затем... башню, то есть то, что от нее осталось: зубчатое основание, груду стекла, зловеще сверкавшую среди темных водорослей.

— Скорость пять километров! — приказала Наташа Стоун.— За мной!

— Я не могу! — простонала одна из девушек команды «Катрин».--- У меня руки... пистолет...

Тосио подхватил аквалангистку, медленно опускавшуюся на дно.

— Возьмите себя в руки,— как-то вяло сказала Наташа Стоун.— Все это совсем не страшно. У нас Тритоны...

«Оно» показалось совсем близко. Я разглядел глаза величиной с блюдо для фруктов, бесконечно длинные руки. «Оно» повисло над стеклянной галереей, соединяющей телецентр с соседним зданием, и галерея стала разваливаться, дробились стены, рушились мощные опоры, тучей поднимался песок, ил, обрывки водорослей.

Костя и Тосио открыли огонь из пистолетов, только «оно» не обратило на них никакого внимания, а может быть, ребята мазали. Я не стрелял, а с любопытством и без всякого страха рассматривал чудовище, медленно скользившее к другой галерее. Стекло почему-то вызывало у него гнев. Может быть, длинная галерея ассоциировалась в его мозгу со щупальцами врага, «оно» видело в них угрозу и уничтожало своим мощным ультразвуковым локатором?

Чудовище проплыло совсем близко от нас, не обратив на нашу «стайку» особого внимания, только повело было в нашу сторону «передними руками» и, будто раздумав, отвело их назад.

— Стреляйте! — задыхаясь, крикнула Наташа Стоун.— Ультразвуковой! Тритонами! Черт подери!

Три наших командира почти одновременно открыли огонь из пушек, вмонтированных в Тритонов.

«Оно» дрогнуло, его пернатая мантия раздулась, затрепетала, и чудовище с непостижимой скоростью отпрянуло в темноту.

— Уф, ну дела! — тяжело вздохнув, сказал Костя.— Кажется, мы его подбили, но... Что с вами? — И он подхватил ближайшую аквалангистку, потерявшую вдруг сознание.

Они с Тосио по приказанию Наташи Стоун перешли в центр нашего отряда. Еще более тягостное, тошнотворное чувство охватило меня. Хотелось на все махнуть рукой и опуститься на дно, где тягучей массой двигались тигровые звезды.

«Оно» — их вождь, — вяло, пронеслось в голове.— И совсем неплохой парень этот вождь! Как он бьет стекла, приятно посмотреть! Пусть бьет, а я отдохну».

— Идиот! Ты что? — услышал я Костин голос и почувствовал удар между лопаток.— Болван, цепляйся карabinом к моему поясу!

Но у меня уже прошло отупение, вернее, «оно» перестало обстреливать нас; видимо, я попал в центр пучка

его убийственного радара и поэтому так скверно вел себя. Прошло более часа с начала нашей встречи с «хозяином океанских глубин» — так впоследствии назвал его один из репортеров Всемирного вещания,— нам же казалось, будто прошло всего несколько минут. За это время Совет Лусинды мобилизовал все свои ударные силы, и мы слышали и видели работу аквалангистов: треск выстрелов, команды, загорелись светильники.

И все-таки нам не стало легче. Предстояло пережить еще немало неприятных минут. Наташа Стоун сказала, чтобы о нас не беспокоились, что мы еще не применили все боевые средства Тритонов и сами разделаемся с противником. Все же к нам подплыл батискаф с мощным прожектором и с десяток аквалангистов, вооруженных тем же оружием, что и наш отряд. Всех травмированных взяли на санитарный батискаф.

Проектор осветил пришельца. Чудовище находилось в пятидесяти метрах. Наш противник не хуже любого кальмара менял окраску: сейчас в лучах прожектора он сначала был свинцово-серым, а затем стал раскаляться, как древесный уголь.

— Как он похож на дракона! — сказал Тосио.

Отряд аквалангистов Лусинды дружно застремился к чудовищу, чтобы помочь Косте и Тосио. Тритоны открыли огонь из пушек. Пришелец позеленел и двинулся на нас, медленно, вытянув вперед «руки» с пальцами-крючьями.

Наташа Стоун бросила на таран своего Тритона. Вначале он стремительно рванулся, но затем сбавил ход, остановился и разломился надвое; та же участь ожидала и нашего робота, посланного Линой. Последнего Тритона «оно» схватило «руками» и свернуло в штопор. Теперь под воздействием его радара оказались ребята из Лусинды, и мы могли видеть, как безвольно застыли они в разных позах, забыв об оружии. Зато теперь наш отряд оказался в наивыгоднейшем положении: пришелец открыл свой левый бок.

Костя и Тосио первыми начали стрелять. Тысячи игл вонзились в бок чудовища. Оно окрасилось в зловещий фиолетово-сизый цвет, развернулось и молниеносно исчезло в темноте, как и в первый раз.

РАЗГОВОР НРЕВЕТОК

Для отдыха штаб обороны Города Осмимогов отвел нам лаборатории подводной биологической станции. Девушек мы оставили в секции моллюсков, пол которой покрывал толстый индийский ковер, на нем они и расположились. Нам, мужчинам, достались на выбор кабинеты ученых; в одном из них, довольно обширном, где работал известный ихтиолог Соломон Бражнин, расположилась и наша троица. Сняв снаряжение, Костя устроился на диване, мы с Тосио заняли кресла.

Костя спросил, сладко зевая:

— Надеюсь, вы не против, что я первым подремлю на этом жестком прокрустовом ложе?

Тосио ответил на это:

— Ни у кого из нас не повернется язык выражать протест. Мы только можем сожалеть, что ложе недостаточно удобно. Ты заслужил постель из пуха гагары.

— Это еще за какие подвиги?

— О, скромность — неотъемлемое качество истинного мужества.

— Продолжай. Твоя лесть доставляет мне удовольствие.

— Нет, кроме шуток, Костя, ты дрался здорово, и мы с Ивом награждаем тебя этим диваном.

— Благодарю, ребята. Вы настоящие друзья. Через два часа можете стащить меня на пол и ложиться сами, вы с Ивом вполне поместитесь. Только вряд ли я смогу уснуть после всего, что произошло. И если говорить, отбросив в сторону иронию, что действительно заслуживает упоминания в мировой хронике событий, так это Наталья Стоун. Я, ребята, больше не смогу называть ее Наткой. Какое самообладание, смелость, ясность в оценке обстановки! Она не дрогнула, когда погибли все наши Тритоны. А ведь, образно говоря, у всех у нас «чесались пятки», хотелось удрать подальше от этого глазастика. Не так ли, друзья мои?

— Были мгновения, — признался Тосио, — когда борьба казалась бессмысленной, но никто даже не догадался, что и у тебя «чешутся пятки», а это одно из главнейших качеств настоящего полководца.

Костя потянулся на своем шикарном ложе.

— Ты, Тосик, известный льстец, но должен сказать тебе, что мне приятны твои глубокомысленные выводы. Ты довольно тонкий психолог, Тосио-сенсей... Но как хочется спать!.. Да ты уже спишь! Ив, он спит, а я выкладываюсь перед ним. Хитрюга Тосик... — Костя умолк и скоро стал лихо посвистывать носом.

Лишился я ворочался в своем кресле. Сон не шел ко мне. Чтобы превозмочь нервную усталость, лучше всего расслабиться и сосредоточить все помыслы на чем-либо приятном, не требующем глубоких размышлений; например, воссоздать картину спокойного моря с парящими над ним альбатросами или представить себе пейзаж средней полосы России с мягкими очертаниями холмов, зубчатым бором вдали, цветущим лугом, голубой полоской ручья...

На этот раз перед глазами наперекор моим усилиям возникали прищелец, тигровые звезды, сверкающая группа стекла от разрушенной телевизионной башни. Не в силах освободиться от впечатлений дня, я нашел выход: стал наблюдать ночную жизнь за окном кабинета. Большое, во всю стену, окно из толстого армированного стекла служило стенкой необъятного аквариума. За окном в серо-зеленом сумраке шла напряженная жизнь ночной Лагуны. Лунообразный фонарь освещал газон из морских перьев, окаймленный древовидными оранжевыми кораллами. Извиваясь, проплыла мурена, среди морских перьев и коралловых ветвей мелькали рифовые рыбы самой невероятной окраски. Я до сих пор изумляюсь, с какой щедростью природа расточает свое искусство декоратора на создание своих бесчисленных творений. Мое внимание привлекли широкие светлые полосы на оконном стекле; они причудливо переплетались, создавая странный, почему-то волнующий рисунок. Присмотревшись, я увидел и «художника» — огромную улитку. Переливаясь, как драгоценная раковина, она медленно двигалась из левого угла рамы, оставляя за собой дорожку. Улитка чистила стекло, съедая на нем налет из крохотных водорослей.

Неслышно вошла Наташа Стоун в белом лабораторном халатике.

— У тебя тоже все спят, — сказала она. — А я вот, как и ты, не могу уснуть, да мне и не хочется.

Я уступил ей кресло, принес себе другое из соседнего кабинета.

Наташа протянула руку к окну:

— Какой у тебя прекрасный вид! У нас окна темные, выключили свет, а вернее всего — разбили фонари. Наверное, мои девчонки не особенно меткие стрелки. Как они еще не поранили друг друга...

Я встал было на защиту экипажа «Катрин», да Наташа сказала тоном, не допускающим возражения:

— Я же видела, как они били светильники по всему городу. Как будто старались угодить пришельцу.

— Может быть, случайно и разбили один-другой светильник.

— Конечно, не нарочно. От страха. Ты знаешь, как я сама испугалась! До сих пор вся дрожу. И откуда он только явился... — Помолчав немного, она сказала: — Что-то подозрительно тихо. Штаб обороны молчит. Молчат стражи-автоматы, молчит служба информации, но там ребята только вникают в ход событий, у них еще очень мало данных. Но это и хорошо, что не поднимают шума. Ты знаешь, — обратилась она ко мне доверительно, — иногда у меня даже мелькает мысль, что все это нереально. Как он расправился с Тритонами, разрушил телецентр! Что, если мы участвовали в киносъемках?

На газон перед окном выползла тигровая звезда. Трепеща своими руками-щупальцами, она пожирала морские перья. Мгновенно куда-то исчезли все рифовые рыбы, только что стучавшие носами в оконное стекло. Я хотел сказать Наташе, что, к сожалению, все это далеко не инсценировка, но она уже спала, свернувшись калачиком в широком кресле. И меня наконец-то потянуло ко сну. Я закрыл глаза, и мне снилось, что я очутился на причале возле своей лаборатории. Ко мне подплыл Пуффи, вылез по трапу, сел, свесив ноги. Я не удивился, что у него человеческие ноги и на носу темные очки. Он сказал печально: «Такие-то наши дела, Ив. Вот и я обменял свои плавники на руки и ноги, а что толку? Теперь меня и морской попугай обгонит. Пойду-ка я к Великому Кальмару и попрошу, пусть сделает все, как было...»

Словно из тумана, выплыли лица моих друзей. Наташи Стоун не было в нашей комнате. Костя сказал, потягиваясь:

— Надо заранее выработать общую тактику, а не

вести себя так, как мы вели себя в вечернем сражении. Странно, что мы так легко отделались. Но тогда был один пришелец, а сейчас пока три. Слышишь, Тосик,— три!

Тосио ответил:

— У тебя, Костя, мышление полководца. Да, нам нужна стратегия борьбы с пришельцами и сносное оружие. Натали сейчас ведет переговоры со штабом, она сторонница автономных действий в том же составе.

Вошла Наташа, щеки ее пылали.

— Уф, насилиу удалось отстоять вас, ребята! Хотели всех троих зачислить в дружицу самообороны при штабе, а нас держать в резерве. Но теперь мы опять вместе. Наш отряд будет вполовину меньше. Всех, кто не оправился от потрясения и по другим причинам не жаждет встречи с пришельцами, я оставляю в резерве, а мы сейчас выступаем. Наша зона — центр города. Остальные отряды, прибывшие из Лусинды, взяли на себя окраины и подступы к городу. Вы, надеюсь, готовы?

— О, Натали! — воскликнул Тосио.

Костя добавил:

— Вот только Ив окончательно проснется, и мы готовы к встрече с пришельцами. Только с чем мы их встретим?

Наташа сообщила, что штаб пришлет в наше распоряжение четыре тяжелых штуцера, из которых стреляют акул, и еще двух Тритонов, но она решила их не брать, так как пользы от них никакой. На что она надеется, так это на ультразвуковой монитор, который используется для дробления скальных пород под водой. Монитор остался еще от строительства города и сейчас извлечен из музея Лусинды.

— По описанию, это настоящая пушка,— заключила она.

Вздрогнул пол, погас светильник, спрятанный где-то меж потолочных балок, за окном разлилась угольная чернота; там изредка вспыхивали и гасли комочки голубого пламени, извергаемые креветками и крохотными кальмарами. Тигровая звезда, как гигантская драгоценность, переливалась разноцветными огнями, рубинами горели ее глаза на кончиках щупалец.

Наташа сказала очень тихо:

— Наверное, пришельцы разрушили канал энерго-

снабжения: он идет по поверхности рифа, его желтая сверкающая оболочка очень заметна.

Не зажигая фонарей, мы поспешили к выходу в Лагуну. Тосио не мог найти маску, куда-то завалился мой иглоочечный пистолет, Костя ворчал, что кто-то (видимо, мы с Тосио) переложил куда-то со стола все его снаряжение. Внезапно сразу несколько кальмаров с разлета ударились о стекло и осветили всю комнату. Несколько секунд достаточно, чтобы обнаружить пропажу.

— У нас,— сказал Костя,— никогда и ничего не теряется. Хотя последнее можно объяснить только чудом, да еще с помощью черной магии нашего сенсея.

Наташа не могла оторваться от окна, рассматривая тигровую звезду.

— Смотрите, у нее все время меняется рисунок,— сказала Наташа.— Колдовство какое-то! Неужели мы уничтожим такую красоту, пусть и ядовитую? Все же она порождение природы. Может, в ней есть смысл, не понятный еще нам?

— Как ты права, Натали! — взволнованно отозвался Тосио.— И все же у нас нет выбора...

Окно вновь скрупульто осветилось, на этот раз источник света исходил неизвестно откуда. Готовые выйти из комнаты, все мы невольно замерли у окна. Свет становился ярче.

— Нет, это не зажглись подводные луны,— сказала Наташа.— Мне что-то страшно, мальчики.

Тосио положил ей руку на плечо:

— Ничего особенного. После того, что мы видели, пугаться вообще нельзя...

Он замолчал. Свет становился не ярче, а как бы гуще, неестественный свет морских глубин. Метрах в двадцати от окна, очень медленно, проплывал пришелец.

Вытянутые вперед «руки» чудовища отливали тусклым серебром. На его словно прозрачном светящемся теле четко обозначался странный рисунок из ярких зеленых точек и линий, рисунок то разгорался, то мерк.

Пришелец исчез, оставив в нас щемящую тревогу.

— Уф! — произнесла Наташа.— Вот страшилище! Я думала, что он разобьет наше окно, и не могла пошевелить пальцем, даже не надела маску.

— Я надел,— сказал Костя.— Вот взял и наперекор

ему надел. Я и вам кричал, чтобы вы также надели маски, да вы все были как завороженные.

Никто не слышал спасительного голоса Кости, может быть, ему показалось, что он кричал.

В секции моллюсков, где находились девушки, никто не заметил появления пришельца, их большие апартаменты с плотными шторами на окнах были освещены двумя аккумуляторными фонарями. Ген и Лины мы не увидели среди девушек, спавших на ковре и в креслах. Их мы нашли в вестибюле возле шлюзовой камеры, в обществе двух аквалангистов, доставивших сюда тяжелые штуцера, пушку и ружья, стреляющие реактивными снарядами.

Один из аквалангистов, очень высокий и худой, увидев нас, сказал, с надеждой кивая на Гею и Лину:

— Ну хоть вы им скажите, что теперь они могут с чистой совестью оставаться здесь. Нас за этим и прислали сюда.

— Ни в коем случае,— ответила Лина.— Мы вас не гоним и все же будем тоже сражаться. У нас есть на это больше прав, чем у вас, Питер.

Второй аквалангист, пониже ростом, с могучей грудью, махнул рукой:

— Пусть. Только чтобы не соваться куда не надо и слушать главного.— Он обратился к Косте, посчитав его командиром группы: — Не так ли, друг?

— Хорошо сказано,— в тон ему ответил Костя и представил ему Наташу Стоун.

Узнав, что она — командир группы, Питер смешно сжал губы и еле выговорил:

— Очень приятно. Так это вы напугали первого пришельца?

Второй, желая сгладить двусмысленность Питера, сказал:

— Он не думает, что вы испугали его своим видом, наоборот — пришелец явно не разглядел вас, а не то у нас был бы другой командир.

Вмешался Тосио:

— Давайте, ребята, выбираться из дебрей комплиментов, надо действовать. Один из пришельцев только что прошел мимо наших окон.

В ответ плечистый аквалангист протянул Тосио руку:

— Рой Смит!

Всем нам он так же церемонно представился, а Наташа сказал:

— Нас с Питером сняли с «Коллинза». Гидрографическое судно «Коллинз»...

— «Антони Коллинз», — поправил Питер.

— ...Да, «Антони» вам на подмогу. Дьявольски интересно. Мы уже видели ваши звезды, а пришелец, говорят, еще побольше?

— Да, это чудовище, — ответила Наташа и приказала выходить в открытую Лагуну.

— Одно мгновение, — остановил Рой. — Я насчет распределения функций. Предлагаю нам с Питером доверить гидропушку и по штуцеру в придачу. Парни пусть возьмут реактивное ружье, остальные штуцера и другую мелочь, а вы, девочки, — коробки со снарядами; игольчатые ружья и пистолеты, а также ампулометы надо оставить как ненужный груз. Судя по рассказам, иголки лишь слегка щекочут пришельцев, а от ампул они кашляют.

Все засмеялись, и не столько его остроте, сколько странной манере строить свою речь из английских, французских и русских слов.

Поняв, над чем мы смеемся, Рой сказал:

— Извините, привычка. У нас интернациональная команда, и вот мы решили изучить языки всех плавающих на «Коллинзе», и вот что получилось за полгода плавания — мне все труднее становится говорить по-английски.

— Мы тебя великолепно поняли, — сказала Наташа. — Язык действительно очень пестрый. — Затем она спросила, кто против распределения сил, предложенных Роем. — Никого! — Наташа нажала желтую кнопку на панели выпускного люка.

Двери медленно разошлись, из камеры пахнуло сыростью, водорослями и другими запахами моря.

Светящиеся стрелки часов показывали четыре, когда мы вышли из шлюза и, построившись в боевой порядок, медленно поплыли к границе нашего квадрата. Внизу рдели тигровые звезды, уничтожая аллеи водорослей, клумбы анемонов, коралловые полипы, рыб, моллюсков, крабов — все неисчислимое население рифа. Слышался говор, стук, где-то поблизости работал отряд истребителей тигровых звезд. Штаб передал, что двое из пришель-

цев, напуганные реактивными петардами, ретировались к востоку, их преследуют три «летающих блюдца», вооруженных пушками. Один из пришельцев проследовал — так и объявил диктор: «проследовал» — в сторону городского парка. В парке находилась злосчастная телевизионная башня.

— Наш квадрат, — сказала Наташа Стоун. — Думаю, что мы его не прозеваем, уж очень он нарядно выглядит. Что его тянет к развалинам?

Никто ей не ответил: разговаривать в строю не разрешалось, только командир мог позволить себе подумать вслух. Замолчала и Наташа, подчиняясь общему настроению. Мы плыли над погруженными в полную тьму домами. Только иногда кое-где вспыхивал в незанавешенном окне тревожный огонек испуганного «любителя тишины» и мгновенно угасал, чтобы не привлечь внимания пришельца. Тигровые звезды служили нам хорошими ориентирами, а не то легко можно спутать верх с низом, потерять направление в среде, где чувствуешь себя почти невесомым да еще в полной темноте.

Из штаба самообороны передали, что летающие блюдца, успешно применяя отпугивающие реактивные мины, обратили в бегство двух пришельцев. В числе других экипажей диктор назвал экипаж Веры и Антона, они находились в десятитонном батискафе под номером 1001.

— Счастливое число, — шепнул Тосио и умолк.

После небольшого перерыва, когда мы уже подплывали к разрушенной башне Видеоцентра, тот же голос из штаба самообороны обратился к Наташе Стоун, рекомендая ей только в крайнем случае применять боевые мины и снаряды.

— Наша цель, — сказал он, — удалить пришельца за пределы города. Создано Общество охраны пришельцев, и его члены прислали многочисленные протесты против уничтожения нового вида глубоководного животного. В настоящее время, — продолжал штабист, — продолжается совещание Всемирной ассоциации защиты природы, где вырабатывается отношение к пришельцам. Учтите сложившуюся обстановку: огонь открывайте сразу по обнаружении противника с дальних дистанций. Информируйте нас обо всем.

Капитан рефрижератора передал, что его ловцы тиг-

ровых звезд заметили вблизи места работ большое световое пятно; по окраске оно отличается от излучений гигантских фосфоресцирующих медуз. По всей вероятности, наблюдался пришелец...

Действительно, много появилось светящихся медуз, и они сбивали нас с толку. Все же у нашего командира хватило выдержки не открывать огонь по каждому подозрительному пятну.

Наконец в двухстах метрах от развалин башни мы все одновременно увидели пришельца; судя по шуму и щелчкам в наушниках, он обстреливал руины. Что-то ему там не нравилось, и он посыпал мощные ультразвуковые заряды на грудубитого стекла и исковерканных конструкций.

Контуры пришельца различались слабо, вдали как бы пульсировало голубое пламя.

— Стреляйте хлопушкой! — приказала Наташа Стоун.

— Есть хлопушкой!

Гея подала цилиндр со светящейся желтой головкой. Рядом с ней парила Лина; у нее в сетке тускло светились убийственные рубиновые цилиндры боевых зарядов.

Резкий удар от выстрела отзывался во всем теле. Свет, источаемый пришельцем, закрыло яркое желтое облако.

— Попали! Прямо в него! — крикнула Гея.

— Еще выстрел!

Первое облако еще не рассеялось, как вспыхнуло новое, еще более яркое.

— Недолет! — сказал Питер, закладывая новую петарду.

— Удраб! — проронил Рой. — Хотя...

Действительно, из-за правого края желтого облака затеплился свет, и оттуда вылетел пришелец. Вначале он шел, удаляясь от нас, затем круто развернулся и стремительно помчался на нас.

— Боевым... Красным... Стреляйте... Лучше цельтесь... — с расстановкой, борясь с волнением, проговорила Наташа.

Костя, Тосио и я открыли огонь еще до ее команды. Автоматы посыпали десятки снарядов навстречу огненной лавине. Как и в первой стычке, я почувствовал недомогание. Лина медленно стала идти ко дну. Если бы

Костя не успел подхватить ее, мы остались бы без снарядов.

Штуцера оказались бессильными против пришельца. Он приближался, только почему-то очень медленно; может быть, разрывы снарядов об ультразвуковой барьер все-таки сдерживали его.

Теперь нас стреляло двое: Костя перехватил у Линны сетку со снарядами, а Лину передал Гее и велел им отойти в тыл.

Рой медлил. Наташа молча посыпала очередь за очедью в надвигающегося пришельца, понимая, что Рой должен стрелять наверняка. И вот с дистанции в пятьдесят метров первый рубиновый снаряд с шипением полетел навстречу чудовищу, раздался сильный взрыв. Пришелец стал медленно подниматься, его щупальца расходились, образуя купол парашюта, свет, исходивший от него, стал настолько резок, что невольно щурились глаза.

— Еще... — начала Наташа.

Но в это время грянул второй выстрел. Прошло несколько секунд, и мы увидели, как пришелец буквально рассыпался на части; его щупальца, мантия, также испуская голубой свет, медленно опускались на дно.

— Все! — выдохнула Наташа.

Больше никто не произнес ни звука. Нас тянуло к останкам пришельца. Мы поплыли вперед, забыв о благородстве, и чуть было не поплатились за это.

Спас положение Тосио:

— Стойте! Подплывать близко опасно. Его кровь должна быть ядовита!

Мы как раз подплыли к причудливому голубому кружеву — сгустку крови. Кровь светилась.

Разорванное на куски чудовище продолжало жить, конвульсивно сжимались двадцатиметровые щупальца, на их концах горели добавочные рубиновые глаза. У меня не оставалось сомнений, что пришелец сродни тигровой звезде, одна из ее более совершенных разновидностей.

Наташа передала в штаб самообороны о гибели пришельца.

Ей ответил все тот же знакомый голос:

— Вы находите, что иначе поступить не могли?

— Да.

— Ну что ж, ничего теперь не поделать. Достанется нам от этих двух покровителей пришельцев, но как-нибудь отобьемся. Направляйтесь к нам, тут заваривается новая каша...

Мы развернулись на 180° и поплыли к штабу самообороны, занимавшему здание муниципалитета. Лина почти оправилась. Она плыла, держась за скобу пушки, укрепленной на электромониторе. За скобу уцепились также Наташа с Герой. Костя плыл рядом с ними, развлекая красочными подробностями битвы, которые ускользнули от нашего внимания. Как он уверял, пришельцев было два: один, более робкий, удрал после первого разрыва желтой петарды, второй решил разделаться с нами и поплатился за это.

— Как все же это жестоко с нашей стороны! — сказала Лина. — Может быть, это единственные экземпляры нового вида и с ними можно было найти контакты.

Костя ответил:

— Что касается гибели, то боюсь, что все произойдет наоборот: из каждого кусочка вырастет новый пришелец. Разве ты не видишь явную связь между тигровкой и этим джентльменом?

Мы вчетвером плыли замыкающими.

Вспыхнули луны, светильники вдоль аллей, появился свет в окнах. Город Осьминогов стряхивал с себя оцепенение.

В муниципалитете наши устроили торжественную встречу. В зале заседаний был накрыт стол. Мэр, видный океанограф Артур Волчин, потомок русских эмигрантов, переселившихся в Австралию еще в начале XX столетия, произнес прочувствованную речь, всячески подчеркивая боевые качества наших воинов и патриотов. Он уверял, что благодаря нам отбиты все атаки пришельцев. Он предложил членам совета установить памятный обелиск с нашими именами на берегу при входе в туннель.

— Конечно, по традиции, в честь великих граждан города памятники осьминогам устанавливались в самом городе, да вы видите, что получается с таким памятником ровно через неделю: его покрывают мшанки, моллюски, известковые водоросли, и через год он превра-

щается в каменную глыбу. Только чудо может помочь нашим далеким потомкам найти обелиск и отдать должное памяти героев...

Он все больше и больше распалялся, а мы сидели и с плохо скрываемой алчностью смотрели на аппетитные блюда — горы устриц, заливное, лангустов, салат, похожий на миниатюрную клумбу. Нестерпимо вкусно пахло черепаховым супом...

Костя шепнул мне, еле ворочая сведенными челюстями:

— Он нас уморит со своим обелиском!

Один из членов муниципального совета, старичик, похожий на Вольтера, предложил:

— У молодых людей да и у всех присутствующих выдалась нелегкая ночь, и я думаю, будет вполне целесообразно, если желающие приступят к ужину и в то же время будут наслаждаться красноречием нашего мэра.

Члены совета захлопали в ладости. Зазвенели ножи и вилки.

Мэр сделал длительную паузу, ожидая тишины, и затем продолжал свою затянувшуюся речь. Неожиданно для всех он стал говорить о предстоящем строительстве гигантского дома на окраине Города Осьминогов, нижние этажи которого будут находиться под водой, а верхние, как выразился мэр, «купаться в лучах солнца и благодатных дуновениях пассата».

Мы набросились на еду. Трудно было представить, что такой изысканный завтрак (была уже половина шестого) приготовил повар-автомат. В бокалах пенилось удивительное розовое вино, приготовленное из морского винограда; оно обладало тонизирующим действием и возбуждало аппетит. Хотя в данный момент мы в этом и не нуждались.

Входили аквалангисты из других отрядов, мэр вскачивал, пожимал им руки, приглашал к столу. Чтобы всех усадить, члены совета принесли стол для игры в пинг-понг и стулья из кинозала, куда изредка собирались любители уединения.

— Кинозал существует здесь только для того, чтобы, собираясь в нем, ощутить еще больше прелесть одиночества, — сказал мой сосед слева, круголицый человек с веселыми глазами, уписывая лангуста под индийским соусом.

Костя спросил его:

— Но вы-то, судя по всему, не принадлежите к числу подводных затворников?

— Я-то? — Он засмеялся.— Теперь нет. С этой минуты у меня все покончено с жизнью осьминога, теперь я «вольный сын эфира», — пропел он тоненьким голоском; должно быть, на него сильно подействовал шипучий напиток, а может быть, ему передалось общее приподнятое настроение.

Рой, например, все время порывался произнести спич, наши девушки раскраснелись и смеялись над каждым Костиным словом, хотя в его словах подчас не было ничего смешного. Все мы переживали счастье победы, радость избавления от опасности, глубокое чувство дружеской солидарности.

— Ну, как здесь условия? — спросил Костя толстяка.

— Сам видишь. Стол отличный. Аквариумные пейзажи, прогулки в соленой воде. Тишина. Я, собственно, из-за этой тишины и подался сюда. Дядя меня сманил, брат матери, Серафим Петрович Дрозд. Древнейшая фамилия, должен сказать. Серафим Петрович прямого отношения к морю не имеет, он энтомолог и систематизирует здесь своих букашек, собранных где-то в Бразилии, а я тоже чисто земной человек, инженер-строитель шоссейных дорог. Дядюшка Дрозд уговорил меня отдохнуть в абсолютной тишине, да и по заключению моего врача мне следовало подлечить нервную систему. Вначале я блаженствовал. Сами понимаете: необычность обстановки, тишина, медузы и прочие обитатели моря вокруг... Но однажды я увидел настоящую акулу, а теперь вот всякая чертовщина полезла из глубин. Того и гляди, сожрут. Или, думаете, нет? — Он захохотал, поднимая бокал.— Ничего у них не получится, я больше в воду ни ногой. Сегодня же ринусь в шум и грохот. Знаете, что я наблюдаю? Здесь у меня с нервами стало еще хуже. Раньше я был несколько замкнутым человеком, жена называла меня молчальником, а сейчас я превратился в болтуна, целый час жужжу всякую ерунду. Ну, давайте выпьем за нормальный шум, за солнце и ветер!..

Наташа Стоун остановила словоохотливого инженера:

— Я усну сейчас, мальчики, вот здесь, за столом. Есть здесь диваны или кресла? Гея с Линой уже спят!

Действительно, Гея и Лина спали, откинувшись в кресле.

— Надо перебазироваться,— сказал Костя.

В это время часы в виде золотого диска на стене проиграли вступление к гимну солнца и поздравили с наступлением нового дня.

Инженер, недовольный, что его перебили — вначале Наташа, затем часы,— сказал:

— Я еще ни разу в жизни не пировал в столь ранний час. Уверен, что мне никто не поверит.

И опять его перебили. На этот раз кто-то из штаба самообороны:

— Возвратилось «Летающее блюдце-105». Команда чувствует себя удовлетворительно. Капитан Хуан Фаллада наблюдал четырех пришельцев, которые, как и председуемый, скрылись в северо-восточном направлении. Второй батискаф не вернулся. Связь с ним прервана. Начаты розыски...

— Но там Вера и Антон! — глухо сказал Костя, пытаясь уложить Наташу в кресло.

— Не сметь! Не разрешаю! Спать... Потом. И я с вами,— проговорила Наташа. Она открыла глаза и сидела, безнадежно борясь со сном.

Встали из-за стола и подошли к нам Питер и Рой. Питер спросил:

— Вы не против, если мы также отправимся с вами на розыски?

Тосио ответил:

— Благодарим вас, да в «блюдце» может разместиться от силы три человека, а сами знаете, как следует экономить кислород в таком походе.

Рой сказал:

— Тосио прав, но вы можете рассчитывать на нас и, если что, ждите нас на другом «блюдце».

Мы пожали им руки. Девушки расцеловали их.

Второй этаж мэрии занимала гостиница для туристов. Мы проводили туда наших спутниц и передали роботу-горничной, а сами пошли искать видеотелефон, чтобы связаться со штабом самообороны. Казалось, что во всем здании был только один переговорный аппарат — чтобы как можно меньше нарушать тишину и покой Города Осьминогов, видеотелефон использовали только в экстренных случаях. В одном из пунктов правил поведения

в этом городе говорилось, что обмен информацией между членами Общества тишины производится письмами, а в экстренных случаях телеграммами, что телесвязь предназначена главным образом для служебного персонала.

— Вот заведение! — ворчал Костя.— Я бы тут и дня не прожил. Полюбуйтесь! — Он показал на табличку, прикрепленную к стене возле кабины для переговоров.

«Громкое слово — как выстрел над ухом».

«Думайте беззвучно».

«Словом можно сразить, как атомным пистолетом».

«Учитесь властвовать собой!»

И ниже:

«Для словесной разрядки пользуйтесь герметическими комнатами, они расположены на каждом этаже, их двери окрашены в желтый цвет».

Тосио вошел в прозрачную кабину для переговоров. Ни один звук не просачивался из-за ее толстой, плотно пригнанной двери, мы только видели, как Тосио шевелил губами. Разговаривал он около двух минут, что для Города Осьминогов очень долго. Наконец он вышел и сказал:

— Разрешили, когда узнали, с кем имеют дело. Вот одно из преимуществ славы!

Нас вытолкнуло сжатым воздухом из выходного шлюза, и мы попали в голубые утренние сумерки. Столб воды, давивший на каждую клетку нашего тела, как бы выталкивал из нее крупицы накопленной усталости. Через каких-нибудь пять минут я почувствовал себя также, как во время ежедневного утреннего купания после семичасового сна.

Не проплыли мы и ста метров, как нас встретил один из дружинников на открытом гидрокаре.

— Садитесь, ребята,— пригласил он нас, разворачиваясь и сбавляя ход,— вам еще понадобятся силы.

Через прозрачное стекло виднелось совсем юное лицо, хотя сложен он был, как греческий дискобол.

Тигровые звезды встречались редко, и то возле них уже находилось два-три человека, налаживающих стропы для подъема хищниц. Одну тигровую звезду мы совсем случайно заметили, уже поднимаясь на поверхность; она присосалась к днищу рефрижератора и уже порядочно очистила его от ракушек и водорослей.

— Оказывается, и эти твари могут быть полезны,—
сказал Костя и добавил: — Если бы...

Все поняли это «если бы»...

Водитель гидрокара доставил нас в небольшую гавань, где стояло несколько яхт, требующих ремонта, туристские катамараны, скутеры и прочая водяная мелочь — собственность Города Осьминогов; здесь же выглядывали из воды «летающие блюдца», и между ними покачивался на легкой зыби глубоководный батискаф, похожий на марсианский вездеход ярко-красного цвета; на его рубке стояла метровая буква «Б» и таких же размеров цифры «08». Это была последняя модель, хорошо зарекомендовавшая себя более чем в ста погружениях почти во всех морях.

На палубе батискафа находилось несколько человек. Судя по направляющим желобам, два инженера устанавливали реактивную пушку. В распахнутый люк грузили небольшие контейнеры с продуктами и аккумуляторы.

Мы подошли к борту «Б-08». Моряк в желтых шортах и тропическом шлеме поднял руку, приветствуя нас.

— Вот и отлично! — сказал он.— Через пятнадцать минут мы установим пушку и загрузим все необходимое.— Он несколько критически рассматривал нас.

Когда мы поднялись на палубу, он сказал:

— Мы получили множество предложений от весьма опытных акванавтов, но Совет Лусинды предпочел вас, и я одобряю его выбор.

Взгляд этого человека говорил совсем о другом.

Тосио сказал ему:

— Ваша тревога делает вам честь, но...

— Извините, я отвечаю за всю операцию по спасению экипажа.

— Там наши друзья,— закончил фразу Тосио.— Очень близкие нам люди.

— В данном случае не это имеет значение.

— Вы еще хотите спросить, есть ли у нас права на вождение батискафа.

— Да, подумал и это.

— Права у нас есть.

— Класс?

— Первый «А», все типы машин.

Моряк в желтых шортах с облегчением вздохнул:

— Отлично, ребята! У меня больше нет вопросов.

— И у нас их нет.

— Можете выходить из гавани, правда, это довольно громкое слово для нашей загородки. Вам следует спешить. Вы идете первыми. Извините, я, кажется, загородил вам вход. Человек в желтых шортах как бы нехотя пропустил нас в прозрачную рубку из кварцевого стекла и стали.

В батискафе было просторно. Удобные сиденья, круговой обзор. Нам уже приходилось плавать на таких кораблях в начале этого лета. Они очень послушны и надежны, их литой корпус выдерживает колоссальные давления.

Часть специального оборудования из батискафа вынесли, его кабина стала больше и удобней. Пульт управления напоминал панель компьютера, да здесь и находилась счетно-решающая машина, позволяющая молниеносно решать задачи. Инженеры подключили к ней механизм управления пушки. ЭВМ прокладывает курс, ведет корабль, фиксирует глубину, силу течений, анализирует состав воды и выполняет еще множество операций. Перед пультом — пять вращающихся кресел; нажатием рычажка они превращаются в удобные кровати.

Тосио занялся проверкой навигационного оборудования, картами, Костя — размещением грузов, я проверил работу двигателей и доложил Тосио об их полной готовности. Костя принял последнюю коробку с питательными тюбиками и также сообщил об этом Тосио. Никому из нас никогда не приходило в голову оспаривать у нашего сенсея пост капитана.

В свою очередь Тосио сказал моряку в желтых шортах самым будничным голосом:

— Все в порядке, разрешите отваливать?

— Счастливо. Вы не особенно обижайтесь на мою подозрительность. Сами понимаете, что дело очень серьезное, а вам мы даем самую лучшую машину. — Он кивнул, и на лицо его легла прежняя озабоченность.

Нас взял на буксир быстроходный катер. Он доведет нас до кромки Барьерного рифа, где его отвесная стена уходит в глубину до трех тысяч метров. Здесь оборвалась связь с батискафом Антона и Веры.

Катер быстро помчал нас на восток. В открытый люк летели брызги, врывался теплый ветер.

Мы с Костей в бездействии сидели в креслах. Тосио, повернувшись к штурманскому столику, внимательно изучал внешнюю сторону Большого Барьерного рифа.

Костя сказал весело:

— Вы только посмотрите, кто нас так стремительно мчит!

Действительно, на корме стояло: «Дядя Петя» и порт приписки — Одесса.

Костя тут же завел разговор с командой катера.

Капитан, помощник и механик «Дяди Пети» были с «Симферополя», гигантского холодильника, перевозившего продукты Лагуны в Европу.

Капитан «Дяди Пети» сказал:

— За ночь мы подняли на борт более трехсот ваших звезд. Скоро мы загрузим ими все камеры. Что мы с ними станем делать?

— Найдется применение,— успокоил Костя,— хотя бы получать из них удобрение, но думаю, этим не ограничится их полезность. Вот сегодня мы видели, как одна звездочка очищала подводную часть от ракушек, может быть, даже у вашего морозильника.

— Неплохая мысль, да как ими управлять? Сегодня передавали, что есть новые случаи нападения звезд на людей.— Сделав небольшую паузу, он спросил: — Это правда, что вы сражались с пришельцами?

— Небольшая стычка. У нас случались встречи и посерьезней...— вмешался Костя.

Тосио помешал ему поведать экипажу «Дяди Пети» одно из захватывающих приключений, произошедших с нашим Костей, он сказал с тревогой в голосе:

— Только бы у них не вышла из строя система регенерации воздуха!

Все притихли, стремясь разгадать, что же произошло с нашими друзьями. Мы гнали прочь черные мысли. Костя нарушил тягостное молчание:

— Скорее всего, у них испортился передатчик. С «блюдцами» это случается. Помните, как мы потеряли связь близ Плавающего острова и какой потом получили нагоняй?..

Из репродуктора послышался тихий, внятный голос,

а на экране видеотелефона появилось похудевшее лицо Чаяри Сингха.

— Экипаж «Б-08». Говорит инспектор Чаяри Сингх. Вы меня слышите?

— Отлично, Пьер,— ответил Тосио.

А Костя добавил:

— И даже видим.

— Ах, это ты, Костя! Приятно слышать твой голос, полный оптимизма. Вот сейчас я и тебя прекрасно вижу, а также Ива. Помните, друзья, что рубеж поисков — на глубине два пятьсот. И ни метра больше.

Тосио ответил:

— Больше «блудце» не выдержит, знаю, Пьер.

— Отметь координаты района поисков.

Инспектор назвал координаты, и Тосио обвел квадрат на карте красным фломастером.

Инспектор повторил:

— На глубине двух с половиной. Предполагается, что у основания рифа база пришельцев. Приемники не выключать. За рифом пользуйтесь гравитатором.

— Есть, Пьер!

Теперь каждое наше слово, каждый звук в кабине слушали десятки людей; судя по нацеленным на нас объективам, поблескивающим в потолке, нас также и видели, даже если бы мы выключили видеотелефон.

Костя спросил Тосио:

— Ну, а если мы заметим пришельца?

За него ответил Пьер:

— Сделайте вид, что не видите его.

— Но это невежливо.

— Что поделать. При следующей встрече попросите извинения.

Прилив почти закрыл пеструю поверхность рифов, все явственней слышался грохот океанского прибоя. Батискаф стал зарываться носом в волнах. Тосио сказал капитану «Дяди Петя», что отдает буксир и дальше пойдет своим ходом.

— Есть! Принимаю буксир!

«Дядя Петя» проводил нас до линии прибоя.

Мягко захлопнулся люк, наступила тишина. В стекла полился голубоватый свет.

Стрелка показателя глубины медленно поползла вверх.

Тосио сказал в микрофон:

— Вера, Андрей, где вы, что с вами? Отвечайте, мы идем к вам на помощь!

В ответ послышались лишь слабый шум и потрескивание, напоминающие мирный разговор креветок.

ПОД СЕНЬЮ РИФА

Антон выравнивал батискаф, Вера следила за прицелом и, как только светящийся шарик попадал в перекрестье, нажимала красную кнопку на пульте управления.

Подгоняемый отливом, пришелец отступал в сторону океана. Аэрозольные петарды явно пришлись ему не по вкусу: кроме пугающего облака, они распространяли еще и фермент, выделяемый моллюском тритоном, единственным серьезным врагом морских звезд.

После каждого выстрела Антон пытался уйти к Городу Осьминогов, но, как только течение уносило пугающее облако, чудовище бросалось к «летающему блюдцу», и опять приходилось стрелять, и отливное течение уносило крохотное суденышко все дальше и дальше, к кромке Большого Барьера рифа.

Осталось не больше десятка снарядов. Антон взглянул на светящуюся карту дна Лагуны, и зябкий холодок побежал по его спине: они вошли в один из каналов, соединяющих Большую Лагуну с океаном, и течение мчало их между извилистых подводных берегов вслед за пришельцем. У двигателя не хватало мощности, чтобы перебороть силу течения; нельзя было и всплыть, так как над подводным корабликом уже бушевал прибой.

Мощный прожектор батискафа освещал летевший на встречу правый берег канала, похожий на причудливо вытканный ковер.

Вера притихла, глядя вперед и держа палец возле красной кнопки: пришелец мог остановиться и неожиданно напасть на них.

— Вера!

— Да, Антон.— Она повернула к нему голову и залюбовалась его четким, сосредоточенным лицом. Она видела, что ему доставляет наслаждение эта бешеная гон-

ка по каналу, необыкновенная охота, что он счастлив, ощущая ее близость. Она улыбнулась ему: — Да, Антон.

— Скоро выйдем в океан, скорость уменьшается. Ты обратила внимание, какая пышная жизнь по берегам канала, хотя здесь неимоверно трудные условия для выживания? Какие пышные кораллы, анемоны, водоросли, а их бесконечно треплет течениями.

— Самые жизнестойкие виды находятся в полосе прибоя: сопротивляясь напору волн, они становятся сильнее, выносливее. Ты заметил, как нежны и хрупки кораллы в тихих заводях лагуны и как крепки там, где условия более суровые?

— Все это так и мне знакомо, но я не перестаю удивляться пластиичности жизни.

— И я также, Антон. Стоит хоть немного изменить условия — и уже через несколько поколений начинают проявляться особенности, не свойственные данному виду, и если развитие растений направлять...

— ...то можно заставить его даже двигаться, я же видел твоих ходячих питомцев. Странные создания! Не верится, что это не электронные игрушки.

— Инерция мышления, Антон.

— Согласен. Но человек за миллионы лет привык видеть растения неподвижными, а тут вдруг взяли да и пошли.

— Вот и неправда.

— Так, по-твоему, и прежде кустарники расхаживали по дорогам?

— Ну, не расхаживали, а поворачивали венчики цветов вслед за солнцем, двигались лианы, мимоза сворачивала листочки, мы только использовали эти свойства.

— Вера!

— Да, Антон?

— Тебе хорошо?

— Очень.

— Вот и прекрасно.

— Да, Антон.— Она счастливо засмеялась.

Антон глубоко вздохнул, сжимая штурвал. Берег канала ушел в сторону, течение сильно ослабло. Казалось, что «летающее блюдце» застыло на месте.

— Я попробую связаться со штабом,— сказала Вера.

Она несколько раз повторила в микрофон позывные штаба самообороны. Никто не ответил.

— Что-то случилось с нашим аппаратом,— сказала Вера.— Помнишь, как нас тряхнуло, когда пришелец пошел в атаку?

— Исключено, Вера. Все содержимое нашего «блюдца» рассчитано на очень сильные перегрузки. Как жаль, что у нас нет гравитационного телефона! Да ничего, скоро мы поднимемся на поверхность.

Внезапно ультразвуковой приемник ожила:

— Ну, стреляйте же! Стреляйте! Рой, что с тобой? Ты ждешь, чтобы он проглотил тебя вместе с пушкой?

Послышалось шипение и через несколько секунд хлопок.

— Есть! — сказал кто-то знакомый.

И второй, тоже знакомый голос добавил:

— Разнесло голубчика, ни рожек ни ножек...

— Ножки остались, и из каждой вырастет новый малютка.

Вера сказала:

— Там, кажется, убили пришельца! Вот поднимут шум члены Общества охраны пришельцев! Да, да, уже и такое общество образовалось, я слышала перед посадкой в «блюдце».

— Ты узнала?

— Кто-то очень знакомый.

— Костя, Илья, Натка Стоун. Ты разве никогда не слышала ее голоса?

— Ну конечно, слышала. Это та, что работала в Космосентре, а сейчас прибыла в Лагуну? — Вера почувствовала, что он чему-то мысленно улыбается, и ревность сжала ее сердечко.— Ты что замолчал? Что-то вспомнил? Да? — спросила она.

— Вспомнил, что все компьютеры в космосе говорят ее голосом.

— И не скучно такое однообразие?

— Представь, нет. В нем есть что-то необъяснимо успокаивающее, проникновенное. А в полете так этого не хватает.

— И она очень красива...

— Да, красива.

— Но ты хочешь сказать, что я лучше, дороже и так далее?

— Хотел, Вера.

— И хорошо, что не сказал.— У нее на глаза навернулись слезы.

— Глупая, хотя и выдумала ходячее дерево.

— Ну и ладно... Ты не обижайся, Антон, я знаешь что подумала?

— Нет.

— Вот ты полетишь и будешь слушать ее голос.

— Вера, Вера!

— Я сейчас свяжусь со штабом.

— Самое время.

Никто не ответил Вере и на этот раз.

— Оставь! — сказал Антон.— Мы в тени кораллового барьера. Вот поднимемся на поверхность...

— Что же мы не поднимаемся?

— Ты посмотри на батиметр.

— Выползаем, да что-то очень медленно. Или ты опасаешься, что попадем в прибой?

— Ну конечно. Сейчас над нами несутся десятиметровые валы. В такой крохотной кабине не особенно приятно очутиться вниз головой. Или рискнем?

— Ну конечно, нет! Пожалуйста, отойдем подальше... Еще не хватало нам стоять на голове! И учти, Антон, что пришелец где-то недалеко. Ты заметил, как он злился, когда я усиливал мощность приемника?

— Что-то не замечал.

— Неужели не заметил? Он же раскалялся, как уголь, становился красно-пепельным с синими разводами.

— Наверное, я увлекся управлением «блюдечка», оно то и дело становилось на ребро, особенно когда усиливалось течение и при атаках этого щеголя.

— Действительно, щеголь. Это что-то среднее между тигровой звездой и кальмаром, и заметь, не простым кальмаром, а Великим.

— Мне рассказывал Костя, как они встретились с ним.

Вера, сдерживая волнение, спросила:

— Ты видишь свет слева?

— Ну конечно, медуза. И справа и впереди... В этом году их множество. Океан стал необыкновенно плодовит.

— Это замечено уже давно. Только его плодовитость, как ты выразился, носит странный характер: он производит на свет уродов.

— Это с нашей точки зрения.

— Да, ты прав. Никто еще не распознал истинных целей природы.

Антон улыбнулся.

— Ты чему улыбаешься? — спросила она.

— Тебе, Вера. Ты мудра и загадочна. В твоей маленькой головке бездна мыслей и идей. И что бы ты ни сказала, Вера, я тебе верю. Верю Вере! О, как здорово: верю Вере!

И они засмеялись, как над забавным открытием.

Батискаф вылетел на поверхность океана и закачался, как поплавок.

— Я сейчас открою люк, и мы глотнем морского воздуха.— Антон включил мотор, открывающий люк, и как только образовалась щель, в нее влетела струя воды.

— Закрой, закрой! — вскрикнула Вера, вытирая лицо.— О, как нас качает, прямо бросает к облакам!

— Так снова в пучину?

— Никогда! Пусть качает как угодно. Ты только посмотри, какие звезды! — Она жадно всматривалась в потолочный иллюминатор, там на иссиня-черном небе горели крупные звезды.

Антон включил вентиляцию, и кабина наполнилась свежестью.

— Зачем было открывать люк? — спросила Вера.

— Хотелось увидеть небо пошире.

— Ты более нетерпелив, чем я.

— Иногда. Очень часто приходится ограничивать себя. У нас, космолетчиков, тысячи запретов.

— Уж и тысячи?

— Ну, сотни, и никак не меньше.

— Это много... Антон!

— Да, Вера.

— Ведь ты скоро улетишь?

— Да, Вера.

— И ты ждешь с нетерпением последних секунд отсчета?

— Ждал, Вера.

— Правда? Теперь тебе не хочется лететь?

— Нет, хочется, Вера, и в то же время жаль расставаться с тобой.

— О, я не могла бы полететь. Я побывала в вашем космосе. Ничего, кроме постоянного желания вернуться на Землю.

— Спутник еще не в космосе. Это же у порога дома. Космос там, за орбитой Луны...

— Я буду ждать, Антон. Экспедиция займет год, не больше ведь, верно?

— Меньше года: «Земля» скоростной корабль. Какое сооружение!

— Я видела его. Стоит на лунном космодроме, как свеча, большая нелепая свеча.

— Ну нет, Вера, планетолет напоминает башню, гигантскую башню.

— Нет, свечу!

— Ну хорошо, пусть свечу, космическую свечу. Если ее зажечь, то осветится вся лунная поверхность и свет ее будет виден на Земле.

— Пусть будет так. Долго нам еще плыть?

— Нет, не очень, около часа. Вызови еще раз штаб.

— Не отвечает.

— Вот теперь ясно, что радиоаппарат неисправен. Ведь нашим «блюдечком» давно не пользовались, его взяли из резерва, хотя уверяли, что оно в идеальном состоянии. Какой-нибудь пустяк. Надо будет посмотреть в порту, а не то опять поставят в резерв с неисправным приемником.

— Неужели неисправен и ультразвуковой?

— Ну нет. Мы все время находились в звуковой тени. А сейчас тем более. Лагуна для нас закрыта.

— Наверное, думают, что мы погибли.

— Не исключено. Последняя неделя полна трагических случаев.

— Все-таки еще раз попробую.

Неожиданно кабина наполнилась звуками: слышались обрывки разговоров, музыки, перебивали свисты, шорохи, щелчки.

— Послушай на нашем диапазоне,— попросил Антон.

Сразу же они услышали усталый голос, повторяющий:

— «Л-101», «Л-101», почему молчите? Отвечайте!
«Л-101»...

Но передатчик не работал.

— Неприятная история,— сказал Антон.— Сколько неприятностей из-за нас! Там уже двинули всю флотилию батискафов на наши розыски.

— Мы сможем войти в канал при таком прибое? — спросила Вера.

— Ну конечно. Канал при входе очень широк. К тому же там большое движение, в крайнем случае нас подберут. Горят ли у нас ходовые огни?

— С моей стороны горит красный..

— Ну, а с моей — зеленый.

Батискаф подняло на гребень волны, и они увидели большой, залитый огнями корабль. Он шел встречным курсом в километре от них. Вера подумала, что можно выстрелить одной из петард, в воздухе она рассыплется чудесным фейерверком, корабль их заметит, и через каких-нибудь полчаса она будет лежать в прохладной кровати... Она тут же отогнала эту мысль: только из-за ее изнеженности останавливать такое огромное судно, тревожить команду,— нет, она неплохо может устроиться и в своем кресле.

— Ты можешь вздрогнуть,— сказал Антон.— На-жми рычажок справа у сиденья.

Спинка мягко откатилась, и Вера очутилась в узкой, но довольно удобной кровати.

— Я только полежу, а то от качки у меня что-то с головой,— сказала она, сладко зевнула и в то же мгновение заснула.

Антон вел батискаф, стараясь не попадать под нависающие гребни волн: тогда кораблик исчезал под водой и внутрь через вентилятор, хотя у него и был антиводяной клапан, попадали холодные соленые брызги.

Уже показался маяк у входа в канал, когда в ста метрах от батискафа на гребне волны вспыхнуло розовое пламя и погасло. Не прошло и минуты, как впереди почти одновременно, теперь уже ближе, вылетели из воды два пришельца и, пролетев метров двадцать, врезались в воду, подняв каскады фосфоресцирующих брызг. Задний стереоскоп показал, что и там вспыхнуло вначале розовое, а затем алое пламя.

«Я же включил все бортовые средства связи,— поду-

мал Антон.— Правильно ли я сделал, раздражая пришельцев? Может быть, следует оставить попытки связаться со штабом или с кем-либо еще находящимся поблизости? А что, если им нравится ультразвуковой душ, что льется из нашего «блюдца»?»

И в третий раз появился пришелец. Он выскочил из воды совсем близко и перелетел через батискаф, слегка задев его щупальцами. Машина глубоко ушла в воду.

— Что такое? — проснулась Вера.

По лицу Антона она сразу поняла, что случилось, поставила спинку кресла на место и подготовилась к стрельбе петардами.

Антон не стал выходить на поверхность — там батискаф был беспомощен, его могли атаковать со всех сторон, он же мог только стрелять в воздух безвредными петардами. На глубине легче следить за приближением опасности, и там пока на противника действовало аэрозольное облако.

Вера все еще находилась под впечатлением увиденного сна.

— Мне снилось,— сказала она,— что мы с тобой гуляем по платановой аллее, благоухают листья, скрипит под ногами песок и будто ты уже вернулся с Марса, и ты очень весел...

— Огонь! — подал команду Антон.

Вера выстрелила и, глядя на темное облако, освещаемое прожектором, продолжала:

— Неожиданно перед нами появился Мокимото...

— Еще огонь!

— Скорее, дым,— сказала Вера, нажав красную кнопку.

Страха в ней не было. Она была счастлива, что находится вместе с Антоном, что опасность еще больше сближает их.

Антон развернул батискаф на 180° , и Вера послала снаряд в пришельца, зашедшего с тыла. Антон сразу решил, что им легче будет обороняться, если они подойдут к отвесной стене Большого Барьера рифа, и повел машину задним ходом. Батискаф опускался все глубже и глубже, чтобы приливные волны не раздавили его, пока он не достиг глубины ста пятидесяти метров. Все это время Вера посыпала петарды в наседающих пришельцев.

— У нас два снаряда осталось,— сказала она Антону, и опять у нее не появилось страха за жизнь: так уверенно было лицо ее возлюбленного, движения его неторопливы, решительны.

— Пока не стреляй. Так говоришь, что видела меня во сне?

— Да, Антон. Ты был очень красив и понравился Мокимото, а он, должна тебе сказать, разбирается в людях, у него так мало привязанностей.

— Стреляй!

— Теперь у нас всего один...

— Ничего, мы подошли к стенке.

Антон включил все фары. Они находились под навесом поросших мшанками глыб; здесь, близ границы вечной тьмы, уже не росли кораллы, только колыхались под напором течения красноватые водоросли, виднелись морские лилии и еще какие-то растениевидные колонии животных. На огромной скорости пронесся серебристый скаж небольших рыбок.

Антон остановил батискаф и сказал:

— Здесь мы подождем, пока пришельцам не наскучат бесполезные атаки.

— Вот и отлично. Ты выбрал уютное местечко.— Она посмотрела в иллюминатор и слегка вскрикнула от изумления: — Ты только взгляни, что за существо сидит на уступе и таращит на нас глаза на тоненьких стерженьках! Кажется, мы открыли новый вид ракообразного. Как он элегантен! Клешней протирает глаза: не приснилось ли ему наше «блюдце»?

— Да, прекрасный экземпляр,— ответил Антон, бросив мимолетный взгляд на рака, и снова стал смотреть туда, где должны были находиться пришельцы.

Свет пронизывал необыкновенно прозрачную воду и где-то далеко рассеивался, образуя светлое облако.

Они старались говорить о самых обыденных вещах, не выказывая тревоги.

Антон сказал:

— Я в этой суматохе потерял сандалию.

— Так она здесь, твоя сандалия, под ногами.

— Ты можешь снова вздрогнуть,— сказал Антон.

— Ну нет, теперь твоя очередь.

— Я привык не спать по несколько суток. Бдение входит в тренировки космонавта.

— Ну нет, я соня, а вот сейчас спать совсем не хочется. Знаешь, почему?

— Нет, Вера, не знаю, почему не хочется спать после бессонной ночи.

— Взошло солнце! Уже половина седьмого! Кто же спит, когда взошло солнце?

— Никто,— улыбнулся Антон.— Никто не спит, когда Гелиос выезжает на своей лучезарной колеснице. У нас включен приемник?

— Да, включен.

— Прибавь громкость.

И они услышали голос Кости:

— Вера, Антон! Мы идем к вам на выручку! Где вы?

Отвечайте.

Вера, сдерживая радость, ответила:

— Не тревожьтесь, ничего страшного. Мы отсиживаемся в гроте Барьера рифа. Возле нас рыщут несколько пришельцев.

— Сколько?

— Было три. Сейчас, наверное, два.

— У вас есть оружие, вернее, мины или как они там... пистарды?

— Есть.

— Сколько?

— Одна. Но ты не тревожься. Только идите к нам побыстрей.

— Идем, Вера! Антон! Как самочувствие, дружище?

— Отличное, Костя. Идите вдоль рифа на глубине ста пятидесяти метров. У нас горят все прожектора...

Антон умолк, увидев пришельцев. Вера не ошиблась, их пока было два; они медленно приближались, двигаясь на расстоянии десяти метров друг от друга.

— Почему замолчали? Антон, Вера!

— Пришельцы,— почему-то прошептала Вера.—

Два! Сейчас я их...

Антон приказал:

— Не смей без моей команды!

— Есть без команды не сметь!

— Пусть подойдут ближе. Целься в правого!

— Почему в правого?

— Он, кажется, больше.

— В правого так в правого. Смотри, как они опять

раскаляются. Им не нравятся наши ультракороткие волны.

Тосио сказал:

— Выключите! Они свирепеют от ультракоротких. Выключайте!

— Выключи! — приказал Антон.

Вера щелкнула тумблером, не сводя глаз с правого чудовища. Казалось, у него не было дурных намерений, просто его мучило любопытство и он хотел поближе рассмотреть тоже «пришельцев», вторгшихся в его мир. Он стал заметно бледнеть, но скорости не сбавил. Второй немного поотстал.

Вера торопливо прошептала:

— Их привлекает свет. Надо выключить. Все равно нам их будет видно, Антон!

— Выключаю, Вера. Не стреляй!

— Мы же договорились, что по твоей команде.

— Молодец!

— Еще бы! Ой, как они хороши!

Действительно, перед ними открылось совершенно фантастическое зрелище. Пришельцы купались в истощаемом ими же розовато-голубом свете. Глаза-диски переливались тысячами бликов, передние двадцатиметровые «руки» с клешнями были похожи на остывающие стальные прутья.

Из приемника слышался голос Кости:

— Мы их отвлекаем на себя! Включили на полную мощность свою ультразвуковую пушку. Посыпаем импульсы вдоль стенки рифа. Не высовывайтесь! Сидите до нашего прихода!

— Стреляй! — приказал Антон.

Вера помнила, как навела перекрестье прицела на глаза-диски правого пришельца, горизонтальная линия чуть ниже диаметра дисков, нажала красную кнопку, выделя, как мелькнула последняя петарда, но почему-то, обогнув цель, улетела в темноту.

— Ну, ничего... — проронил Антон. — Ничего, Вера.

— Как ничего! — со слезами в голосе вскрикнула Вера. — Я промазала! В двух шагах! Что же теперь...

— Успокойся, Вера. Все-таки ты их напугала. Видишь, они остановились и, кажется, совещаются.

— Ты все шутишь! А как же мы теперь?

— Ничего не изменилось, Вера. Смотри, один отвалил влево. Может, его в самом деле отвлекают ребята своей пушкой. А вот у правого совсем другие намерения...

— Антон! Руки! Смотри, тянет к нам руки!

— Вижу, Вера. Успокойся. Нас не так-то легко взять голыми руками.

Как у всех батискафов, у «летающего блюдца» на верхней полусфере находилась пара управляемых рычагов для сбора образцов в глубинах моря; при случае рычаги и резак на их концах могли послужить и средством защиты, но только не от гигантского пришельца. Антон знал это и все же двигал манипулятором, улыбаясь Вере.

— Отлично работают.

— Правда?

— Сама посмотри.

— Да, да. Как здорово! — Вера закрыла глаза, увидев, как «рука» пришельца почти касается обшивки их кораблика.

Антону удалось зажать резаком «руку» пришельца выше клешни. Последовал рывок такой силы, что акванавтов вдавило в спинки кресел, как при выходе на околосземную орбиту. Антон невольно выпустил из рук рычажки манипуляторов. Пришелец врацал батискаф вокруг своей чудовищной головы, стараясь от него освободиться. Наконец лязгнул рычаг, вырванный из гнезда, и батискаф полетел вдоль стенки рифа, сам похожий на разгневанное чудовище.

Антон, привыкший к перегрузкам, ни на секунду не потерял сознания. Он ухитрился включить двигатель, и батискаф сопротивлялся изо всех своих сил, это-то и решило исход борьбы: пожертвовав механической «рукой», батискаф вновь получил свободу передвижения и спешно отходил под защиту стены рифа. Он слышал голоса друзей:

— Так держать, Антон! Мы заходим для атаки! Что вы сделали с пришельцем? Что за эволюции он совершает?

— Занят, бедняга, рычагом от нашего «блудца», никак не может от него избавиться.

Вера медленно приходила в чувство. У нее все плыло перед глазами: кружились приборы, то приближалось,

то удалялось лицо Антона, она смутно слышала его встревоженный голос:

— Вот и прекрасно, Вера. Теперь все. Уже виден свет батискафа. На вот, глотни...

Вера отстранила его руку с термосом. Она как зачарованная смотрела в иллюминатор на пришельца. Теперь он весь пылал рубиновым пламенем. Его гигантское тело конвульсивно подергивалось, медленно вращаясь на месте. Он старался освободиться от рычага батискафа, резак которого мертвой хваткой сжал его «руку» выше кleşни. Наконец пришелец прекратил вращение. Несколько секунд он висел неподвижно, словно раздумывал над создавшимся положением, затем взял другой «рукой» за рычаг и оторвал его вместе с кleşней. Из раны потекли голубые нити крови.

Из репродуктора слышалось дыхание Тосио, Кости, Ива. Кто-то из них сказал:

— Давай!

«Летающее блюдце» дрогнуло раз, другой. Пришелец стал меняться в цвете, как остивающаяся сталь, и медленно опускаться в глубину.

— Ну, вот и все! — сказал Антон. — И ничего страшного...

— Но как я испугалась, если бы ты знал!..

— И совсем не испугалась.

— Может, все это нам показалось?

— Ну конечно, Вера. Просто интересный сон.

СВЕТЯЩЕЕСЯ ЧУДО

«Золотая корифена» не была приспособлена для лова и транспортировки крупных морских животных; правда, на ней находилась довольно мощная лебедка, но с ее помощью мы могли поднять на палубу не более пятидесяти крупных звезд, поэтому Чаури Сингх приказал нам временно оставить яхту и перейти в распоряжение капитана «Атлантиды», гигантского рефрижератора, на котором было всего шестнадцать человек экипажа; к тому же всего трое из них могли считаться приличными аквалангистами. В пятнадцатом мы заарканивали звезд, и ре-

бита на палубе упрыгивали их в ледяные трюмы «Атлантиды».

Вначале тигровые звезды не реагировали на наше появление: у них не было врагов в океане и они чувствовали себя неуязвимыми. Все же очень скоро хищники поняли, что мы представляем для них опасность, и стали защищаться и даже перешли в наступление.

Все охотники на звезд были облачены в плотные костюмы подводных пловцов, доставленные сюда из полярных районов. Ни один участок кожи не должен был соприкасаться с водой, насыщенной ядовитыми выделениями этих гадов. Конечно, пришлось сменить и невесомые маски рааба на громоздкие, изолирующие от водной среды акваланги, изобретенные великим исследователем океана Жаном Ивом Кусто еще в XX столетии.

В первый день мы, вооружившись ампулометами, парализовали до какой-то степени своих противников, а затем набрасывали на них сети из акрилостилена, волокна которого превосходили по прочности сталь. Звезда вяльми движениями запутывалась в сети, и ее поднимали из воды.

На другой день у нас кончились ампулы. Где-то в звадах-лабораториях наращивали их выпуск и обещали, что через день-два у нас будет их в избытке, но ждать мы не могли, и вот тогда началась настоящая опасная борьба, чуть было не стоившая жизни одному из наших товарищей с «Атлантиды».

Тактика борьбы состояла в том, что мы обезвреживали звезд с флангов: здесь они отходили в стороны от основной лавины и с ними легче было справляться.

Мы наметили огромную звезду. Она пожирала колонию морских лилий, разбросав над ней все свои щупальца. Стали заводить сеть. Звезда увидела нас и стала приподниматься, готовясь к атаке. Мы накрыли звезду сетью и поплыли в стороны, остальное — запутаться в сети — мы предоставили ей самой, за что она и принялась с тупым упорством. И тут Роберт Вечентини, кибернетик с «Атлантиды», решил поправить сбившуюся сеть. Звезда выбросила одну из своих «рук» и в мгновение ока сорвала с него шлем с маской; счастье Роберта, что шланг был старый и порвался, а не то звезда подмяла бы Роберта под себя и он погиб бы на наших глазах. Кости и Тосио подхватили пострадавшего и вынесли на поверх-

ность. Правда, он с испугу порядочно хватил морской воды, да все обошлось благополучно. Роберт отделался нервным шоком и остался на поверхности, так что мы стали работать под водой впятером. Между прочим, больше участников и не нужно.

Надо сказать, что в более трудной и неприятной работе еще никто из нас не принимал участия. Все искупалось сознанием необходимости: ведь мы в числе пяти тысяч добровольцев отражали нашествие чуждой нам жизни, слепой в своей ярости и неумолимо жестокой.

В воде мы находились по три часа, затем всплывали на полчаса — и снова под воду. На обед и отдых уходило два часа, но нам троим хватало для восстановления сил и одного часа. Менее тренированным ребятам с «Атлантиды» приходилось тяжелее, и Тосио уговорил их использовать для отдыха и второй час, а не то могло получиться нечто похуже, чем с Робертом.

За неделю «Атлантида» приняла тысячу двести звезд, затем в Лагуну доставили тралы, и очистка дна пошла быстрее. Все же многое осталось и на долю пловцов-разведчиков — приходилось обезвреживать отдельных хищниц, расползшихся по дну.

С нами теперь работало все семейство Геры. При ликвидации колонны звезд, двигающихся к Лусинде, дельфинам было запрещено принимать участие в работе, так как от ядовитых выделений они получали смертельные ожоги кожи, теперь же, когда колонна звезд сильно поредела, дельфины стали главной силой в их розыске.

К концу второй недели «Атлантида» ушла со своим ядовитым грузом в Сидней, а мы снова перешли на свою «Корифену». Все эти дни ее неусыпно сторожил наш Гарри, отбиваясь от посягательств туристов-«дикарей», которые не участвовали в борьбе со звездами, но не прочь были пройтись на безнадзорной яхте. Перед уходом с яхты Костя вставил «немому» Гарри разговорный блок с весьма ограниченным запасом слов. Как только его тепловой локатор нашупывал на причале туристов, раздавался грозный Костин голос, записанный в разговорном блоке:

— Прошу не подходить близко к борту! Яхта отравлена ядом тигровых звезд!

Конечно, после такого окрика ни один турист не появлялся на палубе в наше отсутствие. Теми же словами

встретил Гарри и нас и пытался бесконечно повторяться, пока Костя не вынул из него блок, сказав:

— Помни, старина, что главное твое достоинство — это слушать и выполнять приказы. Ступай к штурвалу и не забудь принайтовать свои ноги к палубе, а не то при первой волне покатишься, как пожарный баллон.

На это Тосио заметил:

— Нет ничего легче, чем давать советы...

«Корифена» опять в свободном плавании. Утренний бриз осторожно наполняет оранжевые паруса яхты, чуть креня ее на левый борт. Лагуна близ Лусинды очистилась от больших рефрижераторов, только небольшие суда-снабженцы желтеют там и сям на синей воде: они или выуживают последних тигровок, или, как и мы, несут разведывательную службу.

По яхте разносится аппетитный запах жареной рыбы: сегодня очередь Тосио готовить еду. Надо сказать, что он на это непревзойденный мастер, его блюда всегда приготовлены не из консервов, а из даров океана. Еще с вечера перед днем дежурства он попросил Геру доставить к утру определенный вид рыбы, устриц, голотурий, водорослей. В сочетании с приправами, которые Тосио хранит в холодильнике, получаются, как говорит Костя, «кулинарные сонеты и поэмы».

Костя, настыривая, возится с видеофоном. Он вытащил его на палубу и сидит с ним в позе Будды на разостланном белом брезенте. Из открытого люка тянется по брезенту красный шнур паяльника. Костя в одной руке держит паяльник, а в другой — крохотную деталь.

— С этими ядовитыми уродами, — говорит он, — мы растеряли все связи с друзьями, близкими. Вот наложу аппарат и первым делом соединюсь со своими. Стыдно сказать, скоро месяц, как я не виделся ни с кем из домашних. Хотя думаю, они должны понять, что мы тут не танцуем круглые сутки.

Явно Костю мучает совесть. Видеофон, да еще какой, находился на «Атлантиде», а он и не подумал связаться с родными. У меня тоже нехорошо стало на душе, так как и я не нашел на это времени. У нас один Тосио каждый вечер виделся со своими стариками. Отец и мать у него преподают в одной школе где-то в городке-спутнике близ Киото.

Костя поминает черта. Он обжегся паяльником.

— Невыносимо! — говорит он, поводя пальцем по воздуху.

— Сильно обжег? — интересуюсь я.

— Да нет, пустяк. Я не по этому поводу. Неужели ты не чувствуешь?

— Что?

— Тосио соорудил что-то невероятное.— Он жадно втянул ноздрями воздух.— Меня аж в дрожь бросило. Тосик! — позвал он умоляюще.

— Я слушаю тебя, Костя.

— Долго ты еще будешь нас мучить?

— Еще только двенадцать минут. Обед будет подан точно по судовому расписанию.

— Муки по судовому расписанию, это что-то новое на флоте. Ты вот что, сенсей, дорогой, дай нам по кусочку на пробу. Вот по такому, крохотному.

Тосио не ответил, но через минуту поднялся с двумя бутербродами. Он подождал, пока мы с жадностью проглотили восхитительную рыбу с лепешкой — тоже произведение Тосио.

— А еще можно? — безнадежно попросил Костя.

Тосио расцвел в улыбке и покачал головой:

— Теперь только через десять минут.

Вдруг, посерезнев, Тосио метнулся вниз и скоро загремел кастрюлями: видно, что-то у него там подгорело.

С наветренной стороны плывет семейство Геры. Пуффи то вырывается вперед, то отстает, а затем догоняет родных, развивая огромную скорость. Хох и Протей — сын Протея надолго исчезают под водой, проверяя, чисто ли дно от тигровых звезд. Я поглядываю на экран, по которому стелется обглоданное дно Лагуны. Сила жизни океана так велика, что уже видны рдеющие анемоны, редкие, правда, «цветы» коралловых полипов, колонии кольчатых червей; но вот на экран врывается прежний цветущий оазис с бесконечным разнообразием форм и красок. Под килем не больше десяти метров, солнце ярко освещает дно в его праздничном убранстве.

Появилась стая морских ласточек-качурок. С веселым писком они носятся за кормой; одна налетела на парус и, пискнув, упала на палубу. Распластав крылья, она лежала, раскрыв клюв и с ужасом поглядывая на нас. Штурмовые ласточки обычно предпочитают более умеренные широты, они любят бурную погоду. Что их

занесло в тропики? Наверное, обилие корма. Я взял ласточку в руки. Костя сказал:

— Осторожней! Может быть, в нее вселилась душа погибшего моряка и стоит тебе ее разгневать, как не обрешься беды.— Костя вздохнул и продолжал: — Как все у них было просто, у наших предков, легко и все объяснимо! У них не умирало сознание, или, как они называли, душа, она переселялась или на небо, в ад или рай, или вот в такую птичку и продолжала жить, посясь над волнами.— Костя задумался, углубившись в изучение хитроумной схемы.

Я подбросил качурку в воздух, и она тут же смешалась со стаей. Из песочных часов — дань романтике прошлого — тоненькой струйкой высыпался последний песок. Я отбил восемь склянок на древней рынде, небольшом колоколе, поднятом в прошлом году со дна моря. Колокол принес Хох, зная, как мы ценим такие находки. Рынду очистили, и теперь она, к восторгу всех дельфинов, оповещает о частицах уходящего времени. Услышав звон рынды, Пуффи вылетел из воды и затем метров пять шел на хвосте, найдя предлог, чтобы выразить безмерную радость, всегда переполняющую все его существо.

Небо затянули перистые облака, сквозь них жарко палило солнце, стоявшее почти над головой. Паруса не давали тени. От прямых солнечных лучей спасал тент; под ним было вполне терпимо, особенно когда налетал порыв ветра и обдавал нас прохладными струями: утренний бриз давно сменил вечный и неизменный пассат.

Костя выключил паяльник и разгладил брезент, уловив звон посуды, а затем осторожные шаги Тосио. Он поднимался с подносом. Мы с Костей встали возле тамбура, готовые подхватить поднос с яствами, паче чаяния он начнет выскользывать из рук дежурного кока. Наши опасения оказались напрасны. Никто так уверенно не держится на палубе, как наш Тосио: даже в самую сильную качку его ноги словно прирастают к ней.

Огромный деревянный поднос, покрытый золотистым лаком, ломился от мисок, чашек и чашечек, полных аппетитнейшей снеди.

Костя, расставив руки, ступая, как балерина, проводил Тосио до брезента и с облегчением вздохнул, когда Тосио благополучно поставил поднос на палубу.

— Уф! — выдохнул он.— Ты, Тосик, многим рискуешь, перемещая таким образом ценности. Представь себе...

— Не порть себе аппетита мрачными мыслями, Костя,— сказал Тосио, усаживаясь у подноса.— Прошу. Вначале вот этот салат под острым соусом. После — суп из черепахи, затем рыба с гарниром из водорослей, трепантов и улиток...

Мы уже упивались салатом и втягивали ноздрями волшебный аромат черепахового супа.

На десерт Тосио подал охлажденный ананас, манго, виноград без косточек и даже арбуз.

— Ну, братец...— только и мог сказать Костя, протянув руку к багряному ломтию арбуза.

После обеда Костя, пользуясь правом подвахтенного, растянулся на брезенте-скатерти и тут же уснул. Тосио стал тщательно мыть посуду в морской воде иставил ее на поднос сушиться на солнце. Я дремал, глядя на движущееся дно на экране. Экран засеребрился от стаи мелкой рыбешки, промелькнуло тело какого-то дельфина; они тоже завтракали, без наших удобств, но с не меньшим аппетитом.

Качурки, не отстававшие от яхты, гурьбой кидались в воду за остатками пищи с нашего стола.

Тосио сказал:

— По всей видимости, усиливается ветер. Штормовые ласточки — спутники бури. Что-то мне сегодня не хочется попасть в шторм. Наверное, оказывается некоторая усталость, не физическая, а нравственная усталость после тигровых звезд. Странные создания! Если бы не человек, то в природе могли наступить коренные изменения.

Я вяло сказал, чтобы поддержать разговор:

— Думаешь, наступил бы век иглокожих?

— Возможно, хотя мы еще полностью не избежали опасности. Я думаю, вот так же в мезозойскую эру могли появиться первые ящеры, и затем они миллионы лет владели морем и сушей.

Яхту тряхнул порыв ветра. Чарли блестяще выровнял крен, лег на прежний курс. Костя проснулся, сел и сказал:

— Лечь в дрейф...— И снова растянулся на брезенте.

Мы с Тосио еще с четверть часа поговорили о причу-

дах природы и необходимости не нарушать в ней равновесия сил. Потом Тосно спустился к себе в каюту, сказав, что ему следует закончить главу работы об органах чувств осьминогов и кальмаров, начатую месяц назад. Скоро из тамбура донеслось стрекотание диктофона, печатающего под диктовку Тосно.

Солнце перешло зенит. Облачность стала гуще. Барометр в рубке опустился на несколько делений. Я вызвал автоматическую станцию Службы погоды. Размеренный голос заверил, что ничего серьезного не ожидается. К вечеру ветер усилится всего до шести баллов, затем на нашей широте наступит штиль. Как обычно, автомат закончил сводку пожеланием счастливого плавания.

Все же мне не нравилась погода: вдруг охватывающая духота и это серебристо-сизое небо с оловянным кружочком солнца. Мне вспомнился полет на аэрокаре в прошлом году, когда мы увидели Великого Кальмара, поднявшегося со дна океана. Раскинув гигантские щупальца, Великий Кальмар нежился на солнце, а над ним вились морские птицы, и наша машина, как зачарованная, тоже стала описывать круги над солярием чудовища. Я вспомнил охватившую меня безвольную тоску, обморок Биаты, застывшие, как маски, лица друзей, желание выпрыгнуть из машины и, распластав руки, закружиться в хороводе чаек...

Звякнул автомат песочных часов, оповещая, что через десять секунд из стеклянного конуса высыпается весь песок. Я взял кончик тросика, привязанный за язык рынды, и, дождавшись, когда упала последняя песчинка, отбил две склянки.

Моментально проснулся Костя. Не от звона рынды — в нем шли очень точные «часы», он всегда просыпался в это время. Вскочив, Костя потянулся, проделал дыхательную гимнастику и, шагнув к борту, прыгнул в воду — так он начинал вторую половину дня.

Пуффи уже ждал его и закружился вокруг, предлагаая на выбор: или пуститься наперегонки, или нырнуть до дна. Костя выбрал перегонки и, конечно, к восторгу Пуффи, сразу безнадежно отстал. Пуффи скоро вернулся, и они поплыли рядом вслед за яхтой. Скоро пловцы скрылись в ослепительном мерцании солнечных бликов. Я вернулся к созерцанию морского дна. Снова мы шли

над цветущим садом. Глубина увеличилась до двадцати метров, краски стали мягче, расплывчатей.

Донесся протяжный свист: Костя подавал сигнал лечь в дрейф. Обыкновенно он легко догонял яхту с помощью Хоха и Протея — сына Протея. Чарли мастерски справился с маневром, убрав все паруса, кроме стакселя и грота. Яхта почти остановилась, отыгryваясь на пологой волне. Минут через пять по штурмтрапу, который я опустил с левого борта, поднялся, тяжело дыша, Костя.

— Акулы, кажется, мако. И откуда они взялись! Где Тосик?

Тосио тут же поднялся на палубу и распорядился:

— Надевайте маски, ребята. Да возьмите ружья.

Мако — одна из самых страшных акул, особенно для дельфинов. Я взял тяжелое ружье, стреляющее разрывными снарядами, Костя — ампуломет и пистолет.

Дельфины держались возле яхты, большую частью находясь под водой; они ждали нас, чтобы вместе атаковать акул. Метрах в пятидесяти показался острый плавник мако. Акула на этот раз действовала нерешительно,— вероятно, ее пугала яхта или она медлила, выбирая время для решительного броска.

Увидав плавник акулы, Костя кивнул мне и бросился в воду, я последовал за ним.

Яхта находилась над рифом, где глубина достигала двенадцати — пятнадцати метров, что стесняло маневры мако. Мы остановились на глубине пяти метров, и они не могли напасть на нас внезапно снизу. Обзор был прекрасный, и мы приготовились к драке. Дельфины охраняли нас с боков и со спины, сменяя друг друга.

Мако оказались необыкновенно осторожными — настороженными, у них уже были встречи с людьми,— и они вначале держались метрах в тридцати. Одна из них достигала трех метров, вторая была несколько меньше. Они зловещими тенями маячили у нас перед глазами. Верного выстрела на таком расстоянии могло не получиться, и мы выжидали, когда мако или уйдут, или решатся напасть на дельфинов. Конечно, нас они считали блюдом второстепенного порядка, а дельфинов — законной добычей, к тому же своими смертельными врагами. Если бы акула была одна, то Гера давно бы приказала ее уничтожить, но их оказалось две и таких огромных.

Трехметровая мако рискала подойти на двадцать метров и подставила свой бок. Я выстрелил и от волнения промахнулся.

— Ничего, ничего, я ее сейчас! — буркнул Костя, посыпая ампулу в акулу поменьше, которая шла следом за первой, и тоже промахнулся.

Неожиданно большая акула бросилась на Хоха, который, нервно перебирая плавниками, находился сбоку от меня. Я выстрелил и попал, но снаряд рикошетировал от жесткой кожи акулы. Выстрел Кости угодил ей в бок. Хох увернулся, и акула прошла, вернее, пролетела мимо нас и стала медленно опускаться на дно. Оттуда она уже больше не поднимется.

Остался меньший и, как оказалось, самый опасный противник. Мы вели по акуле безрезультатную стрельбу с расстояния в двадцать метров, и она каждый раз ловко увертывалась. Как только чувствует толчок от выстрела, так мгновенно метнется вперед, вверх или вниз. Тогда мы сами решили ее атаковать и медленно двинулись к ней. Дельфины стали заходить с боков, отрезая ей путь к отступлению, хотя мако и не думала отступать. На этот раз она бросилась на меня. Я встретил ее целой очередью выстрелов и, конечно, попал. Костя также выпустил по ней все свои ампулы, и все-таки я увидел раскрытую пасть и бусинки глаз на зеленоватой коже, когда Костя сунул ей в пасть свое бесполезное теперь ружье. Если бы не Протей — сын Протея, мне бы не пришлось писать эти строки. Он протаранил головой бок акулы, оттолкнув ее от меня. С другой стороны ей нанес такой же удар Хох. Все эти подробности я узнал позже, когда уже все кончилось, а тогда я только почувствовал толчок и боль — акула слегка коснулась моей руки, содрав с предплечья кожу, — да еще увидел красное расплывчатое пятно: кровь мако.

Больше всех пережил в эти минуты Тосно. Когда мы поднялись на палубу, он выглядел совершенно больным...

Яхта подошла к границе нашего квадрата. Чарли сделал поворот, и яхта пошла теперь левым галсом назад, немного мористей, чем прежде. Наша задача — как можно тщательней проутюжить дно, не оставить там ни одной тигровки.

После легкой закуски — мангового сока и котлет из хлореллы, конечно приготовленных на консервной фабрике,— жизнь на яхте вошла в прежнее русло. Костя заканчивал починку видеофона, Тосио нес вахту, штудируя книгу Адама Фроста «Моллюски — карлики и гиганты». Я разговаривал с Пуффи, сидя у гидрофона возле нашей маленькой шлюпки. Мне виден мой собеседник, плывущий под водой на глубине двух метров.

Мембрана гидрофона вмонтирована в корпус яхты ниже ватерлинии, поэтому разговор через него можно вести только при условии, если один из собеседников находится под водой. Пуффи не терпелось поболтать со мной. Взглянув на меня и пронзительно свистнув, что, видимо, означало: «Сейчас ты кое-что услышишь интересное», Пуффи нырнул и через минуту вынырнул.

Гидрофон молчал, перерабатывая полученную информацию. Пуффи плыл близко возле борта, приготовившись послушать перевод своего рассказа. Наконец в гидрофоне звякнул предупредительный сигнал, и холодный голос автомата стал излагать пылкие слова Пуффи:

— Еще никогда в Лагуне и во всем океане не было такой битвы! Мако самая страшная из акул, она опасней большой белой акулы — так говорят бабушка Гера и Протей — сын Протея. Я сражался и с белой акулой, и с пилой-рыбой, и с морской лисицей, и с голубой акулой! Со всеми акулами я сражался: И вот только недавно ты видел, как я победил первую мако! Ты думаешь, почему она так быстро пошла на дно? Я сразил ее своим сопором. Или тем, что мы, Люди Моря, называем второй речью и вторыми глазами. Я направил всю свою силу в живот самой большой мако, живот у нее лопнул, и мако стала кормом крабов, улиток и мелкой рыбешки. Теперь ты знаешь, как силен Пуффи! Что ты скажешь мне на это?

Костя засмеялся:

— Действительно, силен бродяга. Вот тебе, Ив, паглядный пример, как рождаются литературные шедевры. А ведь ничего не скажешь — все по законам творчества. За основу взято действительное событие и только привнесены некоторые детали.

Между тем Пуффи ждал с нетерпением, когда я ему отвечу, поглядывая на меня и слушая малопонятную для него речь Кости.

Я сказал:

— Извини, Пуффи, нас перебил Костя, он тоже восхищается тобой и считает тебя прекрасным рассказчиком. Я и Костя видели, как ты обстрелял своим сонором первую мако, и, конечно, ты не мог не заметить, что и Костя выстрелил в нее из огневой трубы.

Пуффи нырнул и тут же вылетел на поверхность и от волнения обошел яхту вокруг. К тому времени, как он подплыл ко мне, гидрофон заговорил:

— Нет, нет, нет! Костя выстрелил потом. Он промахнулся, как вначале. Что, неправда? Я распорол ей брюхо. Ты спроси Геру, маму Нинон, Белу, Хоха!

Все дельфины плыли неподалеку. Судя по их оживленному пересвистыванию, сипению и пощелкиванию, бахвальство Пуффи доставляло им истинное удовольствие. Пуффи обладал талантом импровизатора, всегда высоко чтимым и среди Людей Земли, и особенно среди Людей Моря, у которых до установления контактов с человечеством не было других средств передачи информации, кроме речи.

Костя поставил на место крышку видеофона. Встал, потянулся.

Тосио спросил:

— Пришлось тебе повозиться?

Необыкновенно довольный, что справился с такой сложной работой, Костя с притворным равнодушием сказал:

— Пустяки. Пришлось заменить парочку блоков, с десяток сопротивлений, конденсатор, снять осадок соли на контактах. Вот и все. Только прошу теперь вахтенных закрывать видик на ночь и в шторм чехлом. Конечно, последнее и меня касается,— добавил он поспешно, уловив лукавые огоньки в черных глазах Тосио.

Капитан улыбнулся:

— Попробуй связаться с Пьером.

— С Пьером? Изволь.

Действительно, Пьер, Наташа Стоун и еще человек пять из «мозгового центра» Центральной станции появились на миниатюрном экране; все они сидели за обеденным столом. Изображение было очень четким, только вся компания на экране находилась вниз головой.

Костя сконфуженно хмыкнул и сказал:

— Привет, друзья! Только почему вы все у нас вверх ногами?

На экране засмеялись. Наташа Стоун сказала, даваясь от смеха:

— Вы, вы... также стоите на головах вместе с яхтой. Что у вас там произошло?

Костя сказал, подняв руку:

— Все ясно. Не так стоят блоки и что-то с фокусированной. Аппарат только что из ремонта. Я сейчас... минутное дело...

— Только не сейчас! — остановил его Чарли Сингх. — Позвремени немного. Дай хоть взглянуть на вас. Ну, как дно?

— Чисто,— ответил Тосио.

— Прекрасно! Ну, а водоросли?

— По нашему курсу почти нет, а мелководье покрыто сплошь.

— Это бедствие серьезней нашествия тигровых звезд,— сказал Чарли Сингх.— Счастливого плавания. Теперь перейдите в смежный сто восьмой квадрат. До сих пор там все обстояло благополучно, проверьте еще раз. Ждем хороших вестей.

Наташа на прощанье помахала нам рукой.

Тосио долго еще смотрел на погасший экран, стараясь удержать в памяти образ Наташи Стоун. Это было видно по выражению его лица.

Только после встречи с ней выражение его лица, всегда холодное, чуть насмешливое, становилось таким мягким, мечтательным. Костя взял меня за руку и увлек за рубку.

— Она стоит того,— сказал он со вздохом.

Я пожал ему руку.

Он спросил:

— Мне кажется, что ей нравится только Дэв Тейлор. Твое мнение?

Я ответил, что, скорее всего, ей нравится, что она нравится всем.

— Ты, пожалуй, прав. Она и в своих чувствах так же непостоянна, как и в выборе специальности. А как ты думаешь, у Тосика есть шансы?

Я пожал плечами.

Костя шепнул:

— Ты прав, она может выбрать именно его. И знаешь, я бы смирился с этим. Только не Дэв...

Капитан спросил:

— Вы что там шепчетесь?

Костя нашелся:

— О превратностях судьбы и сложности некоторых контактов.

Чтобы скрыть замешательство, Костя взялся было исправлять видеотелефон, но Тосио, как и до этого инспектор, попросил пока не делать этого.

— Оставь. Неисправность пустяковая. Даже не ненправность, а, я бы сказал, особенность, и причем оригинальная особенность.

— Не уговаривай. Я знаю: боишься, что совсем загублю видик. Сознаюсь — не исключено. У меня осталась целая пригоршня «лишних» деталей.— И Костя, а за них мы с Тосио засмеялись.

После обеда позвонила Вера. Она, казалось, не обратила внимания на наше перевернутое изображение на экране. У нее было грустное, усталое лицо.

— Как я рада, что отыскала вас! Экваториальная АТС все время отвечала, что ваши позывные не изъяты из каталога, но что ваша станция не отвечает. Что касается причин, то она назвала аварию станции, катастрофу, нахождение в тени и даже ваше отсутствие на борту яхты. И вот наконец я вижу вас всех цветущими оптимистами. Ну улыбнитесь же!.. Вот так. А я, как видите, хандрю. Ничего-то у меня не ладится.

— Водоросль? — спросил Тосио.

— Она, Тосик, милый. Всех извела. Пока только на «Сириусе» от нее полностью избавились, и не какими-нибудь особыми средствами вроде вирусов и прочей хворобы, а просто три раза проморозили оранжерею и сменили всю гидропонику. Здесь хуже. После всех наших неудач даже появились «непротивленцы злу». Эти мудрецы считают, что не следует вмешиваться в естественный процесс, природа, мол, сама справится с активностью водоросли и поставит ее на место. Пока же советуют в широком масштабе приступить к синтезу пищевого белка, чтобы заменить потери в «морском земледелии».

— Ты не огорчайся, Вера,— сказал Тосио.— Действительно, все станет на свои места, только не само со-

бой, а путем многих усилий. Человечество помнит бедствия и пострашней. Ты лучше скажи нам, как твои успехи?

— Близки к нулю, милый Тосик.

— Не скромничай, Вера,— сказал Костя.— Мы же следим за твоей научной деятельностью. На днях выступал в «Мировых новостях» академик Клочков. Знаешь, что он сказал о твоих открытиях на «Сириусе»?

— Ах, знаю! Какие там открытия! Пока только предположения. Нужна тщательная проверка. Возможно, через год-полтора можно будет сделать какие-то выводы, пока очень далекие от земной практики. Это область космической ботаники. Вот если мы отважимся восстанавливать атмосферу Марса, тогда новый вид синезеленой водоросли сможет довольно быстро — в космическом масштабе, конечно, в порядке пятисот — тысячи лет,— создать там кислородную атмосферу.

— Уже кое-что! — бодро воскликнул Костя.— Жаль, у нас не останется времени, чтобы подышать воздухом Марса. Но не будем огорчаться, и на Земле отличный воздух! Что же касается мудрецов-непротивленцев, защищающих «зеленую чуму», то, если попадется такой, пришли его нам в контейнере из-под мороженой рыбы.

— Обязательно. Как хорошо, что вы исправили видик!

— Это я! — Костя ткнул себя пальцем в грудь.— Дьявольская техника. Ты как всех нас видишь, нормально?

— Ну, нет, конечно. Сегодня вы стоите передо мной на голове. И что-то очень маленькие. Что с вами?

— Еще не отрегулировано как следует. Звони завтра, вот тогда мы представим во всем блеске.

— Вы и так хороши. И совершенство только повредит вам! У меня сразу отлегло от сердца, как только я увидела ваши физиономии, яхту, синь Лагуны, хоть и в перевернутом виде... Знаете что, ребята?

— Нет! — ответили мы хором.

— Я сейчас пойду просить прощения у учителя, скажу, что согласна взять отпуск, и полечу к вам. Дня через два-три.

— Немедленно! — сказал Костя.— Поживешь на какой-нибудь станции, походишь на яхте. Затем у нас тоже скоро отпуск, мы решили ехать в Лусинду и начать прожигать жизнь.

— Как я мечтаю об этом! — Вера печально улынулась и сказала, что теперь ежедневно будет видеться с нами.

Мы передали приветы и лучшие пожелания ее учителью, славному доктору Мокимото. Вера поблагодарила и исчезла с экрана.

— Удивительная девушка! — сказал Костя.— Такие люди, как она, совершали и будут совершать необыкновенное. Ведь надо же — сотворить ходячее дерево!.. Ну что вы заулыбались? Кустик, травинку, но ведь растение двигается, ходит, создан новый, фантастический вид!

Квадрат, в который мы перешли к вечеру, изобиловал рифами и крохотными островками, которые в сильный прилив покрывало водой. Ночью блуждать в этом лабиринте было очень опасно, даже имея таких проводников, как дельфины, и Тосио, к общему удовольствию, приказал отдать якорь.

Яхта стала носом к узкой гряде рифов. Рифы гасили волны, бежавшие со стороны Кораллового моря, слева по борту зеленел крохотный островок с единственной финиковой пальмой. Пассат стих. Вода приняла цвет темного изумруда.

Невдалеке показался туристский катамаран. Костя схватил бинокль. Доносилась музыка. На верхней палубе танцевали. Рассматривая в бинокль танцующих, Костя сказал:

— Живут же люди... — и под насмешливым взглядом капитана неожиданно добавил: — Неизвестно, зачем.

Тосио сказал:

— Как бы ты хотел, Костя, очутиться сейчас среди этих «пустых людей», чтобы, конечно, открыть им глаза на их ненормальное поведение.

Костя ответил, не отрывая глаз от окуляров:

— Как ты прав, Тосик! Ты видишь меня насквозь. Только перед тем, как сказать им горькую правду, я бы станцевал вон с той шоколадной блондинкой. Между прочим, они танцуют что-то очень старое. Да, Ив, помнишь фильм «Забытая любовь», так там этот волнующий танец танцевали наши предки? — И он закружился по палубе под затихающую музыку. Остановившись, он потянул носом: — Тосик! У тебя там не подгорит?

— Не беспокойся, наша плита работает лучше, чем вся остальная электроника.

— Какой жестокий намек! Но ведь наш телефон после моих усилий стал и говорить и видеть.

— Я не хотел тебя уколоть, Костя. Просто пришлось к слову.

— Ты ничего не делаешь, не подумав. Понимаю, Тосик. У меня самого мурашки пробегают по спине и прошибает холодный пот, когда я, закрыв глаза, воскрешаю в памяти сцену на «Катрин». Тогда по моей вине...

— Не стоит, Костя, предаваться так часто тяжелым воспоминаниям.

— Стараюсь. Но такой уж я тонко-эмоциональный человек.— Костя опять потянул носом и сказал с тревогой в голосе: — Все-таки я бы на твоем месте заглянул в кастрюлю.

На этот раз Тосио тревожно метнулся на камбуз.

После ужина мы остались на палубе. Яхта стояла почти неподвижно. Ветер стих совершенно. На гряде рифов мурлыкал прибой. Казалось, что звезды опустились низко к земле и стали больше, лучистей. Жара спала. Тосио, как будто изваянnyй из черного дерева, сидел на палубе, поджав ноги, я лежал неподалеку от него, положив голову на пробковый пояс, Костя расхаживал от рубки к грот-мачте и обратно. Все молчали, наслаждаясь тишиной и покоем. Костя явно томился вынужденным бездельем, к тому же изредка слышалась печальная музыка.

Костя сказал:

— Вы только прислушайтесь! Вам не кажется, что музыка льется со звезд и они в такт шевелят лучами?

— Так оно и есть,— ответил Тосио.— Только не всем дано ее услышать.

— Ах, оставь, Тосик, свои сказки! Это играют на том катамаране, он остановился тоже на ночь где-то между рифами.

— Да, и там продолжают терзать нервы нелепыми звукосочетаниями, а я говорю о настоящей музыке звезд. Ты только прислушайся!

— Только и остается,— буркнул Костя и подошел к гидрофону.— Как дела у Людей Моря? — спросил он.

— Дела, Костя, хорошие.

— Кто говорит со мной?

— Говорит с тобой Протей — сын Протея.

— Ты на вахте, Протей — сын Протея?

— На вахте Хох, я плавал невдалеке и увидел тебя.
— Остальные отдыхают?

— Да. Они почти неподвижны, смотрят на небесных рыб и ждут, когда появится луна. Сегодня она достигнет наибольшей величины и станет совсем круглой. Когда она появится, не забудь пожелать то, чего бы тебе хотелось.

— Спасибо, Протей — сын Протея, обязательно по-желаю.

— Пожелай обязательно, чтобы не появлялись больше ядовитые звезды и исчезли водоросли, что забивают рыбам жабры и делают воду мутной. Скажи об этом всем. Когда люди желают чего-нибудь, желания их сбываются.

— Не всегда, Протей — сын Протея.

— Не все желания и должны сбываться. Если станут сбываться все, тогда нечего будет желать и жизнь станет невкусной, как дохлая рыба.

— Неплохо, Протей — сын Протея! Ребята, вы слышали, что он изрек?

Тосио поднялся и сказал:

— Протей мудрец. Я же пойду дописывать главу о кальмарах. Какая жалость, что мне приходилось иметь дело только с карликовыми видами, а не с гигантами! Те гораздо совершенней, у них необыкновенно развита нервная система.

Костя пожелал Протею — сыну Протея спокойной ночи и сказал мне:

— Пойду и я. Ты понимаешь, это у меня с детства: не могу не только равнодушно видеть, но даже чувствовать, что кто-то возле меня работает. Не знаю, то ли во мне так сильно чувство соревнования, то ли просто зависть, что вот Тосио закончит свою работу, а моя останется на первых страницах. Словом, счастливой тебе вахты. Иду!

Я остался один. Вахта на стоянке обыкновенно скучна, время тянется бесконечно, но не в такую празднично-прекрасную ночь. К тому же я не был одинок на своей вахте: у борта плавали дельфины. Вот кто нес бесконечную вахту, полную опасностей: от бдительности часовых зависела жизнь всего рода. Могла подкрасться акула, которая находится в вечном движении. Она никогда не спит, не знает отдыха; днем и почью это вечно голодное

создание рыскает в поисках пищи. Часовые дельфинов неустанно прощупывают своими ультразвуковыми локаторами воду в различных направлениях, следят за реакцией рыб — нет ли поблизости опасности. Вахта у них длится два-три часа, не теряют бдительности и остальные члены семьи или рода.

Неожиданно я вздрогнул от резкого голоса, раздавшегося из репродуктора видеофона:

— Ив! Ив! Ты посмотри за риф! Там горит море. Это плохая примета. Нам очень страшно, Ив!

Действительно, вода за рифом вплоть до самого горизонта то вспыхивала зеленоватым огнем, то меркла и вдруг разгоралась с новой силой.

Свечение моря — довольно частое явление; природу этого мы объясняли дельфинам, и прежде они не выказывали особого страха, зная, что в море ночью почти все светится: креветки, рыбы, особый вид водорослей, кальмары, медузы. Я стал успокаивать своих друзей, и тут же мне кто-то из них ответил (они все толпились возле борта):

— Страшно не море, источающее свет, море рождает свет всегда, из моря встает Огненная Медуза, которую вы зовете солнцем. Страшно, что появится сейчас, никто не видел такого.— И все дельфины одновременно скрылись под водой.

И в тот же миг за рифом, где глубина достигала ста метров, взметнулись фонтаны пламени, рассыпая целый фейерверк голубовато-зеленых брызг.

На палубе появились Костя и Тосио.

Тосио сказал:

— Какое счастье, это же глубоководные кальмары!

Действительно, теперь можно было различить двадцатиметровых чудовищ, как ракеты вылетающих из воды. Они светились более густым светом, чем окружающее море.

Минут через пять последний кальмар скрылся под водой, и больше ни один из них не показался на вдруг потускневшем море.

— Какие олухи! — сказал Костя.

— Кто? — спросил Тосио.— Кальмары?

— Да нет, мы! Не догадались записать на пленку.

Какие бы получились кадры! Сенсация века!

— Действительно,— печально проговорил Тосио.— Никто еще не видел ничего подобного. Как ты прав, Костя: олухи!

Вооружившись всей съемочной техникой, мы тщетно ждали появления кальмаров до самого рассвета.

Море померкло, стало почти черным. Тучи закрыли звезды. Подул ветер. Наступил тусклый рассвет, без обычного парада красок тропической зари. Чарли поднял якорь, поставил паруса, а мы все вспоминали сияющее море и игры гигантских кальмаров, не предполагая даже, что скоро снова встретимся с ними, и как сейчас мы стремимся увидеть их вновь, так потом все наши помыслы будут направлены на то, чтобы поскорее от них избавиться.

ФИЛОСОФ ХИКАРУ

Доктор Мокимото наслаждался созерцанием природы. Вначале он постоял минут десять на берегу небольшого пруда, где росли розовые лотосы и плавали степенные утки-мандаринки. Иногда показывались огромные лягушки; высунув голову из воды, они, казалось, тоже наслаждались созерцанием зеленого мира, окружавшего пруд, и ясным голубым небом. Заметив белую одежду человека, к берегу устремились черепахи и огромные золотистые карпы; они засуетились у мостков, уже ссорясь за будущую добычу. Мокимото улыбнулся, и по егоному, свежему лицу побежали лучики морщинок. Он сошел с берега, ступил на дощатые мостки, вытащил из кармана широкой блузы рисовые пористые, как пенопласт, лепешки и, отламывая кусочки, стал бросать их в воду. Мокимото любил наблюдать борьбу карпов и черепах, в которой он усматривал спортивные элементы и подмечал разумность действий.

Он считал, что в той или иной степени разумом наделены все высшие животные. Он говорил: «На лестнице жизни в сотни миллионов ступеней в самом низу разум светится робкой искоркой, на ее вершине горит ярким пламенем».

Как всегда, более юркие черепахи выходили победителями. Урвав кусок, они плыли в укромное местечко.

Чтобы всем досталось понемногу, Мокимото бросил сразу весь корм, не разламывая его на куски; теперь лепешки объедали с концов и черепахи и карпы.

Стряхнув крошки с рук, доктор Мокимото пошел по дорожке, окаймляющей пруд. Водоем построили по всем канонам древней японской парковой архитектуры. Он имел причудливую форму, сразу не охватываемую взглядом; тропинка вела к неожиданным поворотам, раскрывая чудесные, не повторяющиеся пейзажи. Каждый раз взгляд восхищали новые виды деревьев, сгруппированные так, что и в голову не могло прийти, что их здесь посадили в строго продуманном порядке, рассчитывая на определенное впечатление.

Открылся островок с бамбуковой рощицей; на противоположной стороне густой темно-зеленой стеной стояли криптомерии, и бамбук на их мрачноватом фоне казался изысканным букетом в голубой чаше. Прошло не больше получаса с тех пор, как взошло солнце, еще длинные тени лежали на воде и на почве, ярко-зеленый мох у стволов деревьев был весь в капельках от обильной утренней росы, с океана веяло прохладой.

Полюбовавшись бамбуковой рощицей, послушав шелест ее листьев, что-то сулящий, успокаивающий, доктор Мокимото свернулся на еще более узкую тропинку, ведущую через мангровые заросли. В воздухе стоял неистовый звон цикад, им вторили древесные лягушки; сквозь этот веселый гам, то стихая, то усиливаясь, доносился низкий гул прибоя.

Доктор Мокимото вышел в аллею платанов. Гигантские пепельно-зеленые стволы уходили в небо до восьми-девяти метров. Каждый нес на себе целую воздушную рощу сучьев, одетых широкими лапчатыми листьями, закрывая небо. В аллее стоял полумрак. Доктор Мокимото особенно любил эти деревья, созданные его умом и руками. Платаны Мокимото, созданные для тропиков, обладали удивительной особенностью: в жаркую пору дня у деревьев листья сворачивались в трубочку, а ночью, утром и в пасмурную погоду расправлялись. В платановой аллее воздух всегда был напоен запахами целебных смол, здесь необыкновенно легко дышалось, снималась усталость. Здесь легко думалось, стоило лишь войти в неторопливый ритм природы, а доктор Мокимото чувствовал себя всегда ее неотъемлемой частицей и, как он

любил говорить, «иногда обращался к ее всеобъемлющей мудрости».

На утренней прогулке он только наслаждался общением с природой, ее формами и сочетанием цветовых тонов; усилием воли он прогонял все заботы. Только ступив на похрустывающий песок платановой аллеи, он начинал свой трудовой день. Вот уже несколько недель, как он самые продуктивные утренние часы уделял синезеленой водоросли, ставшей проблемой для многих тысяч ученых всех континентов. Трудность решения задачи состояла в том, что нельзя было просто уничтожить это крохотное растеньице, не отравив весь Мировой океан, реки, озера и прочие водоемы; надо было лишь ограничить ее бурное размножение, сохранив как вид, необходимый в необыкновенно сложном круговороте жизни.

Вдали показалась тощая фигура генетика Нури Хумрата, совершившего утреннюю пробежку. Нури Хумрат работал над созданием сверхурожайного сорта маиса — высокурожайные сорта уже не удовлетворяли возросшее население планеты. Генетик промчался мимо, подняв в знак приветствия руку. Доктор Мокимото успел только поклониться ему вслед, задержав взгляд на неимоверно длинных и тонких ногах ученого; они при беге как-то странно заходили одна за другую, и казалось, что они вот-вот заплутятся и генетик растянется вдоль аллеи, но тот все бежал и бежал, преодолевая ежедневную десятикилометровку.

Не успел доктор Мокимото пройти и десяти шагов после встречи с генетиком, как его мысли отвлекла новая встреча. На этот раз его внимание привлекло небольшое, странного вида растеньице, переходившее аллею. Это был знаменитый заврик. Едва заметно переставляя свои воздушные корни, заврик двигался к светлому солнечно-му пятну у корней платана. Доктор Мокимото присел на корточки, рассматривая своего питомца, взгляд его потепел. Заврик напоминал спрута: от крохотного стволика, увенчанного пучком листьев, опускались коричневые корни. Пройдет не менее тридцати минут, пока заврик преодолеет дорогу, очутится на солнце и так же деловито начнет вгонять свои корни в почву, если, конечно, солнечное пятно не исчезнет,— тогда он поплется дальше. Несмотря на кажущуюся хрупкость, заврик очень жиз-

нестоек, у него много сил; всю ночь он усиленно питался на тучной почве, а при восходе солнца пустился в путь.

Встреча с завриком окончательно нарушила стройный ход мыслей доктора, он стал думать о будущем своего создания. Пока это только биологический фокус, как расценивают многие его коллеги, хотя все отдают дань гениальности решения. Доктору Мокимото не раз приходила мысль: не нарушает ли его заврик размежеванный ход эволюции? Что, если и он в далеком будущем явится совсем в новом качестве, как теперь синезеленая водоросль? Уже писатели-фантасты использовали его в своих произведениях. Он у них превращается то в хищника, брызжащего ядом, то в коварное разумное существо, вытесняющее с Земли весь род человеческий; иные предсказывают, что ходячее растение, имея неоспоримые преимущества перед своими собратьями, вытеснит их, и на месте зеленых лесов будут разгуливать корявые уроды. Только его любимая ученица Вера полна оптимизма и прочит заврикам великое будущее. Недавно на очередной сессии Общества охраны природы ставился вопрос о запрещении вызова завриков за пределы территории института, хотя об этом уже поздно говорить: почти у каждого любителя-садовода, не говоря уж о ботанических садах и зоопарках, есть эти удивительные создания.

За спиной скрипнул песок.

— Доброе утро, учитель!

— О! Вера! И тебе хорошего начала дня! — Он улыбнулся ей и дотронулся до ее прохладной после купания руки.

— Вы беседуете с моим Вольдемаром?

— Разве это он?

— Ну конечно, учитель. Посмотрите, у него восемь с половиной ножек и носик, как у Буратино. Я его ищу, ищу по всем закоулкам, а он, оказывается, беседует с вами.

— Да, он замечательный собеседник — умеет слушать.

Вера подняла заврика и, держа за кисточку листьев, сказала:

— Сейчас я встретила философа Хикару, он только что вернулся из длительного путешествия и ждет вас в бассейне.

— Благодарю, Вера. Мне так его недоставало все эти

дни! Извини, я пойду, чтобы не заставлять его ждать. Действительно, он философ.

— Счастливо, учитель. Я буду в лаборатории водорослей, мне надо посоветоваться с вами.

— Я приду туда, Вера, сразу после встречи с Хикару.— Он хотел было уже идти, но остановился, заинтересованный последней фразой.— Есть интересные мысли?

— Кажется, учитель.

— Ну хорошо. Жди меня, Вера.— Он пошел, оставив ее посреди аллеи созерцающей заврика.

В бассейне размерами в гектар шла азартная игра в ватерполо, обе команды наполовину состояли из дельфинов, природных спортсменов. Вратари-дельфины выказывали чудеса ловкости, отбивая «верные» мячи.

Доктор Мокимото взглянул на ватерполистов, улыбнулся и подумал: «Как расширились возможности человека и его представления о природе после установления контактов с этими высокоинтеллектуальными существами!»

Доктор Мокимото шел вдоль стенки бассейна, глядываясь в гладкую поверхность воды. На противоположной стороне на трибунах пестрели купальные шапочки и купальники зрителей, в воде, расположившись полукругом, следили за игрой дельфины. Оттуда, издавая тонкий свист приветствия, метнулся к нему один из дельфинов.

— Хикару, друг мой! — Доктор Мокимото приветствовал его, подняв руку.— Как я рад!

Дельфин ответил медленно, с трудом выговаривая слова:

— Кокиси! Здравствуй и ты, мой друг.

Доктор Мокимото пошел к стеклянной будке, в которой находился гидрофон для разговоров с жителями моря, Хикару медленно плыл рядом.

— Давно, давно мы с тобой не виделись,— говорил доктор Мокимото.— Я получал о тебе только редкие известия и радовался, что ты жив и здоров.

На это Хикару сказал что-то очень неразборчивое для постороннего уха, но доктор Мокимото понял.

— Да, Хикару, я верен своей привычке совершать утреннюю прогулку, однако, с тех пор как ты уехал, я редко погружаюсь в воду. Тебе трудно понять, что мне

доставляет огромное наслаждение ходить по твердой земле и любоваться сочетаниями растений, неба и воды. Особенно люблю я утро. Сколько надежд оно вселяет! Кажется, что впереди бесконечный день, столько мыслей родится в утренние часы...

Доктор Мокимото вошел в будку и взял оттуда переносный гидрофон. Он сел с ним на самую нижнюю ступеньку широкой лестницы, так что мог касаться рукой головы своего друга.

— Ну вот, дорогой мой, теперь это хитрое приспособление ускорит мою речь и замедлит твою.

Из аппарата раздался внятный голос:

— Кокиси, мой друг! Все, что ты произносишь, полно глубокого смысла, как голоса океана. Я всегда восхищался тобой — лучшим из всех ходящих на задних ластах...

— Ну, ну, Хикару! Ты стал листецом за время путешествия.

— Листец — это человек, расхваливающий другого с целью ему угодить. Я, ты знаешь, делаю это для того, чтобы воздать тебе должное. Ты всегда стремишься проникнуть в непонятное, ты очень добрый и хороший.

— Но, но, Хикару! Ты лучше расскажи, где побывал, что видел интересного в океане.

— Я видел, как поднимались из мрака ядовитые звезды, все дно было покрыто ими. Они съедали все на своем пути, оставались лишь мертвые кораллы да камни. Я вместе со своими братьями показывал людям-рыбам, где еще остались ядовитые звезды.

— Так ты называешь подводных пловцов?

— Да, потому что они могут не выходить на поверхность, чтобы сделать вдох перед новым погружением. И здесь вы, ходящие на задних ластах, добились много-го, как и во всем, за что беретесь. Но об этом мы поговорим немного погодя, а сейчас, я вижу, ты хочешь знать подробности о ядовитых звездах.

— Ты отгадал мою мысль.

— Несколько монх братьев и сестер ушли навсегда на «черное дно», убитые ядовитыми звездами. Все же люди с нашим участием очистили от них все дно Большой Лагуны и отмели у Длинного острова, где появлялись эти отвратительные существа. Я не знаю, что вы станете с ними делать. Загружены десятки судов, специ-

альные прозрачные баржи. Они не отравят все ваши острова?

— Нет, Хикару. Их переработают в полезные продукты, даже их яд уже нашел применение: из него делают лекарство от некоторых болезней, например от лишаев, что появляются иногда у вас на коже.

— Вы из всего стремитесь извлекать пользу.

— Да, Хикару. Только подчас наши стремления из всего извлекать пользу приносят страшные бедствия и для земли и для океана.

— Я знаю, о чем ты говоришь. Все это было прежде, когда вы перевозили в своих необыкновенно больших сооружениях из металла неприятное вещество, называемое нефтью; оно было так же ядовито, как и выделения гигантских звезд. Я слышал также, что вы отправляли воду и другими веществами, полагая, что океан непомерно велик и так могуч, что он сможет обезвредить все, что губительно действует на жизнь. Да, ничто не может сравниться в силе с океаном! Даже огонь, что прорывает его ложе, смиряется перед ним!

— Ты хорошо сказал, Хикару.

— Я все делаю хорошо. И если мне не удается сделать хорошо, то мной овладевает горе, и я стремлюсь уплыть далеко-далеко от того места, где нельзя нужное дело завершить хорошо.

— Не поэтому ли ты отправился путешествовать?

— Поэтому, Кокиси. Ты просил меня найти причину, почему вторая беда обрушилась на океан? Почему его поверхность стала зеленой? Почему гибнет жизнь там, где появляется крохотная водоросль?

— Ты не совсем правильно меня понял. Ищут причину, почему появилась синезеленая водоросль, тысячи людей, и они вот-вот найдут ее, и тогда появятся и средства борьбы с водорослью.

— Я видел твои средства! Это туман, что разъедает глаза. Водоросли опускаются на дно, и там, как от звезд, все гибнет, и на море появляется еще больше водорослей.— Хикару, пристально посмотрев в глаза другу, спросил: — Ты не считаешь, что мы разгневали Великого Кальмара и он наслал на нас и губительные водоросли, и ядовитых звезд, и своих детей, что вы называете пришельцами? Между тем они не пришельцы, а вечные обитатели «черного дна», они дети Великого Кальмара.

Дельфины необыкновенно суеверны. Доктор Мокимото знал, что разубедить Хикару очень трудно. Пока это сделать не удавалось, но все же он сказал:

— Природа слепа и равнодушна к своим детям. Это мы, не умея объяснить окружающий нас мир, наделили ее всеобъемлющим разумом и всепокоряющей волей. По всей вероятности, ядовитые звезды и пришельцы — просто мутанты морских звезд и кальмаров. Они могли образоваться под воздействием радиоактивных веществ, много лет назад захороненных на дне океана.

— Все это ты уже говорил мне. Я много размышлял над твоими словами и думаю, ты ошибаешься, отвергая великие силы океана. Ты ведь сам говорил, что много еще непознанного и среди непознанного — Великий Кальмар. Мы очень сильно разгневали его. Никогда еще он не посыпал к берегам столько ядовитых звезд и своих детей. Все наши мудрецы предсказывают появление еще более страшных жителей «черного дна». Совсем недавно вновь появлялся на поверхности сам Великий Кальмар. Надо ждать беды. И если необходимо уничтожать ядовитых звезд, то детей Великого Кальмара нельзя убивать. Скажи всем: нельзя убивать детей Великого Кальмара! — повторил он.

— Не беспокойся, Хикару. Люди не нападали первыми на пришельцев, или, как ты называешь их, детей Великого Кальмара. Пришельцы напали первыми на Город Осьминогов и убили несколько человек. Люди только защищались.

— До меня доходит смысл твоих слов. Все, что ты произносишь и делаешь, полно глубокого значения. Я всегда восхищался тобой... — начал Хикару, и доктор Мокимото улыбнулся, угадав, что сейчас его собеседник постарается перевести разговор в другое русло, и действительно, Хикару продолжал: — Я всегда восхищался всеми ходящими на задних ластах по сухе и плавающими, как рыбы. Они всегда стремятся проникнуть в непонятное, все объяснить, все узнать, хотя последнее свойство присуще всему в меру их разума...

Доктор Мокимото кивал, улыбаясь: Хикару не был льстецом, этот порок неизвестен дельфинам; он обладал способностью быстро переключаться на совершенно противоположные темы, и если даже в них заключались

противоречия, то его это нисколько не смущало, он так же горячо и искренне защищал противоположное.

— Как хорошо, что вы не верите в высшие силы! Это развязывает вам, как ты однажды сказал, руки, и вы сами создаете необыкновенные существа, вроде летающих рыб огромного размера, или плавающие жилища, светящиеся почью, как глубоководные рыбы или кальмары, и еще бесконечное множество вещей, даже таких, без которых вы могли бы вполне обойтись. Я знаю, ты спросишь, что я имею в виду. Хорошо. Отвечу, друг мой Кокиси. Ты слышишь, как слегка вздрагивает вода и земля? Это идет машина, нагруженная ненужными вещами, как-то ты сказал — отбросами; их везут на корабль, чтобы отправить куда-то.

— Ты прав, Хикару. Многое из того, что мы считаем негодным, могло бы еще служить нам, а многое можно и не создавать.

— Ты справедлив, Кокиси! Но что меня восхищает всегда, так это вторая кожа, которую вы носите, защищая себя днем от лучей горячей медузы, а ночью — от холода.— Хикару положил голову на брусь из пористого пластика у ног своего друга и смотрел на него умным, чуть насмешливым взглядом, прислушиваясь к переводу своих слов.— Находясь от тебя вдали, я уяснил причину, вызывающую в тебе жажду познания, и теперь я сам ощущаю в себе то, что ты называешь способностью творить. Я умею, мысленно пока, создавать тоже новые геши. Какие, ты спросишь. Очень многие. Жилища для ночлега и на время бурь. Вы уже построили нам подобные жилища, но я придумал другие, более удобные. Я также придумал ласты-руки, их можно снимать, когда они не нужны и мешают плавать, и надевать для работы. И вот сейчас, ожидая твоего прихода и наблюдая за игрой в мяч, я придумал новую игру, более сложную, требующую не только напряжения тела, но и ума. Я объясню ее тебе в следующий раз. Сейчас, я чувствую, тебе необходимо оставить меня, но, прежде чем ты уйдешь, я хочу сообщить тебе мои наблюдения над водорослью, что заполнила весь океан и о которой ты все время думаешь.

— Я буду тебе очень благодарен, Хикару, и не я один.

— Ты еще хочешь меня спросить, почему я тебе не сказал об этом немного раньше. Отвечу: только сейчас

родился ответ. Ты и сам не мог не видеть, что водоросль не везде покрывает море одинаково. В одном месте ее много, в другом меньше, в третьем нет совсем. Вначале ты говорил о причинах и взаимосвязи причин, влияющих на размножение этой зеленой гнили. Так вот, Кокиси, я нашел места в Большой Лагуне, где совсем нет этой водоросли, а на дне растет другая водоросль, дающая то, что ты называешь плодами.

— Морской виноград? Отличное растение, мы долго создавали его, и, говоришь, оно появилось даже в Большой Лагуне?

— Во многих местах на глубине от трех до десяти метров. Твою коричневую водоросль с плодами стали есть Люди Моря, но я сейчас не об этом. Ты говорил мне сто дней назад, вот здесь же, как достигается равновесие в природе, почему не могут одни занять все место в океане, так я подумал, что водоросль с плодами ограничивает рост синезеленої.

Доктор Мокимото от волнения вскочил, едва не выронив из рук гидрофон.

— Мне думается, что ты нашел то, что мы безуспешно искали все! — воскликнул он и снова опустился на прохладную ступеньку. — Твоя мысль облетит всю Землю, правильность ее проверят, и я, Хикару, сегодня же, сейчас приступлю к работе. Но ты не думай, что я стремлюсь оставить тебя. Говори все, что хочешь сказать мне, и я с удовольствием буду слушать тебя.

— Очень немного времени я отниму у тебя, Кокиси. Я хочу сказать тебе, вернее, спросить: почему все сложное оказывается простым? Вчера я смотрел фильм и слушал тебе подобного о том, как устроено наше тело. Я удивился простоте устройства нашего глаза, уха и других органов тела, но лектор не мог объяснить, как родится мысль. И я не в состоянии понять то, что мы называем разумом. Кто думает в моей голове, кто принимает решения, наслаждается быстрым, как полет птицы, передвижением в воде, созерцает красоту форм и красок, таким образом возникают во мне решения, кто говорит во мне с тобой, друг мой Кокиси? Я чувствую, что излагаю свои мысли не с полной ясностью. Не так ли?

— Нет, почему же. В свое время и я задавал себе подобные вопросы и искал на них ответ в книгах мудрецов. И должен сказать, что узнал мало, чтобы ответить

тебе, как рождается мысль. Все же я познакомлю тебя со всем, что известно мне о познании разума.

— Приходи, когда Золотая Медуза опустится в океан.

— Приду. До вечера, Хикару.

— Ты сейчас пойдешь проверять верность моих наблюдений?

— Да, Хикару.

— Так знай, что и в этом бассейне тоже растут коричневые водоросли с плодами.

— И здесь, я смотрю, совсем нет синезеленой водоросли?

— Очень мало.

Доктор Мокимото крепко пожал ласт своего друга. Хикару тоненько, проникновенно свистнул, выражая тем свою радость от встречи.

Лаборатория водорослей находилась за ботаническим садом института, на берегу океана, и занимала площадь около десяти гектаров; здесь в небольших бассейнах-аквариумах различной формы проводились опыты по выведению водорослей для пищевой промышленности и технических нужд.

Оставив учителя, Вера еще минуту стояла, держа в руке заврика. Она забыла о нем, опять вспомнив минуты прощания с Антоном. Стоило ей только остаться одной, как сразу выплывали все подробности их расставания. Антон шутил, и она тоже, как ей казалось, была на высоте, по крайней мере улыбалась его шуткам. Скоро он улетит на Марс...

Вера тряхнула головой так, что выжженные солнцем волосы полыхнули пламенем, печально улыбнулась и пошла к морю, не выпуская заврика из рук. Она подошла к террариуму — большому кубу из стальной сетки, где содержались заврики. Она увидела, как несколько растений карабкаются по стенке, а одно повисло на потолке, и ей на миг показалось, что там притаился гигантский спрут.

«Я все еще под влиянием встречи с пришельцами,— подумала Вера.— Что может быть общего между ними и безобидными завриками? Хотя они могут попасть в очень благоприятные условия, возможны мутации. В Ка-

лифорнии у рядового биолога Томаса Смита появился уже метровый заврик! И это за какой-нибудь год. Там его усиленно подкармливали, причем оказалось, что он падок на органические вещества...» Она не стала дальше развивать мысль о будущем своих завриков, они были пока совершенно безобидны, бесполезны и загадочны. Она открыла дверь, опустила своего питомца на землю, по-росшую короткой серебристой травкой, и пошла к бассейнам, думая теперь о Хикару. Возвращаясь из дальних странствий, Хикару всегда привозил уникальную информацию. В прошлый раз он отсутствовал два месяца и, вернувшись, первый поведал о появлении тигровых звезд и неизвестных ракообразных, обитающих в лабиринтах Большого Барьерного рифа. Он знал все легенды Людей Моря, и Вера подозревала, что и сам он не прочь был выдать свое сочинение за легенду. «Хикару» — значит «блестящий». И действительно, он вполне отвечал своему имени и элегантной внешностью и особенно удивительно разносторонним умом. И Хикару и доктор Мокимото во многом были схожи.

Вера подошла к небольшому бассейну с бетонными стенками, заросшими мшанками. Дно его покрывали типичная флора и фауна Лагуны, бросались в глаза ярко-красные водоросли, ассимилирующие в своих клетках ртуть.

По углам бассейна, как плесень, скопились колонии синезеленых водорослей, но здесь их было немного, не то что в соседнем большом бассейне,— там воду сплошь покрывала мутно-зеленая плотная масса. На дне погибали кораллы и посевы нового вида белковой водоросли, с таким трудом созданные учеными института. Один из ее создателей стоял в дальнем конце бассейна с сачком на длинной рукоятке и задумчиво глядел в воду. Вера пошла к нему по белой, ослепительно сверкающей дорожке, обсаженной по краям низкой живой изгородью.

— Привет, Дик!

— Привет, Вера,— печально ответил Дик.— Смотри, что творит эта проклятая зелень! Белковая ламинария, правда, еще жива, но боюсь, долго не протянет. Я отсадил в лабораторный аквариум несколько растений, там при искусственном освещении «зеленая чума» погибает... Да, мне понятна твоя улыбка, Вера: океан не накроешь

крышой и не создашь под ней искусственное освещение. Ну, а как у тебя дела?

— Плохо, Дик. Моя экскурсия на «Сириус» мало чего дала. Им и без меня стало известно, что радиоактивные отходы, захороненные нашими предками на дне океана, послужили причиной возникновения нового вида синезеленой где-то в наших водах, остальное дополнено течения, птицы, корабли, разнесшие ее повсюду. Она появилась даже на Аляске, в Канаде, в Сибири.

— Да, глобальное наступление,— сказал Дик, хмуря кустистые брови.— Что-то похожее было с водяным гиацинтом в прошлом веке, но не в таких масштабах и не с такими последствиями. Боюсь, что нам не удастся в скором времени решить эту проблему, а медлить нельзя. Пищевые запасы тают. Представляешь, у нас голод в век наивысшего процветания человечества из-за какой-то жалкой... нет, не жалкой, это определение не подходит,— пожалуй, слепой, необузданной силы, вышедшей из-под контроля. Уйдем отсюда, Вера, у меня нет сил смотреть на этот кошмар!

Вера взяла его под руку:

— Раз найдены средства борьбы, то скоро придет и победа. И уже много хороших известий. Учитель считает, что надо искать и использовать защитные силы природы. Помочь ей установить нарушенную гармонию.

— Все это так, Вера,— он пожал ей руку,— но я не сказал тебе главного. Погибла культура морского картофеля, на которую мы возлагали столько надежд. В десятом аквариуме погибла уникальная коллекция рифовых рыб...

Вера придержала Дика за руку:

— Смотри, а здесь совершенно чистая поверхность.

— Я обратил внимание. Да, оказалось, что наш Павличек здесь ухитряется выращивать устриц и для этой цели увеличил скорость течения. За сутки здесь два раза сменяется вода, вот и уносит течением, а может быть, этой чуме не нравится быстрая смена среды обитания. Как видишь, Вера, ко всему, мы еще так мало изучили своего врага. А времени у нас нет!

Они шли от бассейна к бассейну, и почти везде перед ними открывалась неутешительная картина.

Дик взглянул на Веру, и впервые его полное, простодушное лицо расплылось в улыбке:

— По дороге я встретил твоего заврика. Сидит на солицепеке, я чуть на него не наступил. Я все не могу себе представить, как вам с учителем удалось заставить его ходить.

— Учитель почему-то дал мне эту тему. Вот, говорит, странная лиана. Ее «детки», видишь эти кустики, они могут ползать по дереву, выискивая подгнившую кору, как найдут — останавливаются и пускают корни, становятся типичными паразитами. Наша с тобой задача — спустить их на землю и заставить по ней ходить. Они светолюбивы. Используй и эту особенность.

— И ты использовала?

— Три года продолжались мои страдания. Вначале я находилась в полном отчаяния. Учитель улыбался, давал массу советов и любил повторять: «Все рождается с некоторыми муками». Помогли стимуляторы роста, прививки и особенно один случай... — Вера замолчала, увидев белую фигуру учителя. Он шел быстрой семенящей походкой, как всегда, когда торопился. — Извини, Дик. В другой раз я тебе доскажу эту необыкновенную историю. Учитель чем-то встревожен.

И она побежала к нему навстречу.

— Что случилось, учитель? — спросила она, подбегая к нему.

— Пока еще ничего. Хотя, пожалуй, да. — Он был так взволнован, что мешал русские и японские слова. — Где у нас здесь посевы морского винограда?

— Двенадцатый бассейн. Вон там, где стоит бедный Дик.

— Идем туда. — И он почти побежал, увлекая за собой Веру.

ОЧЕНЬ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Вечером ко мне прилетел на авиетке Костя Ложкин. На лице его было написано некоторое смущение, когда после бурных приветствий он сказал:

— Вот что, дружище, я к тебе до утра. А завтра пораньше ты меня забросишь к моей хижине, а авиетку, если это тебе не трудно, конечно, приведешь на базу. Понимаешь, к Пьеру меня вчера подбросили микробиологи.

Ну, я там обделал кое-какие дела. Вот «вырвал» у них присадку к магнитному микроскопу; говорят, теперь мой мини-оптик даст приличное изображение клетки... Вот и прекрасно! Я знал, что ты выручишь. Между прочим, вчера там были танцы. Понаехала масса девчонок из Лусинды.—Он зевнул.—Легли довольно поздно. Если ты не против, то я повешу второй гамак и полчасика сосну.

Укладываясь в постель, он сказал, зевая:

— После танцев, так около двух, там наблюдалось грандиозное свечение моря, еще ярче, чем во время танца кальмаров...

На этом Костя умолк и спал без просыпа до восьми утра, хотя я тщетно пытался разбудить его к восходу солнца.

— Ах, восход? Да, да, сейчас, сейчас,— бормотал он, патягивая на голову простыню.

Все-таки его разбудили ароматы кофе и жареных улиток. Позавтракав, я вывел из гаража комбайны, и они начали свой трудовой день. Сказав дельфинам, куда и зачем лечу и во сколько буду, я включил «секретаря» — этот прибор-приставка к видеофону регистрирует все вызовы в мое отсутствие и говорит, где я нахожусь.

Наконец мы поднялись в воздух.

Авиетка висела над полем хлореллы. Костя занимал место пилота и на правах старшего поучал меня:

— Постой, дождись порыва ветра посильней, тогда сей свою труху.

«Труха» — это споры морского винограда Мокимото. В красной коробочке, что я держу в руках, их миллиарды. Не прошло и двух месяцев, как блестяще подтвердились наблюдения дельфина Хикару и начался сбор соцветий во всех морях, где успело появиться это удивительное растение. Сотни тысяч добровольцев занимались и занимаются сбором соцветий морского винограда. В моей коробочке — результат многодневной работы не одной тысячи подводных пловцов.

— Ты что задумался? — спросил Костя.— Сей свои споры!.. Или нет, постой. При таком ветре следует опуститься пониже, а не то все унесет на берег.

Костя бросил машину резко вниз, чтобы, как он говорит, «развеять меланхолию». Последнее время у него что-то не ладится с окончанием дипломной работы, и он всеми средствами старается «войти в хорошую форму».

— Извини,— сказал он.— Но мне необходимо встряхнуться. Да, да, именно вот так!

— Может быть, следует тебе отдохнуть, отвлечься? — осторожно предложил я.

— Вам с Тосиком хорошо говорить. Он уже все закончил, а ты подходишь к концу и у тебя все ясно, а у меня — темный лес. Все мои ошибки выявятся последними опытами.

— Ну почему же ошибки?

— Ах, оставь! Сыпь свою труху и помалкивай, пожалуйста! Дай мне хоть немного собраться с мыслями.

Костя стал сосредоточенно постукивать пальцами по ручке управления, а я, немного обиженный его резкостью, продолжал вытряхивать из коробочки споры: хотя на авиетке был специальный распылитель для удобрений, но он не годился для посева спор, и я, как древний сеятель, рассыпал зародыши жизни руками. Темно-коричневая пыль уносилась ветром, медленно оседая над водной поверхностью, сморщенной ветром.

Помимо опытов с бурьми водорослями, Костя упорно продолжает работать над прошлогодней темой, пытаясь установить значение атомов редких земель в клетках живой материи. Задача необыкновенной трудности, но Костя не сдается.

— Всё покажут последние анализы,— сказал он; затем, подумав, сообщил мне потрясающую новость: — Совершенно неожиданно я обнаружил, мне кажется, новый вид известковой водоросли. Конечно, требуется еще проверка, но если ее и открыли до меня, то почему-то не обнаружили ее свойство, кроме кальция, ассимилировать еще и ниобий, и в довольно значительных количествах.— Костя оживился, повеселел.— И знаешь, это накопление идет довольно странным путем: вначале интенсивно накапливается ниобий, это пора молодости, расцвета, затем клетки под влиянием какого-то катализатора активно поглощают углекислый кальций. Но это совершенно новая тема! И вот что странно: над чем бьюсь — не получается или удается выведать какие-то крохи, а тут открытие упало прямо с неба!

— И давно?

— Да нет. Это случилось перед появлением звезд, в конце вахты на «пятачке». Все хотел тебе сказать, да сам знаешь, было не до того. Ты не обижайся, Ив. Вначале

мне показалось, что я в чем-то ошибаюсь, что ниобий остался в анализаторе от предыдущих опытов, но вот сейчас я вспомнил все до мельчайших подробностей. Я был близок к отчаянию, все летело к черту, и тут мне на глаза попалась эта странная водоросль — зеленовато-сизая, с нежной структурой листа, и я сунул ее в анализатор.— Костя умолк, словно пораженный неожиданно пришедшей мыслью, и, хлопнув себя по лбу, воскликнул: — Ну, да! Ниобий и является катализатором для асимиляции кальцитов! Ну и олух я царя небесного! Ты не находишь?

— Нахожу!

— Ну ладно, Ив. Не сердись. Извини меня. И звони вечером, а я попробую посадить эту колымагу на крышу моей хижины. Все отлично, Ив. Теперь я все мигом закончу, и работка, я должен тебе сказать, получится заметной.

Костины «хижина» представляла собой миниатюрный дворец из стекла, бетона и дерева, сооруженный на просторной площадке, стоящей на сваях. При строительстве здесь предполагалось разместить филиал зонального биологического института, но затем филиал перенесли на Центральный пост, а здесь осталась только лаборатория для сменных биологов — аспирантов и студентов, проходящих практику в Большой Лагуне.

Одну из пустующих комнат Костя любезно предоставил для олушей еще в начале своей деятельности на станции. Птицы поняли преимущество крыши над головой, и скоро там образовалась шумная колония. По словам Кости, птичий гам помогал ему «сосредоточиваться и находить решения». Его сменщики также опекали птиц, хотя и терпели от них немалый урон. Например, стоило только зазеваться, как улов рыбы уносили крылатые пираты; кроме того, олуши «защищали» дом от летательных машин, поэтому Костя приводился метрах в ста и подошел к причалу.

— Ты только посмотри на моих питомцев. Какие неблагодарные создания! — сказал он, распахнув дверцу машины.— Я предоставил им жилье, какого не знали их предки: крыша над головой, пища под боком. Вот дайте мне время, и я выселю всю вашу ораву на необитаемый остров!

Махнув мне рукой, он, преодолевая по три ступеньки,

помчался вверх по лестнице. Я был рад, что к нему наконец вернулось всегдашнее прекрасное настроение.

Возвращаясь я к себе на очень малой скорости, часто останавливал машину, фотографируя поля, пораженные синезеленой водорослью. За последнюю неделю картина акваторий мало изменилась к лучшему. Правда, на небольших площадях вода стала приобретать нормальный цвет моря, богатого планктоном. Среди грязно-зеленых скоплений водорослей появились кроваво-красные пятна. Здесь теперь поселились неисчислимые стада микрокоров — вислоногих раков особого вида, полученных зональным институтом генетики для разведения на акваториях китовых ферм.

Микрокоровы — всеядные животные; помимо зоопланктона, они с не меньшим аппетитом поедают и одноклеточные водоросли. Воздействие морского винограда скажется много позже, когда водоросли подрастут, а пока вся надежда на прожорливых микрокоров.

Подлетая к своей станции, я залюбовался работой комбайнов. Они старательно обходили красные пятна пастбищ микрокоров, собирая хлореллу только на чистой воде. Конечно, и там попадается синезеленая водоросль, а теперь и раки, но в очень незначительном количестве; примеси отсортирует сепаратор на заводе.

Перед тем как опуститься на водную поверхность, далеко на юго-востоке я заметил необычно большое скопление птиц; густой белой тучей они вились над рифом. Я подумал, что море выбросило мертвую акулу, косатку или тигровку и птицы устроили грандиозный пир. Надо было немедленно сообщить об этом в Санитарную охрану Лагуны: возможно, труп животного следует немедленно убрать с рифа, чтобы не произошло массового отравления пернатых. Я уже почти набрал шифр санитарного инспектора, как со стороны птичьей стаи показалась машина метеоролога Генри Свифта; он также заметил меня и подключился к моему видеофону.

— Ты к рифу? — спросил Генри.

Я ответил утвердительно.

— Нет смысла, Ив. Опуститься на воду и рассмотреть, чем они там лакомятся, довольно трудно. Я подходил к рифу по воде. Посмотри, что сделали с моей машиной! Всю загадили, паршивцы, теперь полдня придется отмывать. Работу я не доверю, придется самому...

— Что же все-таки на рифе?

— Что-то серое и очень длинное. Вначале я подумал, что там китовая акула. Но потом вспугнул птиц и увидел, что там терзают или гигантского осьминога, или модную теперь тигровую звезду, трудно было разобрать из-за птиц. Видишь, что они сделали с машиной. Стыдно теперь будет показаться дома. У тебя нет автомойщика?

У меня автомойщика на станции не было.

— Жаль,— сказал Генри.— Не вздумай и ты совать свой нос в эту пернатую тучу. Что можно, я уже сделал. Скоро сюда приедут ребята из санитарной инспекции. Я сообщил и вашему Пьеру, так что возвращайся к своим дельфинам.— Генри засмеялся, довольный собой.

Надо сказать, что он несколько снисходительно относился к нам, биологам, и, хотя уже пять лет работал в Лагуне, не мог отличить безобидную китовую акулу от большой белой или мако. Поблагодарив Генри и пожелав ему счастливого пути, я все же решил до прилета санитарной инспекции посмотреть на погибшее животное.

Чайки, олуши, бакланы, морские ласточки, альбатросы закрыли снежным облаком все вокруг машины. Я слышал даже, как птицы садились на крышу авиетки. Видимо, пернатые посчитали, что мой летательный аппарат посягает на их законную добычу, и всеми силами старались его отпугнуть. Мне удалось подойти довольно близко, и первое, что я увидел, были серо-зеленые, уже тронутые тлением «руки» кальмара; с них слетали и на них садились, как на насест, орущие птицы.

Прилив уже почти покрыл риф. «Руки» кальмара покачивались в такт набегающим волнам. Скоро его смоет с рифа и унесет в глубину, где с ним покончат акулы; несколько хищниц я разглядел в боковое стекло, они пожирали щупальца кальмара.

Только моя авиетка поднялась в воздух, как показалась машина Пьера. На экране видеофона рядом с Пьером светилось улыбкой прекрасное лицо Наташи Стоун.

— Ну, что там за сборище? — спросила Наташа.— Свифт поднял настоящую панику. За нами летит эскадрилья санитаров. Кто погиб? Звезда? Акула? Если звезда, то, конечно, ее надо быстренько упрятать в холодильник, а если акула, то стоило поднимать такой шум!

Пьер улыбался. В его лице появилась прежде несвой-

ственная ему мягкость. Он только кивал головой и улыбался, поглядывая на спутницу, как бы давая мне понять, что он со всем согласен и к ее словам ему нечего прибавить. Все же, когда я упомянул о кальмаре, он сказал:

— Странный случай. Никогда еще глубоководные кальмары не выбрасывались на сушу.

— Но он же мертвый,—сказала Наташа.— Умер в глубине, а потом его выбросили течения, волны.

Пьер покачал головой:

— По крайней мере, мне неизвестны подобные случаи.

Мы остановились недалеко друг от друга на высоте в сто пятьдесят метров. Пассат довольно сильно сносил нас к далекому берегу.

— Что же мы теперь будем делать? — спросила Наташа.

— Возвращаться,—ответил инспектор.—У нас уйма дел. Спасибо, Ив, что ты избавил нас от необходимости скориться с этим скопищем птиц.

Я пригласил их к себе, пообещав угостить устрицами и омаром.

Инспектор поморщился. Но на него умоляюще посмотрела Наташа, и он сказал:

— Только на двадцать минут, не больше.

И это произнес тот самый Чauerи Сингх, время которого всегда было рассчитано по минутам и никакие просьбы не могли нарушить его строжайший распорядок работы и отдыха, а здесь достаточно было одной улыбки...

У меня на акватории находилась небольшая устричная отмель. Я попросил Геру принести дюжину устриц, а Пуффи — добыть лангуста, он всегда мастерскиправлялся с этим делом.

Пьер спросил, недовольно хмурясь:

— Так наш завтрак еще в Лагуне?

— В этом вся прелесть! — воскликнула Наташа.— Прямо из воды — свежайшие дары моря! А перед завтраком можно и поплавать.—Она обратилась ко мне: — Подбери мне маску, и мы заглянем в твои подводные сады. Ты меня также познакомишь со своими дельфинами... Не хмурься, Пьер! Никуда не денутся твои водоросли и пришельцы. Поплавай и ты с нами.

Пьер отказался, сказав, что, пока мы купаемся, он

проверит работу северных ферм и возьмет анализ воды в Лагуне.

— Кстати, сваришь лангуста,— сказала Наташа.— Смотри, какой экземпляр добыл очаровательный Пуффи!

Пуффи плыл, держа рака во рту. Я спустился по трапу к воде, взял рака, поблагодарил Пуффи. Он тотчас же стал выделять акробатические номера и в довершение прошелся на хвосте.

— Это в твою честь! — сказал я Наташе.

— Какая прелесть! Ну, скоро мы присоединимся к нему? Ты обещал мне маску!

Кроме двух масок, для Наташи и себя, я захватил также тяжелое ультразвуковое ружье, вернее, миниатюрную пушку, дробящую коралловые глыбы на расстоянии пятнадцати метров. Такими ружьями недавно снабдили всех дежурных биологов на фермах Большой Лагуны.

Когда я вышел из дома, Наташа, обняв Пуффи, плавала с ним возле причала, оглашая окрестности звонким смехом. Птицы на крыше — там, кроме чаек, сидели и молодые олуши, — вытянув шеи, осуждающе смотрели на купальщиков, будто смех девушки нарушал их птичьи представления о приличиях.

Гера, Хох, Нинон, Бела и Протей — сын Протея ждали меня, держа во рту устриц. Положив мне в руку огромную устричную раковину, всю поросшую мшанками и с крохотной анемоной, Гера показала глазами на будку, где находился гидрофон, и фыркнула, приглашая поговорить о чем-то более важном, чем устрицы.

Собрав устрицы и передав их несколько растерянному инспектору, я поспешил к гидрофону.

— В Лагуне неспокойно. В Лагуне случилась большая беда — погиб один из детей Великого Кальмара! Только сейчас к нам приплыла Дина с горестным известием: на рифе лежит один из детей Великого, птицы и акула пожирают его. Будет большое несчастье для всех — и для нас, Людей Моря, и для Людей Земли.

— Как избежать несчастья? — спросил я, зная, что разубедить ее невозможно.

— Покинуть Лагуну.

— Ты сама прекрасно знаешь, что этого сделать нельзя. Если, допустим, мы, люди, сможем улететь на желтых машинах, то вы, Люди Моря, не сможете остан-

вить океан. Вы только сможете уйти подальше от этих мест.

— Мы уйдем. Все готовы уйти. Мы вернемся, когда гнев Великого пройдет. Сейчас мы должны плыть далеко на север. Туда, куда не дойдет гнев Великого.

Меня озадачило сообщение Геры. Паническое бегство дельфинов могло причинить новые беды всему хозяйству Большой Лагуны: останутся без надзора и охраны гигантские фермы китовых акул, тунцов, станет опасным плавание в Лагуне.

Подошел Чаури Сингх. Он все слышал.

— Надо их удержать,— сказал он.— Предложи Гере перейти в район мелководья, куда не сможет пробраться ни Великий, ни его дети.

На это предложение Гера ответила:

— Хорошо, мы уйдем на мелководье и будем там ожидать, когда пройдет гнев Великого. Мы уходим сейчас.

— И скорей возвращайтесь. Знай, что без вас мне будет очень трудно, к тому же поблизости большие белые акулы, мне одному с ними не совладать.

— Я ухожу сейчас, немедленно. Пуффи должен плыть с нами,— ответила Гера явно с раздражением.

— Подожди хоть десять минут, пусть Пуффи поучит плавать мою гостью. Или если тебе так необходимо уйти поскорей, то плыви со всеми, а Пуффи догонит тебя, я провожу его на катере.

— Нет. Он должен плыть со всеми. Одного или с тобой его пожрут акулы.

— Ну, так — через десять минут.

— Теперь через восемь! — ответила Гера. Все дельфины наряду со вторым зрением, высокоразвитой интуицией обладают точным чувством времени.— Теперь через семь,— услышал я, уже прыгая в воду.

Пуффи вертелся между нами, он вел нас к норам лангустов, которые во множестве находились над черной трещиной. После «экспедиции Рудольфа» пришелец здесь больше не появлялся, и если он остался жив после битвы с Рудольфом, то, видимо, больше не рисковал появляться в Лагуне, тем более что в пещерах рифа для него имелся неограниченный запас пищи. Страхи Геры я посчитал пустым суеверием, тем более что они были вызваны мертвым кальмаром.

Так мы плыли к черному провалу. Я отвечал на возгласы Наташи, которая восхищалась волшебной картиной дна Лагуны, освещенной прямыми лучами солнца, и сам невольно поддавался настроению своей спутницы. Чего стоил один восхитительный Пуффи, так дополнявший картину подводного мира!

Внезапно движения Пуффи стали вялыми, он жался к Наташе, старался просунуть голову под ее руку. Ему уже было пора подняться на поверхность, чтобы подышать, а он все оставался с нами. Наташа также вдруг потеряла интерес к подводным диковинам и, обняв Пуффи, замерла на месте. Я со страхом увидел через маску, что у нее закрыты глаза. Все же, медленно двигая ногами, она плыла к самой широкой части расщелины. Мной самим также овладело полное безразличие ко всему. Единственное, чего мне хотелось,— это медленно опуститься в черную бездну. У меня мелькнула вялая мысль, что нечто подобное я уже испытал в битве с пришельцами над Городом Осьминогов, и я похолодел от страха, охватившего меня, но тут же овладел собой, поняв, к чему может привести такое брезвильное равнодушие. И еще я вспомнил большую белую акулу и «руки» пришельца, протянувшиеся к ней.

— Остановись, Наташа! Назад! — хотел я крикнуть, но с моих губ сорвался только шепот.

Наташа улыбнулась, продолжая плыть к зияющей расщелине. Пуффи двигался вместе с ней, вяло шевеля плавниками.

Из расщелины бесшумно поднялись «руки» пришельца и глянули на меня его жуткие фиолетовые глазиши.

«Теперь конец»,— проплыло в сознании. И если бы я был один, то, по всей вероятности, и пальцем бы не пошевельнул ради своего спасения, потому что страх внезапно исчез, уступив место полной апатии, но впереди меня плыли к протянутым «рукам» чудовища Наташа и Пуффи. Через какие-то секунды их должны схватить эти кошмарные клешни и увлечь в бездну. Инстинкт защиты слабых пробудился во мне молниеносно. Я бросился вперед, перегнал их, поднял ультразвуковую пушку и, нацепив в фиолетовые глаза, стал изо всех сил нажимать на спусковой крючок. Я был с расстояния всего в десять—двенадцать метров. Вода окрасилась в голубой цвет. «Руки» пришельца медленно опускались.

Теперь меня больше всего беспокоил Пуффи, он явно задыхался. Наташа крепко обхватила его руками, и я стал выталкивать их на поверхность. Мне помогли подоспевшие Гера и Хох. Только много времени спустя я оценил их подвиг. Они-то знали, что кальмар в двух шагах, что рискуют жизнью, и их одолевало оцепенение под воздействием гипнотической силы пришельца, но все же они не оставили нас в беде, а находились поблизости, превозмогая цепенящий ужас.

Я плыл, поддерживая спящую Наташу, и видел, как Пуффи приводили в чувство: Хох поддерживал его снизу, а Нинон и Гера сдавливали с боков. Искусственное дыхание очень скоро возымело свое действие. Когда я передал Наташу перепуганному насмерть Пьеру, Пуффи уже плавал среди своих, правда еще без прежней резвости.

Пока мы приводили Наташу в чувство, Гера, не попрощавшись, увела весь свой род в неизвестном направлении. Она знала, что я снова пролил голубую кровь сына Великого Кальмара и теперь-то уж наверняка все возможные несчастья обрушатся на нее как на пособницу святотатства.

Вместо двадцати минут Пьер и Наташа пробыли у меня более двух часов. Инспектора очень взволновало появление пришельца, а Наташа была необыкновенно оживлена и просила меня подробней рассказать, как они с Пуффом плыли в распластертые «руки» кальмара. Ей все казалось необыкновенно забавным, и она, к неудовольствию Пьера, заливалась смехом. Наконец тот сказал:

— Натали, как ты можешь! Ведь если бы не Ив...

— Вся жизнь состоит из «если бы». — Затем она встревожилась: — Так если бы не ты со своим ружьем?.. — спросила она меня и зябко передернула плечами. — В самом деле, что-то я уж очень веселюсь. Скорее всего, мое состояние можно объяснить слишком сильным влиянием пришельца на мою психику.

Дежурный по посту управления — это был Дэв Тейлор — появился в видеофоне.

— Приятного аппетита, — сказал он. — Но вынужден его несколько испортить некоторыми сообщениями...

— Без вступлений, Дэв! — прервал его инспектор, недолюбливавший Тейлора. — Что там у вас произошло?

— Начну в порядке поступления: Илья Чвагин с плантации бентосных водорослей сообщил, что исчезли последние колонии синезеленых.

— Отлично, Дэв! — Инспектор улыбнулся.— А то ты действительно чуть было не испортил нам десерт.

Тэйлор продолжал, холодно щуря глаза:

— В ста милях к югу от Лусинды рефрижератор «Мери» выбросило на рифы.

— Каким образом?

— Шквал, и он находился слишком близко от гряды рифов. Стоял на якоре. Работают два спасателя.

— Жертвы есть?

— Нет.

— Продолжай.

— О кальмаре на рифах вы, конечно, уже знаете?

— Да, знаем.

— Так это событие вызвало паническое бегство дельфинов. Остановить их пока ничем нельзя.

— И не надо останавливать. Через несколько дней приступ страха пройдет, и они вернутся.

— Надеюсь. Пока же акулы напали на ферму китовых акул. Я послал туда из резерва отряд охотников на акул.

— Отлично, Дэв.

— И последнее...— Дэв вздохнул, как перед прыжком в воду.— В пяти милях к востоку от Большого рифа обнаружено прогулочное судно «Счастливчик Бен», на котором находился только один радиостартер в состоянии нервного шока. Восемь членов экипажа и двадцать пассажиров пропали без вести. Судно шло...

— Какое это сейчас имеет значение, куда оно шло! — взволнованно перебил инспектор.— Куда девалось столько людей? Остались ли на корабле спасательные средства? Выводы экспертов?

— Спасательные средства все на судне. Следствие начато. Пока сделаны самые неутешительные выводы.

— Мы сейчас вылетаем, Дэв.

Наташа робко встала из-за стола и сказала:

— Я только сейчас поняла весь ужас того, что могло произойти с нами. Никогда, наверное, больше я не отважусь плавать под водой.

Чаури Сингх покачал головой:

— Отважишься. И очень скоро. Ведь ты вступила в

армию завоевателей океана и совсем не похожа на дезертира. Мы внушили Великому Кальмару и его детям должное уважение к себе. Я против поголовного истребления этого уникального вида головоногих моллюсков. Эти древнейшие животные, сохранившиеся в недрах океана,— необходимое звено в бесконечной цепи жизни. Я уверен, что агрессия кальмаров вызвана нашими непродуманными действиями. Надо найти способы и оградить себя от опасности и сохранить этот вид. Пути здесь те же, что и в борьбе с синезеленой водорослью. Только противник с виду более внушителен.— Он говорил это, выходя из дома.

На прощанье Наташа крепко, по-мужски пожала мне руку, и это было для меня самой высокой наградой, какую я когда-либо получал. Я проводил взглядом их авитеку, она скоро растаяла в горячем небе. Я остался один. Даже чайки и олуши улетели кормиться к дальнему рифу. Как тоскливо стало без дельфинов!..

Послышался низкий, внушительный гудок — подходил «Р-107», белый рефрижератор, за недельной продукцией моей фермы. На мостице стоял штурман, также во всем белом. Корабль, маневрируя, стал у стенки, спустил эскалатор, лента двинулась прямо к люку в стене. Створки над люком разошлись, из черного зева заклубился снежок из кристаллов угольной кислоты. Эскалатор вполз внутрь холодильника, и через минуту по ленте поплыли на корабль покрытые изморозью контейнеры с хлореллой.

Такие рефрижераторы обслуживаются командой из шести человек, так как все управление, погрузка и выгрузка автоматизированы. На «Р-107» находился всего три человека.

Штурман, молодой ирландец, опершись на поручень, говорил:

— Троє наших сего дня ушли по тревоге. Они да и мы все входим в подчинение Главного управления Большой Лагуны. Ребята — дипломированные охотники на акул, они отправились охранять плантации взамен дельфинов. Что за суеверный народец эти дельфины! Только услышат о кальмарах, так совсем теряют голову, а ведь существа необыкновенного мужества! И все оттого, что наши просветительные организации не борются как надо с суевериями. Странно слышать в наше-то время о ка-

ком-то всемогущем божестве в образе Великого Кальмара. Ты не находишь?

Я сказал, что разделяю его точку зрения, тем более что остался совсем один на огромной акватории, и спросил, не знает ли он подробностей о трагедии на «Счастливчике Бене».

— Ну как же! Разве ты не слышал последние сообщения?.. Ах, были гости! История потрясающая. Радист рассказал невероятную историю. Что-то подобное еще в школе я читал в одном из морских сборников в разделе «Старые хроники» и не поверил ни единому слову. Радист — между прочим, его тоже звать Бен, вот действительно счастливчик из счастливчиков! — так этот Бен вначале находился на верхней палубе и вместе со всеми любовался свечением моря, потом пошел к себе в рубку на вахту и начал передавать телеграммы. Неожиданно ему захотелось все бросить и выйти на палубу. Просто нестерпимое желание им овладело. Но тут оказалось, что, выходя из каюты, второй радист по рассеянности повернул ключ в замке. Поняв, что ему не открыть дверь, Бен кинулся к окну и увидел, как из воды высекают пришельцы, устроили что-то вроде балета вокруг корабля. Тут радисту Бену стало совсем невтерпеж — так ему захотелось принять участие в представлении, и он стал выламывать окно, между прочим, забыв, что его можно опустить. Стекло, сам знаешь, там руками не разобьешь, это сталинит. В конце концов Бен, обессилен, упал возле окна и потерял сознание. Вот до чего довело нас незнание жизни океана. Счастливо оставаться. Смотри, Ив, не суйся в Лагуну. В ней сейчас столько всякой погани развелось. Если начнется свечение моря, беги в свой дом, закрывай двери на ключ и привязывай себя к гамаку. Что-то плохо начинается у нас лето... — Говорил он очень быстро, а сам следил за приборами и эскалатором. С последним ящиком он стал убирать конвейерную ленту и медленно отходить от причала.

На прощанье прокричал:

— Не надо было трогать проклятых моллюсков! Дьявол возьми их со всеми потрохами!

«Р-107» взял курс к ферме Спенсеров.

Постепенно я увлекся работой. Остановился один из комбайнов, и на его ремонт ушло около часа. Затем пришло время брать пробы воды в разных местах фермы,

взять анализы планктона, установить степень размножения микрокоровок, количество синезеленой водоросли, передать сводку. Только под вечер как будто все главное я, кажется, выполнил и решил повидать Тосио.

Сенсей выглядел очень утомленным.

— Печальные события, Ив,— сказал он.— Вроде удара молнии, наводнения или урагана в прежние времена, когда наши предки не могли предвидеть эти стихийные бедствия и предупреждать их последствия. Кто-то назвал глубоководных кальмаров пришельцами. Удивительно верное определение! Они свалились на нас, как существа с другой звездной системы, непонятные и враждебные нам, хотя миллионы лет жили совсем недалеко от нас, только в другой сфере или, вернее, в другом измерении, где все процессы протекают иначе; там чудовищное давление, полное отсутствие света, другие свойства воды, иная степень радиации... Я знаю, ты хочешь спросить, почему они мирились с нами, давая преспокойно завоевывать океан, и вдруг пошли на нас войной? Ты знаешь, что я еще с первого курса занимаюсь головоногими моллюсками. Конечно, знания мои еще незначительны, все же я могу предположить, что люди вторглись в глубины океана приблизительно лет пятьдесят назад, когда шел неконтролируемый процесс развития техники, в ту пору и загрязнили океан ядовитыми отходами производства. В результате — бурное развитие синезеленых водорослей и появление многочисленных мутантов. Пришелец — тоже мутант довольно мирного прежде глубоководного кальмара, с которым имели дело преимущественно кашалоты. Новый вид стремится отвоевать верхние горизонты моря...

Неожиданно к нам подключился сияющий Костя и стал горячо рассказывать о своей удаче.

— Вот что значит верная гипотеза! — говорил он.— Теперь мне надо только всего недели две, и моя работа засияет, как ограненный алмаз!

— То есть бриллиант! — уточнил повеселевший Тосио.

— Вот именно! Но я смогу закончить ее и дома. Ребята! Ведь скоро мы увидим Москву! Воробьевы горы! Как хочется домой! Мы как перелетные птицы — нас тянет под серое небо. Да на лыжи бы сейчас и ударить по снегу!

— И мне хочется померзнуть вместе с вами,— сказал Тосио.— Очень хочется, и я, пожалуй, приеду к вам, вот только загляну к своим старикам...

Мы расстались, полные самых радужных надежд на будущее. Я вышел из дома. Солнце низко стояло над далекими зелеными холмами. Мои птицы возвращались на ночлег. Чайки садились с левой стороны крыши, олуши — с правой, и все повертывались к солнцу.

Возвращались комбайны. У них сработало реле времени, и машины плелись в гараж, оставляя за собой гладкие блестящие полосы. Сегодня впервые за много недель они «скосили» полную норму белковой водоросли и вдобавок собрали около трех тонн микрокоровок, которых охотно принимают заводы по переработке продуктов моря.

Меня охватило приятное чувство хорошо поработавшего человека, плоды труда которого осозаемы. Обыкновенно в этот предзакатный час я купался, но сегодня Лагуна казалась неприветливой, злой, полной враждебных существ. Явственно проплыли в сознании кадры встречи с пришельцем, безмятежное лицо Наташи, беспомощный Пуффи, завораживающие фиолетовые глаза... Какое счастье, что я захватил ружье!..

В тишине послышался еще очень далеко шлепок о воду и характерный вздох дельфина. Кто-то очень спешил, и как будто сюда. Прошла минута, другая, теперь уже не оставалось сомнений, что дельфин на рекордной скорости мчится к моему причалу.

Это был Пуффи! Он подлетел, приветствуя меня пронзительным свистом.

— Ты один? — спросил я через гидрофон.

— Пуффи один. Гера, Хох, Протей — сын Протея, мама Нинон, Бела остались в мелководной луже, куда не пробраться пришельцу. Они очень боятся пришельца.

— Почему ты называешь его пришельцем, а не сыном Великого Кальмара?

— Потому что это одно и то же. Я не боюсь больше пришельца. Пуффи не боится никого! Не боится большой белой акулы, барракуды, мурены. Пуффи хочет быть таким, как ходящие на задних ластах! Почему ты не идешь ко мне? Прыгай! Или ты теперь стал труслив, как бабушка Гера, что увела всех в теплую жалкую лужу? — Из

потемневшей воды донеслось пофыркивание, напоминающее саркастический смех.

Как прав был Пуффи! Страх сковал мои члены, стал непреодолимым барьером. Казалось, что никакие силы не смогут меня толкнуть в зловеще мерцающую воду. Заткать выдался необыкновенно пышным, Лагуна трепетала, впитывая в себя последнее тепло и щедрые краски уходящего солнца.

— Прыгай, Ив! Ты же говорил мне, что мы с тобой хозяева Лагуны, а не тот похожий на осьминога пришелец. Двигай задними ластами, Ив!

И я прыгнул в прохладную воду.

ВЕСЕЛЫЕ СВАДЬБЫ ИГРАЮТ НА ФИДЖИ

Этого еще не бывало: Тосио проснулся от ярких солнечных лучей, ударивших в лицо. Обыкновенно его будил Джон за десять минут до рассвета. Вот он сейчас стоит на полированной полке для книг и как ни в чем не бывало улыбается своей вечной улыбкой, покачивая головой. Джон — универсал: он еще и часы, и каждый кинвок его головы — секунда, ушедшая в вечность. Часы без стрелок в руках Джона показывали шесть часов двадцать минут.

Тосио уже вскочил, словно его подбросило пружинами, и первым делом раздвинул створки седзи — деревянные рамы, затянутые матовой бумагой, и в его жилище ворвался поток прохладного бриза. Седзи носили универсальный характер: выполняли функции стены, окна и дверей. Затем Тосио шагнул на зеленый пружинящий мат, покрывающий бетонную площадку перед домом, и стал проделывать гимнастические упражнения, недовольно поглядывая на Джона. Собственно, Джон здесь был ни при чем, он только преобразовывал электрические импульсы в звуковые колебания, которые получал от компьютера со второго этажа, и крохотную частичку своего электронного мозга уделял тому, чтобы человек, живший этажом ниже, не нарушил биоритмы, записанные в его генетических часах. Сегодня перед рассветом пришлось заменить целый блок в системе памяти, поэтому человек встал позже на пятнадцать минут. Компью-

тер ответит устами Джона, если его спросят о причине волнившего нарушения распорядка дня, но человек уже вошел в ритм бодрствования, выполнил набор упражнений, заставивших кровь быстрее проникать в сокровенные уголки его сильного тела, вселяя в него бодрость и радость жизни. Осталось последнее из гимнастического ритуала — плавание, и он, разбежавшись, взлетел в воздух, описав плавную кривую, пробил упругую поверхность воды и уже плыл среди причудливого леса водорослей, кораллов, врезаясь в пестрые стаи рифовых рыбок; они его не боялись, давно убедившись, что это темное шумное существо не опасно.

Тосио плыл с открытыми глазами, любуясь пробуждением Лагуны. Солнечные лучи еще падали косо и, рассеиваясь в толще воды, создавали матовый полусвет. В чаще гигантских ламинарий таился полумрак, не менее опасный, чем кромешная ночная тьма; там еще вспыхивали голубые и зеленоватые огоньки креветок, крохотных кальмаров, осьминогов, а может быть, и чудовищ куда пострашней, поднявшихся из глубин на ночную охоту и запоздавших покинуть риф. Туда Тосио не подплывал. Он прошел метров двадцать, не погружаясь в глубину, шумно вынырнул на поверхность и поплыл, взбивая ногами бурун пены. Подплыв к нижней площадке бетонного трапа, он с ходу выскочил на нее и остановился, тяжело переводя дух. Ежедневно его утреннее купание проходило в обществе дельфинов, надежно его охранявших. Подплыв к трапу, он, не выходя из воды, по обыкновению, несколько минут разговаривал со своими друзьями, делился с ними планами на день. Вчера пришло распоряжение послать дельфинов на соседнюю тунцовую ферму, вокруг которой бродили белые акулы. Тосио, проделывая дыхательные упражнения, чувствовал себя одиноким; он так свыкся с шумной веселой семьей Матушки Симы. К тому же каждое утро он получал от нее на завтрак устриц, гигантских креветок, рыбу. «А сегодня у меня только что-то из консервов», — подумал он, поднимаясь по трапу.

Тосио ошибся: в холодильнике оказалось только несколько банок сока манго, а есть хотелось необыкновенно, он даже почувствовал болезненный спазм в желудке. Пришлось еще раз опуститься в Лагуну. Недалеко от причала, с южной стороны, находилась неболь-

шая колония морских гребешков. Тосио взял сетку и электрический гарпун на тот случай, если подвернется небольшая рыба — как раз на завтрак. Рыбу ему подстрелить не удалось: вокруг вертелась только мелочь вроде рифовых рыбок.

«Наверное, на сетке с прошлого раза осталась слизь и кровь от тунца», — подумал Тосио, наблюдая за осмевшими рыбками-бабочками. Морские гребешки, как только на них ложилась тень или они ощущали движение воды, мгновенно сжимали створки раковин и, используя реактивную силу вытолкнутой воды, отлетали в разные стороны, поднимая песчаные облачка. Все же Тосио удалось сунуть в мешок пару гребешков — вполне достаточно для скромного завтрака, а Тосио ел мало. Но тут он заметил голотурию, притаившуюся среди ветвей кораллового куста, и потянулся к ней рукой. Морской червь, почувствовав опасность, применил единственную свою защиту — выбросил все свои внутренности; обыкновенно подводный хищник набрасывается на них и медленно погибает жалкой смертью — внутренности ядовиты. Такая операция не причиняет никакого вреда голотурии, внутренности вырастают снова. На этот раз враг оказался разборчивее: он, не посмотрев на приманку, сунул выпотрошенную голотурию в сетку.

Поднимаясь на поверхность, Тосио услышал характерное пощелкивание дельфина. «Должно быть, гость», — решил Тосио: он хорошо знал язык своих дельфинов, а этот, чувствовалось, попал в незнакомое место и осторожно прощупывал своим ультразвуковым локатором окрестности биостанции. Дельфин находился еще далеко, Тосио увидел его только через несколько минут после того, как поднялся на причал. Тосио приветствовал гостя, подняв руку. Дельфин подплыл к причалу и довольно внятно пожелал Тосио хорошего дня. Тосио не знал этого дельфина. У него была серебристая кожа и большие печальные глаза, изобличавшие преклонный возраст.

Тосио подошел к гидрофону и сказал:

— Рад приветствовать тебя, брат Моря. Вижу, ты приплыл издалека и тебе необходим отдых, будь дорогим гостем. Там, где ты находишься, есть лежанки с мягким покрытием, располагайся на любой из них. А пока извили меня, я должен себе приготовить завтрак. Хотя я сей-

час принесу все необходимое к гидрофону, и мы сможем продолжить беседу. Меня звать Тосио.

- Имя мне твое известно.
- Кто же тебе его сообщил?
- Твой друг Костя.
- Ты был у него?
- Мы с ним охотились в Лагуне на мако.
- Когда?

— Вчера. И он пытался тебе сообщить об этом, я слышал, как он громко называл твое имя и был очень расстроен, что ты не отвечаешь...

- Опять этот Джон!
- Джон — думающая машина?
- Да, мой друг. Ты и об этом осведомлен?

— Костя сказал, что тебя вечно подводит проклятый Джон, и объяснил мне, что это за существа. Как велика сила вашего ума, позволяющая из мертвых вещей создавать живой разум! Костя сказал, что с тобой потеряна всякая связь и он скоро приплывет к тебе. Чтобы тебе легче было обращаться ко мне, знай: мое имя, данное людьми,— Хикару, а имя, нареченное моей матерью,— Солнечный Блик, но оно забыто давно, и теперь все зовут меня Хикару. Зови и ты меня так.

- Хикару! Так и я слышал о тебе.
- Меня знают многие.

Тосио бросил в кипящее пальмовое масло мускулы гребешка, снял сковородку с переносной газовой плитки, поставил на конфорку кофейник. Хикару не видел его — бетонный козырек причала закрывал Тосио,— он по звукам воссоздавал все действия человека.

— Извини, я схожу за кружкой и столом. Надеюсь, ты позавтракаешь со мной?

В ответ раздалось подобие смеха и голос:

— Хикару не пьет кофе. Он только съел макрель.

— Ну, а я выпью. Я сегодня нарушил порядок первой половины дня, и все потому, что так слепо доверился машине.

— То, что я приплыл к тебе, тоже мешает твоим занятиям, я знаю. Хотя вы, люди, сделали своими руками столько, что можно и остановиться. Побеждены Большие Звезды и крохотные водоросли. Они еще есть в Лагуне, но с каждым восходом солнца их становится все меньше; скоро они исчезнут совсем. Даже дети Великого Кальма-

ра ушли в вечный мрак океана, где их жилище. Всё уступает место человеку.

Голос механического переводчика звучал ровно, бесстрастно, и все же Тосио передавалось волнение Хикару, его восхищение перед мощью человека и его грусть, что он окончательно завоевывает и океан.

Тосио, проглотив своих моллюсков — они изрядно подгорели — и выпив чашку кофе с бисквитами, спустился к воде вымыть посуду. Хикару подплыл и, наблюдая за движениями его рук, говорил, хотя по выражению его физиономии этого сказать было нельзя, до того она казалась спокойной, неподвижно-улыбчивой. Хикару находился недалеко от гидрофона, и из стеклянной кабинки на причале доносился жестковатый голос, запрограммированный в компьютере; на этот раз Джон хорошоправлялся с работой.

— Долгое время, — говорил Хикару, — многие движения твоих братьев и сестер казались мне лишенными смысла... — Хикару умолк и вопросительно уставился на Тосио.

Тосио улыбнулся, сидя на корточках; в одной руке он держал сковородку, в другой — белую фарфоровую кружку. Он ответил:

— Не все действия человека имели и имеют, как ты выражаяешься, смысл. Иногда они приносят беду и человеку и его меньшим братьям.

— Слова твои глубоки, как впадина за Барьерным рифом. Люди Моря знают, что не так давно по берегам морей стояли странные сооружения, изрыгающие разноцветный туман, а в море по трубам бежала ядовитая вода. В то время много погибло Людей Моря и, я слышал, ушло раньше пред назначенного срока множество твоих братьев. Слыхал ли ты об этом?

— Да, Хикару. Много неразумного совершили наши предки, и вот теперь мы исправляем их ошибки и, наверное, делаем новые, которые придется исправлять детям наших внуков.

Из дома послышался мелодичный звон и голос Джона:

— Тосио! Иди скорей, тебя ждут Костя, Ив, Вера, Антон и Наташа.

При упоминании Наташи у Тосио похолодело в груди, сердце томительно сжалось, и он, извинившись перед Хи-

кару, взлетел по трапу, едва касаясь ступенек носками ног.

На экране видеотелефона он увидел милые его сердцу лица и сразу определил, что все они находятся в движении. Костя, Ив и Наташа летели на авиетке, а Вера и Антон мчались на катамаране. Увидев его, они радостно завопили, перебивая друг друга:

- Мы к тебе!
- Все!
- Где ты запропастился?
- Запрашивали аварийный отряд.
- К тебе летела санитарная машина...
- Не бойся, вернули.
- Все твой Джон?..

Авиетка уже подлетала. Ярко-желтая с черным, она четко выделялась на фоне серого облака. Наташа сидела за штурвалом. На авиетке не выключили видеотелефона, и Тосио видел ее сосредоточенное лицо. Аппарат застыл на высоте пятисот метров, затем стремительно ринулся, спускаясь по спирали. У Ива и Кости были блаженные лица школьников, совершающих каверзный поступок. Инструкция запрещала пилотам авиеток, автокаров и прочих машин подобного типа совершать рискованные трюки в воздухе.

Тосио помрачнел. Он не мог одобрить бессмысленный риск. При такой скорости машина могла врезаться в посадочную площадку на крыше лаборатории. Он замахал руками, закричал так пронзительно, что пролетавшая невдалеке чайка метнулась к самой воде. В это время авиетка выбросила закрылки и через минуту мягко опустилась на крышу.

На второй этаж и к посадочной площадке полукружием поднималась лестница, по ней спускались гости. Впереди шла Наташа в светлых шортах, короткой алоей кофточке; такой же лентой она перевязала на затылке пучок своих рыжих волос. За ней спускался Костя с мешком за плечами, потом Ив. Тосио залюбовался своими друзьями. Все они улыбались, обволакивая Тосио своим расположением к нему и любовью. Наташа подошла к Тосио, сузив искрящиеся радостью зеленые глаза, неожиданно обняла и поцеловала. Затем сказала ошеломленному Тосио, не снимая рук с его плеч:

- Милый Тосик, как я рада тебя видеть! Прошла це-

лая вечность, как мы охотились за пришельцами. Какое было время!

Тосио растерянно улыбался. К нему на помощь пришел Костя. Сбросив с плеча тяжелую ношу, он сказал:

— Это тебе компенсация за нервное потрясение.

— Компенсация за потрясение? Какое потрясение?

Все, кроме него, засмеялись. Костя сказал:

— Посмотрел бы ты на себя с высоты ста пятидесяти метров, как ты пытался остановить нас и какой при этом издал душераздирающий вопль.

— О да, я сильно испугался. Опускаться на такой скорости!

Наташа сказала, отступив от Тосио:

— Он прав, мальчики. Что, если бы не вышли закрылки?

Ив, пожимавший руку Тосио, сказал:

— Ты могла еще окунуть нас в Лагуну.

— И разбить «Колибри», — дополнил Костя.

— Нет, я надеялась на закрылки. Разве вы не наблюдали, как садятся птицы? Они тормозят всей площадью крыльев. — Она улыбнулась: — Ну стоит ли теперь толковать об этом? Все прекрасно в Лагуне. — Бросила взгляд в раскрытые настежь двери жилища Тосио. — О, он живет, как древний японец! Смотрите, у него совершенно пустая комната! Только циновки, столик да на стене акварель Фудзиямы.

— Ее написал мой отец. Фудзи видна из нашего окна. Мы живем в Камакура.

— Какая прелестная гора! — продолжала восхищаться Наташа. Она сбросила сандалии и перешагнула порог комнаты. — Да здесь прохладно, мальчики! — Она прилегла на татами. Рядом с ней расположились и молодые люди.

— У тебя прекрасный кондиционер, — сказал Ив. — А у меня уже два дня как сломался, и сейчас я довольствуюсь только вентилятором.

— Как хорошо, что вы посетили меня! — сказал Тосио, улыбаясь Наташе. — Просто необыкновенно хорошо, хотя день у меня начался неудачно.

— Знаем: Джон, — сказала Наташа, закрывая глаза, зевнула и, положив голову на ладошку, заснула.

Тосио встал, за ним поднялись Ив и Костя и на цыпочках вышли из комнаты. Тосио сдвинул рамы.

Ив сказал:

— Она всю ночь дежурила на Центральном посту.

Тосио укоризненно покачал головой:

— И вы дали ей вести машину?

Костя ухмыльнулся:

— Попробовал бы ты не дать.

— Конечно, она девушка необыкновенная, и сей трудно в чем-либо отказать.

Тосио привел друзей под тент с южной стороны здания, где стояли большой стол из пластика под дерево и с дюжину стульев. Друзья сели за стол и долго молчали, посматривая друг на друга. Они не виделись неделю, если не считать встреч у видеофона.

— Ну вот,— сказал Костя,— дня через два мы будем далеко-далеко. И хочется ехать, и жалко оставлять нашу Лагуну, дельфинов и все, с чем мы здесь сжились. Мне даже жаль пришельцев и тигровых звезд.

— Действительно,— Ив пожал плечами,— мне тоже так не хочется расставаться со всем нашим неустроенным бытом, и почему-то особенно жаль, что больше долго не придется встречать восход солнца, стоя на причале, и с первыми лучами падать в пахучую горько-соленую воду, кишащую бесчисленными существами. Мы здесь, ребята, почувствовали себя неотъемлемой частью природы и детьми океана.

Тосио, улыбаясь, кивал, думая о Наташе. Он видел ее спящей на тотами в беспомощной позе усталого ребенка. Он не слышал, что к нему обращается Ив:

— Да приди в себя. Что у тебя сегодня за блаженный вид? — Он хлопнул его по спине.

— Хорошо, ребята! Я сегодня счастлив. Так я никогда еще не был счастлив.

Костя с нежностью положил ему руку на плечо:

— Тосио, дружище, ты знаешь, как мы хотим тебе самого наилучшего, ты ведь философ и разбираешься в людях, особенно в женщинах.

Тосио покачал головой:

— В женщинах? Кто в них разбирается? Кто их может понять?

— Тогда я тебе должен сказать, что я разбираюсь в них лучше, чем в своих препаратах, увеличенных в три миллиона раз.

Ив спросил:

— Может быть, следует взять увеличение немножко меньшее?

— Пусть в миллион! И это дает мне основание сказать тебе: не обольщайся, Тосио!

Тосио опять кивнул и все с той же блаженной улыбкой сказал:

— «Жди худшего конца, и тем потеря станет незаметней», — сказал Лao Цзы, и он прав. И я согласен с тобой, Костя, и все же не могу погасить радость в себе.

— И не гаси ее! Да, ты прав, дружище! Зачем гасить в себе радость? Надо всеми силами создавать ее, удерживать. Ты прав, как всегда, Тосио-сенсей. Ты, конечно, не ждал нас сегодня. Мы свалились к тебе, как снег на голову, так говорят у нас в России.

— Удивительно верное изречение!

— О! Братцы! — Костя воздел руки, задев парусину тента. — Я бросил мешок с деликатесами на самом солнцепеке, надо убрать его в холодильник. — Он убежал, оставив Ива и Тосио.

Ив спросил:

— Ты, конечно, полетишь к своим старикам?

— Они меня заждались. Сколько тревог мы приносим родителям! С моей матушкой случился нервный приступ, когда она в «Хронике мировых событий» увидела меня в числе ловцов тигровых звезд.

— Я думаю, что наши дети станут вести себя так же.

— Ну конечно, Ив! Ты обязательно прилетай ко мне весной вместе с Костем, к цветению сакуры.

— Спасибо. Приеду и привезу Костю, хотя бы мне пришлось связать его.

Они замолчали, глядя на сверкающую поверхность воды. В отдалении плавал Хикару, наблюдая за всем, что делается возле лаборатории.

Тосио, о чем бы ни говорил, все время думал о Наташе. Через два дня он уедет и, по всей вероятности, никогда больше ее не встретит. Даже не сможет: у него не хватит сил вызвать ее по видеотелефону. Это последний день его счастья. И все-таки в нем теплилась слабая надежда.

— Ив, — робко позвал он друга.

— Да, Тосио.

— Ив! Ты много знаешь о ней. Скажи, какие у нее планы на будущее? Как у нее... там, на Центральном посту?

— Я знаю, Тосио, что тебя интересуют ее отношения с Пьером.

— Да, да, Ив.

— Тут все в порядке...

— Да? В порядке?

— Именно. Прошел слух, что они поженились, но это чья-то выдумка. Пьер давно женат, и у него четверо детей, и такой человек долга, как он, не смог бы изменить жене. Он принял в Наташе горячее участие, считая, что такая одаренная натура должна заняться только биологией.

— Так она свободна?

— Как утренний бриз. Кстати, она очень интересуется тобой.

— Ты это серьезно?

— Да, Тосио. Она знает, что ты давно неравнодушен к ней.

Тосио вскочил:

— Как! Кто мог об этом сказать? Я ни с кем не делился своими чувствами, даже с тобой!

— Дружище! Да ты сам бесконечное число раз объяснялся ей в любви, пусть безмолвно, но об этом говорили твои глаза. Как они загораются, сколько в них появляется нежности при виде ее!..

Тосио сел и схватился руками за голову:

— Неужели так заметно? И это при моем умении владеть своими чувствами!

— Представь себе, что вся Лагуна знает о твоем чувстве к Наташе Стоун.

— Непостижимо, Ив! — в отчаянии воскликнул Тосио.

— Я бы на твоем месте объяснился.

— Ты безумец, Ив! Давай оставим этот разговор.

— Оставим, если ты так хочешь, но ведь ты говорил, что человек должен, обязан добиваться истины, как бы она ни была горька.

— Все так, все так... Вот и Костя. Садись, Костя. Вы все сбили меня с ритма — вначале Джон, потом Хикару, потом вы все, — но ни слова. Я безмерно рад вам. Вы, наверное, голодны. Сейчас мы устроим пир. Попросим Хикару поймать тунца, сюда их много заплывает с соседней фермы.

Костя выпятил грудь:

— Предоставь все мне, и через пятнадцать минут у тебя будет тунец любой величины, а Хикару может присутствовать на охоте только в качестве ассистента.

— И я не прочь поохотиться в твоих дебрях,— сказал Ив.

— И я! — появилась Наташа, поправляя волосы.— После такого сна мне требуется теплая ванна величиной с Лагуну. Я страшно замерзла, мальчики! Не удивляйтесь. Кондиционер Тосио снизил температуру в его апартаментах до четырнадцати с половиной градусов.

— Не может быть! — воскликнул Тосио.

— Так сообщил твой Джон.

— О, этот Джон!

— Он у тебя прелесть. Что может быть скучней жизни без неожиданностей!

Костя воздел руки к небу:

— Слава богам! Они дарят их нам последнее время в избытке. Я иду за тунцом.

— Нет, погоди! — остановила его Наташа.— Мне надо переодеться к охоте. Какой мне прислали костюм! — Подмигнув, она метнулась вверх по лестнице к машине, где у нее лежал чемоданчик.

С крыши донесся ее голос:

— Тосик, приготовь мне маску и гарпун! Я вмиг.

Тосио, растерянно улыбаясь, кинулся исполнять приказание.

Костя сказал Иву:

— Мне его жаль. Она совершенно вскружила ему голову.

Ив усмехнулся загадочной улыбкой и пожал плечами:

— Может, не так все безнадежно.

— Ив?

— Да, Костя.

— Ты знаешь, насколько глубоко и тонко я разбираюсь в женской психологии.

— Ну как же.

— Без иронии. Тосио надо спасать, пока не поздно.

— Каким образом?

— Надо выработать программу. Предоставь это мне. Слышишь?

Наташа напевала, спускаясь по лестнице.

Подошел катамаран. В нем, кроме Веры и Антона,

находилась пестрая ватага студентов-практикантов. Они ехали на соседние фермы, Вера и Антон прихватили их с Центрального поста. Студенты высыпали на причал и с нескрываемым восхищением окружили Наташу Стоун. В ярком бикини, с гарпуном и маской в руках, она шла, расточая улыбки, к трапу, ведущему к воде. За ней торжественно следовали Тосио с Костей, вооруженные до зубов. Костя, кроме гарпуна, прихватил ампуломет, а Тосио — ружье для охоты на акул. Близ причала, лениво переваливаясь с боку на бок, в ожидании плавал Хикару.

Ив остался с Верой и Антоном под тентом. Вера всегда возвращала Ива к восторженным дням жизни на Плавающем острове. Она напоминала ему Биату, любовь к которой все еще тлела в его сердце. С Антоном они тесно сдружились после битвы с пришельцами. Его восхищал этот сильный, смелый человек, посвятивший свою жизнь завоеванию космоса. Антон последние дни проводил на Земле со своей невестой. На Лунном космодроме ждал его первый межпланетный корабль, готовый к полету на Марс.

Ив принес почти все консервированные соки, что нашлись у Тосио в холодильниках. Студенты набросились на них и мигом опустошили все банки и пакеты.

— Благодарим, нам, кажется, пора,— сказал высокий белобрюхий студент; видимо, он был в группе за старшего.— Счастливо оставаться. Нам на семьсот восьмую.

Ив сказал:

— Это в пяти милях отсюда, держитесь вдоль берега. Если подниметесь на крышу, то увидите островок и белое здание биостанции.

— У нас есть карта побережья,— ответил белобрюхий.— Спасибо за угощение.

— Я поеду с вами,— сказал Антон.

— Напрасно беспокоитесь,— обиделся студент,— у меня права вождения первого класса.

— Но кто нам вернет катамаран? — улыбаясь, спросил Антон.

— Я, конечно. Отвезу ребят на семьсот восьмой и на семьсот десятый и заеду за вами. Мне все равно надо побывать на Центральном, поговорить кое с кем. Я буду здесь через четыре часа.— Студент умоляюще посмотрел

на Антона, в то же время стараясь сохранить на лице железное спокойствие.

Его друзья — пять девушек и трое юношей — напряженно молчали. И для них решался вопрос величайшей важности: доверит ли им этот человек корабль и позволит ли совершить самостоятельный рейс, пусть всего в двадцать миль, по величайшей лагуне, где еще недавно свирепствовали гигантские морские звезды и глубоководные кальмары.

Антон переглянулся с Ивом и сказал:

— Хорошо. Отправляйтесь одни. Катамаран оставьте на последней станции, мы прилетим за ним на авиетке. Счастливо, друзья!

Действительно счастливые друзья расселились в гондолах, кто-то включил проигрыватель, и под звуки там-тамов и дикое завывание труб кораблик отвалил от причала. Белобрысый студент, теперь он оказался в форменной фуражке с эмблемой капитана дальнего плавания, взял под козырек и перевел рычаг на «самый полный».

Вера сказала с улыбкой:

— Необыкновенно славные ребята, и как ты хорошо сделал, Антон, что доверил им катамаран! Теперь они на седьмом небе.

— Вспомнил свои студенческие годы, когда кажется, что ты мудростью стал выше профессоров и способен на все великие подвиги.

Возвращались подводные охотники. Первым показалась из воды Хикару, за ее спинной плавник держалась Наташа. Она откинула маску за спину и крикнула:

— Есть! Во какой! Тосио подстрелил. Я промазала, а Костя с Хикару были загонщиками.

Вынырнули Костя и Тосио. Поднялись по трапу, неся в сетке десятикилограммового тунца и множество крупных креветок.

Наташа побежала под душ и долго не возвращалась. За это время Тосио выпотрошил тунца и принялся священнодействовать у газовой плиты, стоявшей на причале. Костя с самым серьезным видом ассистировал ему. Он признавал, что в кулинарном искусстве уступает своему другу, и безропотно подчинялся каждому его жесту. К тому же Костя любил хорошо и обильно поесть. Часть тунца повар приказал отнести в холодильник — тунцовое филе будет подано на закуску в сыром виде,—

остальная часть подверглась сложной обработке и, снабженная специями, в большой жаровне тушилась на медленном огне. Тосио принялся за креветок. Костя отделял шейки, очищал их, повар готовил тесто, в которое их закатают и изжарят в пальмовом масле. Но были еще голотурии; кроме пойманной утром, сейчас прихватили со дна еще две штуки. Тосио намерен был приготовить их по-китайски — с овощами, креветками, курицей, консервированной ветчиной — и подать под острым соевым соусом.

— Отлично! Отлично! — повторял Костя и, преисполненный уважения, называл друга «Тосио-сенсей» и проявлял необыкновенную расторопность, носясь от холодильников к плите и обратно.

Поверх плавок Тосио приказал повязать ему полотенце, а на голову надеть белую лабораторную шапочку. И Костя облачился в такой же наряд и, спасая глаза от раскаленных брызг масла, надел защитные очки.

Выбрав свободную минуту, Костя забежал под тент и, смахивая пот со лба, сказал:

— Чудо что получается! Обед из десяти блюд, не считая десерта, две бутылки сухого вина, соки, бутылка пива... Какая жалость, что мы не захватили шампанского. Никто не думал, что получится такой дивный день.

Антон сказал:

— Есть и шампанское. У нас с Верой сегодня знаменательный день, вот мы и захватили пару бутылок.

— Костя! — позвал Тосио.

— Сейчас, сенсей!.. Извините! — И он побежал к плите.

Наташа с чемоданом в руке прошла в большую комнату Тосио. Там уже стоял накрытый стол, веяло прохладой. Через стенку доносились мужские голоса и смех. Вера сидела на тюфяках, обхватив колени. При виде посторонних она всплеснула руками.

— Натали! — только и смогла она сказать и стала, охая и ахая, разглядывать ее со всех сторон.

Наташа действительно преобразилась и еще больше похорошела. Она надела светло-зеленое платье из китайского шелка, ухитрилась сделать прическу, увенчав ее черепаховым гребнем. Платиновые серьги с большими изумрудами, окаймленные мелкими бриллиантами, необыкновенно шли к ее зеленым глазам и нежно порозо-

вевшей коже лица без признаков косметики, только на левой щеке чернела бархатная мушка, имевшая какой-то тайный смысл в далеком XVII веке. Видно, Наташа где-то отыскала, что значит этот символ женского кокетства времен серенад и дуэлей.

Вера перевела дух.

— Ты непостижима, Натка. В такой глупши — и так одеться! — Она невольно бросила взгляд на свои шортики и блузку, которая совсем недавно казалась ей такой нарядной, а сейчас словно полиняла, сникла перед лицом такой красоты и изящества.

Наташа раскрыла чемодан:

— Вот. Правда, выбор здесь небольшой, всего три платья. Размер у нас один. Они почти не помяты. Тебе пойдет это лиловое. И в коробочке есть рубиновое колье. Живо, а не то сейчас нагрянут мужчины. Чем они там занимаются?

— Видимо, тоже прихорашиваются. А я все забыла на Центральном посту. Не думала, что будет такой пышный прием.

Раздались шаги у дверей.

— К нам нельзя! — сказала Наташа.

— Но у нас пережарится тунец! — воскликнул Костя, и в его голосе прозвучал неподдельный испуг.

— Убавь огонь, — посоветовала Наташа.

— Но здесь нет зеркала, — сказала Вера, оглядывая комнату.

— Должно быть, в стеклом шкафу, вот здесь, в углу. Ну конечно, как хитро запрятана ручка. — Она распахнула дверь, в обратную сторону которой было вделано большое зеркало. — Как будто ничего. Сойдет, — сказала она, мельком оглядев себя. — А я-то забыла о существовании этого зеркала и одевалась и причесывалась наверху, в лаборатории, перед оконными стеклами и шкафами. А ты, Вера, прелесть в этом платье и колье. Постой, а серьги! Какая я бестолковая, ведь есть и серьги. — Она порылась в шкатулке и извлекла из-под пуговиц, булавок, брошей серьги работы древних индийских ювелиров. Надень-ка. О! Очень и очень. Прими от меня все эти безделушки как свадебный подарок.

— Благодарю.

— Теперь, — сказала Наташа, — что-то надо сделать с твоей прической. У тебя такие чудесные волосы,

что мудрить с ними нечего, надо только их чуть организовать. Не беспокойся, у меня здесь целый набор шпилек...

Костя несколько раз подходил к дверям, вздыхал, во-рчал, пока его не уводили Ив и Тосио.

Через час с четвертью перед истомленными мужчинами наконец распахнулась дверь-окно. На пороге стояли преображеные Наташа и Вера. Платья из тончайшего шелка, драгоценности оттеняли их красоту. Они были босы, как индийские танцовщицы, и это придавало им еще больше прелести.

С минуту пораженные зрители хранили восторженное молчание, затем дружно зааплодировали, и Костя сказал:

— Из-за этого стоило подождать с обедом. Вы и так были прекрасны, но то, что вы сделали с собой за каких-то два часа, в состоянии выразить в стихах только один хозяин этой хижины, и то, боюсь, у него не хватит слов... Но боги всемогущие! Кажется, что-то подгорело! — И он бросился к плите.

Ив, Тосио и Антон остались недвижимы, любуясь девушками. Вера подошла к Антону, взяла его под руку, отвела к лестнице, спросила:

— Ну как? Действительно ничего?

— Еще как ничего!

— Но у меня нет туфель к платью.

Антон посмотрел на ее босую узкую ножку и, улыбаясь, ответил:

— Не нужно никаких туфель.

— Правда? А ты чувствуешь, какие духи? Только к этому платью.

— Нет, мне кажется, такой аромат присущ только тебе одной.

— О льстец!.. — Их голоса затихли, они зашли за дом.

— Ну, а кто мне подаст руку? — спросила Наташа и подошла к Тосио. — Ну, что ты молчишь? Предложи мне руку. Веди меня к столу. Пожалей Костю. Или я тебе не нравлюсь во всем этом?

Тосио удержал ее руку, готовую снять сережку.

— Постой, Наташа. Ты во всем этом необыкновенно хороша, я тебя такой не видел и в мечтах. Но знаешь, сегодня ты не должна быть так хороша, так красива...

— Понимаю: неприлично быть красивее невесты на ее помолвке? Да?

Тосио кивнул, смущенно улыбаясь.

— Милый! Ведь сегодня и наша помолвка, и я невеста, твоя невеста! Но дай же мне руку и веди к столу. Вот и Вера с Антоном. Нет, ты неправ, что я выгляжу лучше.

Тосио, сраженный счастьем, забыл, что он в набедренной повязке из полотенца, подал руку Наташе и повел ее в распахнутые настежь створки двери-окна.

Ив и Костя, стоя у плиты, смотрели им вслед. Костя прошептал:

— Странно, что рядом с такой красавицей наш полу-голый Тосио, вернее, голый на девяносто процентов не выглядит ни смешным, ни нелепым. Смотри, как он подчеркивает ее женственность. Как он сам красив! И все же происходящее перед нашими глазами для меня непостижимо.

— Как непостижима женщина,— ответил Ив и продолжал: — Я давно заметил их странную любовь.

— Чем же странная? Любовь как любовь. Бери соусник, а я возьму жаровню. Шампанское в холодильнике?

— Да, Костя, в холодильнике.

— Чем же их любовь странная?.. Ты иди за мной и не запнись на пороге.

— Сам не запнись. А странная потому, что она протекала не по известным каналам. Наташа таила ее в себе, чтобы обрушить на Тосио, как лавину, вот так, как сегодня.

— Все-таки она подготовила его,— сказал Костя.

— Ах, сегодня?

— Да, утром. Я сразу понял, что здесь что-то назревает.

Навстречу им вышел Тосио.

— Приказано переодеться к столу,— прошептал он.— Несите, я быстро.

— А нам не надо,— сказал Костя: — Он ведь жених, а мы так, официанты на свадебном торжестве.

— Пока только на помолвке,— сказала Наташа.— Все равно, и вам следует надеть на себя хоть что-нибудь, так как и вам придется показаться на телеэкране как свидетелям. Ставьте ваше сгоревшее жаркое — и живо переодеваться.

Жаркое не подгорело, по выражению Кости, оно исто-
чало неповторимый букет, так же удался соус из трепан-
гов и водорослей, огромным успехом пользовались мари-
нады, икра морских ежей, салат из мидий, кальмаров и
морской капусты, мраморное мясо сырого тунца, в
хрустальной чаше благоухали ананасы, в глиняном запо-
тевшем кувшине — сок манго.

— И много ли надо человеку! — сказал Костя, на-
кладывая себе вторую порцию рыбы.

Поднимали стаканы за счастье, за успехи молодых,
за дружбу. Костя взялся было открывать вторую бутылку
шампанского, но Наташа остановила его:

— Подожди еще десять минут — ровно в пять нас
примет мэр Лусинды, по телеку, конечно; он был так лю-
безен, и наши родные тоже покажутся на экране.

Тосио попытался встать, сказав:

— Только я забыл о своих стариках.

— Не беспокойся, я с ними разговаривала еще утром
и предупредила о нашей помолвке. Они ждут. У тебя ми-
ллая и молодая мама и славный отец. Не делай удивлен-
ных глаз, я познакомилась с ними уже несколько меся-
цев назад и встречаюсь почти каждую неделю.

— И они мне ни слова!

— Я просила их помолчать некоторое время. Костя!
Кажется, пора, открывай последнюю бутылку. А ты, То-
сио, включи все светильники и заставь своего Джона по-
работать как следует.

Множество лиц заполнило большой экран телевизо-
ра, скрытого до этого в стене. Спутник связи, висевший
над экватором, собрал родных и друзей виновников тор-
жества со всех концов земли: из Японии, России, Анг-
лии, Америки, Австралии. Рядом с толстым мэром Лу-
синды находился торжественный Чаури Сингх. Мэр ска-
зал, поднимая бокал:

— Поздравляю почетных граждан славного города
Лусинды с важнейшим шагом в их жизни! Помолвка —
это торжественная клятва верности. Я счастлив, что та-
кой замечательный древний обычай воскрешается и в на-
шем городе. Обнимаю вас, пью за ваше счастье!

Зазвенели бокалы. Затем все столпились у экрана,
чтобы принять поздравления. Минут десять в комнате
стоял гул голосов, смех, слышались напутствия, пожела-
ния счастья. Мать Тосио, действительно молодая еще

женщина, не могла унять счастливые слезы, и они бежали по ее нежному лицу, она их не стирала, чтобы не испортить специальную косметику для позирования на телевизоре.

Затем экран медленно погас, смешав все лица и краски. Джон приглушил свет и сказал голосом Кости:

— Разрешите и мне поздравить молодых с их серьезным и рискованным шагом в жизни. Сожалею, что по ряду обстоятельств я не могу выпить с вами и обнять вас всей своей электроникой, поэтому поручаю эту приятную обязанность своему личному другу Косте. Привет! Привет! Привет! После чего объявляю танцы.

Довольный своей выдумкой, Костя расцеловал невест, пожал руки женихам, что он проделывал уже трижды.

Полилась тихая волнующая музыка. Костя взял Ива за руку, и они молча вышли на причал, подошли к стеклянной будке гидрофона. Ив сказал:

— Мы совсем забыли Хикару.

Он спустился к воде и похлопал по ней ладонью. Дельфин не подплыл, не отозвался.

— Уплыл, обиделся,— сказал Ив, поднимаясь снова на причал.

Из всех окон лился свет. Пары скользили по зелено-му покрытию причала. К музыке примешивался монотонный плеск волн. В темной воде вспыхивали и гасли живые светильники.

Ив сказал:

— От чужого счастья почему-то становится грустно.

— Есть немного,— согласился Костя.— Все равно я рад за нашего Тосио. И надо же...— Он не договорил: внизу раздался вздох.— Хикару! — радостно воскликнул Костя.

Они с Ивом спустились к воде.

— Мы подумали, что ты поплыл дальше,— сказал Ив.

— Уплыву завтра, когда покажется солнце. Я находился недалеко, я слышал, как ты звал меня, и тихо двигался, слушая музыку. Я люблю плеск необыкновенных звуков. Когда я слушаю, меня охватывает то радость, то горе. Музыка — самое большое волшебство человека. Знаю — свадьба. Мне приходилось бывать на свадьбах. На островах Фиджи я пил вино на свадьбе. Вино делает

моложе и глупей, потом болит голова и не хочется ни есть, ни плавать, а только лежать на мягким песке. Я больше не буду пить вина.

— На Фиджи веселые свадьбы,— сказал Костя.

— Много огней, много шума, приятного шума. Там всем надевают венки из цветов. Мне также надевали венок, но он мешал плавать. Люди там танцуют всю ночь на берегу, дельфины — в лагуне. Там совсем другая музыка; она заставляет выпрыгивать из воды, ходить на хвосте, продевывать массу веселых вещей. Хорошие свадьбы на Фиджи.

— И у нас не хуже,— сказал Костя.— Хочешь, сейчас будет музыка, как на Фиджи?

— Нет. Эта музыка приятней, и мне уже не хочется ходить на хвосте. Мне хочется смотреть на звезды, как они медленно движутся по кругу, никогда не сбиваясь, не перегоняя друг друга. Мой друг Мокимото говорил мне, что звезды — это такие же солнца, как наше, возле многих солнц есть планеты, а на планетах есть живые существа, и я думаю, что, может быть, там, далеко, также в море плавает такой же Хикару и тоже смотрит на небо и думает так же, как я.

— Костя, Ив! — позвала Наташа.— Где вы? Идите танцевать.

— Сейчас, идем,— покорно отозвался Ив.

Костя сказал Хикару:

— И там такое же торжество, танцуют под неизвестную музыку, и кому-то весело, а кому-то немножко грустно...

СОДЕРЖАНИЕ

Синезеленая чума	5
Полет на «Сириус»	20
Поле хлореллы	41
Старые записи	58
Хвастунишка Пуффи	77
Экспедиция Рудольфа	91
Нашествие	108
Возвращение	136
Битва над городом	154
Разговор креветок	172
Под сенью рифа	191
Светящееся чудо	203
Философ Хикару	222
Очень длинный день	235
Веселые свадьбы играют на Фиджи	251

Для среднего и старшего возраста

Сергей Георгиевич Жемайтис

БОЛЬШАЯ ЛАГУНА

ИБ№20

Ответственный редактор
И. Б. Шустова

Художественный редактор
Т. М. Токарева

Технический редактор
Н. Ю. Крапоткина

Корректоры
Е. И. Мартынова и Л. А. Рогова

Сдано в набор 23/VI 1976 г. Подписано к печати 27/1 1977 г. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,67. Тираж 75 000 экз. А03722. Заказ № 3796. Цена 62 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

62 коп.